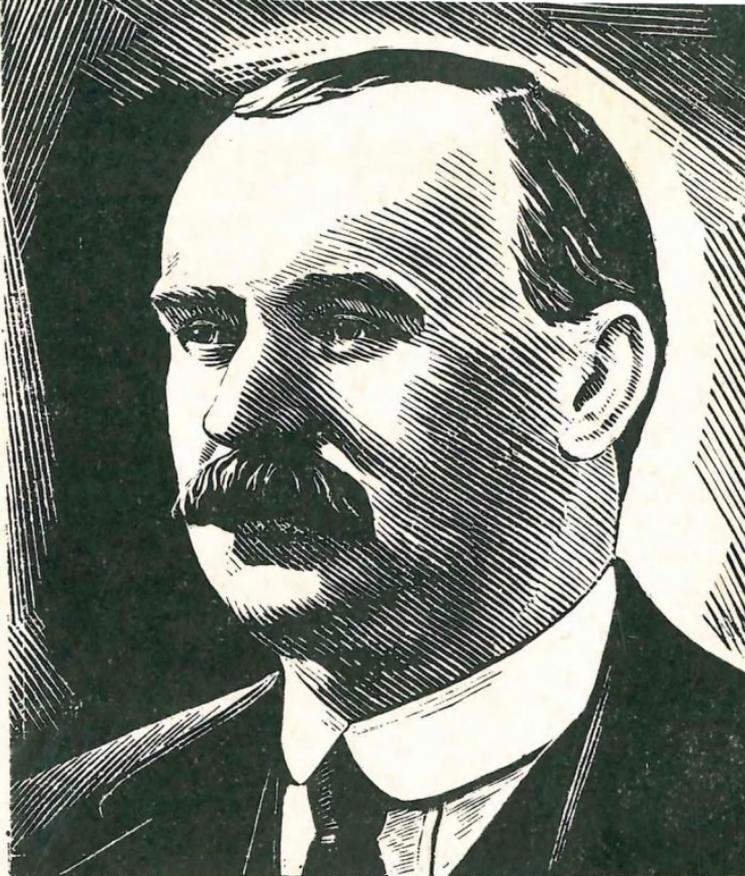

185-34
35-1

Х.Т. Загладина

ДЖЕЙМС КОННОЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"МЫСЛЬ"

Х.Т. Загладина

ДЖЕЙМС
КОННОЛИ

Москва «Мысль»
1985

ББК 66.61(4И)
З-14

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент
кандидат исторических наук М. Е. Орлова

Загладина Х. Т.

З-14 Джеймс Конноли. — М.: Мысль, 1985. — 167 с.,
ил.
65 к.

Книга посвящена жизни и деятельности выдающегося ирландского революционера, признанного вождя пролетариата, мыслителя и поэта Джеймса Конноли (1868—1916). Жизнь Конноли показана на фоне основных событий национально-освободительной борьбы народа Ирландии против британского империализма.

З $\frac{0504030000-143}{004(01)-85}$ 68-85

ББК 66.61(4И)
ЗКИ1(092)

ОТ АВТОРА

Мировое рабочее и коммунистическое движение нередко выдвигает из своих рядов выдающихся лидеров, жизнь которых подобно факелу освещает путь будущих поколений. Судьбы их различны, а порой уникальны.

Вероятно, закономерно, что история рабочего движения каждой страны знает деятеля, имя которого навеки остается в памяти потомков. В Ирландии такой фигурой стал Джеймс Конноли — видный марксист, вождь ирландского пролетариата. Его судьба была связана с рабочим движением практически трех стран — Англии, Ирландии и США, но большую часть своих сил и в конечном счете жизнь он отдал делу борьбы за социальное и национальное освобождение Ирландии. Благодарные ирландцы назвали в его честь две улицы в Дублине, одну из железнодорожных станций; его портрет печатается на почтовых марках.

Имя Джеймса Конноли прочно вошло в историю национально-освободительной борьбы ирландского народа, международного рабочего и коммунистического движения. Ассоциации его памяти существуют почти во всех странах, где живут выходцы из Ирландии.

Имя Конноли знают и советские читатели. Об отдельных сторонах его жизни и деятельности писали такие известные ученые, как Л. И. Зубок, П. М. Керженцев, Е. Б. Черняк, А. Д. Колпаков, М. Е. Орлова, Л. Ф. Туполева, Е. Ю. Полякова¹. В ряде художественных произведений, переведенных на русский язык (например, «Алое и зеленое» Айрис Мэрдок² и «Взбаламученный город» Джеймса Планкетта³), также описывается деятельность Дж. Конноли в контексте наиболее ярких страниц ирландской истории (Дублинская стачка 1913 г., Ирландское национальное восстание 1916 г.).

Среди зарубежных исследований, посвященных ирландскому патриоту, выделяются написанные с прогрессивных позиций работы английского историка-марксиста Д. Гривза и американских ученых А. и К. Ривов⁴.

Популярность ирландского национального героя Дж. Конноли обуславливает острую идейную борьбу вокруг оценки его деятельности. Будучи вынужденными признать его вклад в дело борьбы за национальное освобождение, правящие круги Ирландии всегда стремились предать забвению его революционные идеи, которые сохранили свою актуальность и в современных условиях.

Буржуазные идеологи преднамеренно игнорируют тот факт, что Дж. Конноли был последовательным борцом за глубокие социальные преобразования. Интересно отметить, что в целом авторы буржуазно-националистического направления в ирландской исторической науке⁵, преклоняясь перед героизмом Конноли, стремятся придать буржуазно-респектабельный облик его личности, выхолостить революционную суть его идей, разорвать его связь с современностью. Политическая подоплека подобной грубой фальсификации вполне очевидна. Попытки исказить общественно-политические взгляды Дж. Конноли отражают стремление реакционных сил ослабить идейные позиции Коммунистической партии Ирландии, опирающейся на революционные традиции ирландского рабочего движения, у истоков которого стоял Дж. Конноли.

Предлагаемая читателям книга представляет социально-биографический очерк жизни и деятельности крупного ирландского марксиста, пламенного революционера, негибаемого борца за свободу ирландского народа. В ней впервые в советской историографии на конкретном историческом материале дается эволюция его взглядов, рассматривается сложный, порой противоречивый процесс становления Дж. Конноли как марксиста, вождя ирландского рабочего класса.

В ходе подготовки монографии были использованы труды самого Конноли, мемуары его дочери Н. Конноли, ближайшего соратника У. О'Брайена, одного из лидеров Компартии США Э. Флинн, материалы архива Конноли, в частности его обширная переписка с деятелями ирландского, английского и американского рабочего движения, на которую ссылаются зарубежные авторы в ряде биографических работ о Конноли (А. и К. Ривы, Р. Эдвардз, С. Левинсон, Д. Гривз).

Автор опирался также на материалы Компартии Ирландии, в которых содержится оценка деятельности Дж. Конноли, влияния его идейно-теоретического наследия на развитие рабочего и национально-освободительного движения, раскрывается значение революционных традиций, заложенных Конноли, для борьбы прогрессивных сил Ирландии и Великобритании за справедливое демократическое решение североирландского вопроса.

Автор выражает искреннюю благодарность Д. А. Шарифу, Е. Б. Черняку, И. А. Никитиной, М. Е. Орловой, а также всем ознакомившимся с рукописью за ценные советы и замечания, которые оказали большую помощь в работе над книгой.

**ОТ РЯДОВОГО АРМИИ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
ДО ОРГАНИЗАТОРА
МАРКСИСТСКОЙ ПАРТИИ
В ИРЛАНДИИ**

**Первые шаги Дж. Конноли
как активиста рабочего
движения в Шотландии**

Джеймс Конноли родился в Эдинбурге 5 июня 1868 г. История его семьи во многом повторяет судьбу тысяч семей эмигрантов из Ирландии, покинувших свою родину, разоренную многовековым колониальным владычеством Британии.

Родители Джеймса уехали из Ирландии в годы массовой эмиграции, особенно усилившейся после голода 1845—1847 гг. Основной поток ирландских эмигрантов тогда направлялся в США. Те же, у кого не было средств на поездку за океан, оседали в Великобритании.

Постоянный приток эмигрантов содействовал формированию крупных ирландских общин в ряде английских городов, преимущественно в промышленных центрах, — Глазго, Манчестере, Данди, Эдинбурге и др. Социальное и национальное угнетение, стремление к совместной защите своих интересов способствовали нарастанию протеста против неравноправного положения. Революционные настроения среди ирландских рабочих в Великобритании были даже сильнее, чем в самой Ирландии, писал впоследствии Дж. Конноли в своей книге «Рабочий класс в истории Ирландии»¹.

Детские годы Конноли, проведенные в Эдинбурге, совпали по времени с серьезным брожением среди ирландцев, вызванным деятельностью фенианских тайных организаций, которые ставили своей целью подготовку восстания для освобождения Ирландии. В 1867 г. попытка восстания была жестоко подавлена английскими властями, а его участники казнены или брошены в тюрьмы. В последующие годы в Ирландии и Великобритании развернулась кампания за амнистию заключенных, в которой участвовало и ирландское население Эдинбурга.

Еще маленького Джеймса родители часто брали с собой на митинги и демонстрации протеста против репрессий английских властей в Ирландии. Его дядя Макбрайд, участник восстания фениев, рассказывал племяннику о целях этой организации, традициях освободительной борьбы ирландского народа.

Отец — Джон Конноли — первоначально батрак, переселившись в Эдинбург, стал уборщиком улиц, затем фонарщиком. Мать — Мэри Конноли — прислуживала в домах богатых людей. Доходов семьи не хватало не только на образование троих детей (Джеймс был младшим), но даже и на их пропитание.

Джеймс до 10 лет ходил в местную католическую школу, где научился читать, писать и считать. Затем начал работать и в последующие четыре года сменил несколько профессий. Он был «мальчиком на побегушках» в типографии, помощником наборщика, рабочим в пекарне и на фабрике по производству черепицы.

Раннее вступление в трудовую жизнь, жестокая капиталистическая эксплуатация оказали большое влияние на формирование взглядов Джеймса. В возрасте 12—14 лет, вспоминая позднее Конноли, он был уже «политически сознательным», а по взглядам — «крайним ирландским националистом»².

Конноли жадно интересовался происходящими в Ирландии событиями. В 1879—1881 гг. там поднялась очередная волна национально-освободительного движения, связанная с деятельностью образовавшейся в 1879 г. в Дублине Земельной лиги. Президентом Лиги был избран Чарлз Парнелл, протестантский помещик, убежденный сторонник борьбы в защиту независимости Ирландии. Лига выступала с требованием проведения аграрной реформы, прекращения гона ирландских крестьян с земли, предоставления стране самоуправления и создания автономного ирландского парламента. Революционно-демократическое крыло Лиги возглавил Майкл Девитт, сын изгнанного с земли ирландского арендатора, бывший фений, прошедший трудный жизненный путь, познавший голод, нужду, каторгу и тюремные застенки. М. Девитт был почетным секретарем Исполнительного комитета Лиги, ее непосредственным организатором и идейным руководителем. Он выступал с требованием полного уничтожения лендлордизма (система землевладения, при которой хозяевами земельных латифундий являлись англичане), возвращения земли крестьянам и создания независимой Ирландской республики.

С лета 1880 г. движение Земельной лиги приобрело особый размах. В Ирландии было создано около 200 местных отделений, под руководством которых проходили организованные крестьянские восстания против выселений и повышения арендной платы. Широко стала применяться тактика бойкота. Название это происходит от имени управляющего поместьем в графстве Коннаут капитана Бойкотта, в отношении которого она была впервые успешно применена. В ответ на отказ капитана понизить арендную плату население графства перестало поддерживать с ним всякие отношения. В Ирландии складывалась революционная ситуация. Усилились «аграрные беспорядки». На митинге 16 января 1881 г. Майкл Девитт призвал ирландских крестьян начать всеобщую забастовку весной 1881 г. В отличие от организации фениев Лига действовала легально, открыто распространяла свою литературу, имела большое количество сторонников как среди ирландских эмигрантов, так и среди английских трудящихся.

Джеймс читал публикации Земельной лиги, восхищался их содержанием, следил за развитием событий. После того как правительство Великобритании перешло в наступление против деятелей Земельной лиги, а 4 февраля 1881 г. был арестован М. Девитт, вожди ирландского национального движения М. Девитт и Ч. Парнелл стали кумирами Конноли. Мелкобуржуазную ограниченность М. Девитта и буржуазный либерализм Ч. Парнелла он разглядел значительно позже.

В возрасте 14 лет Джеймс по примеру своего старшего брата Джона, выдав себя за 18-летнего, под именем Рейд вступил в армию. Для многих сыновей ирландских эмигрантов это было единственным средством избавиться на несколько лет от угрозы безработицы и хоть как-то помочь своей семье.

Джеймса зачислили в королевский ливерпульский полк, который состоял преимущественно из ирландцев и считался неблагонадежным. В 1867 и 1881 гг., когда в Ирландии пылали восстания, английские власти «на всякий случай» отбирали у ирландских солдат оружие. Эти опасения были, видимо, небезосновательными.

Впрочем, годы пребывания Дж. Конноли на военной службе (1882—1889) были относительно спокойными. Борьба вокруг ирландских проблем носила тогда преимущественно парламентский характер, главным образом по вопросу о гомруле (самоуправлении). Земельная лига была запрещена правительством. Ирландское националь-

ное движение в это время оказалось расколотым, поскольку его либеральное крыло во главе с Ч. Парнеллом вступило на путь компромиссов и сделок с господствующими классами Великобритании. Осенью 1882 г. под эгидой сторонников предоставления Ирландии самоуправления — гомрулеров — была создана Ирландская национальная лига с умеренной программой, которая включала требование гомруля и весьма ограниченных земельных реформ.

Уже будучи 17-летним, Дж. Конноли впервые ступил на землю Ирландии, о свободолюбивых традициях народа которой он был слышан с колыбели. Первый батальон полка, в котором служил Конноли, дислоцировался в различных районах Ирландии, а с 1885 г. — в Дублине.

Конноли часто бродил по дождливым улицам города, любясь памятниками старины, величественной красотой соборов и церквей, полуразрушенными серыми стенами угрюмых замков, красноречиво свидетельствовавших о непрекращающейся веками борьбе непокорных ирландцев против английских завоевателей. Эти «экскурсии» будоражили разум, уносили воображение в далекие тревожные времена истории, когда ирландский народ пытался сбросить чужеземное ярмо. Когда Конноли видел мрачные громады Дублинского замка, построенного по приказу английского короля Иоанна Безземельного в 1215 г. и ставшего резиденцией английских правителей, символом владычества метрополии над «Зеленым островом», он, подобно тысячам ирландцев, испытывал чувство ненависти к английским колонизаторам.

Находясь однажды в увольнении и укрываясь от дождя на трамвайной остановке, Конноли познакомился с девушкой, которая своей красотой и обаянием произвела на него неизгладимое впечатление. Этот непокорный, древний «Изумрудный остров» стал ему еще ближе, еще дороже. Ведь здесь он полюбил человека, с которым на долгие годы судьба связала его крепкой и неразрывной дружбой. А ирландская девушка стала для него олицетворением самых чистых и благородных побуждений. Звали девушку Лилиан Рейнольдс. В то время она прислуживала в богатой юнионистской семье.

Пребывание в армии не только дало Джеймсу знание основ военного дела, пригодившееся ему впоследствии, но и укрепило в нем ненависть к поработителям своего народа. Он видел бедственное положение ирландцев, демонстрации безработных. Символом непримиримости к

завоевателям стали для него черные флаги, которые дублинцы вывешивали в дни юбилеев королевы Виктории в знак протеста против британского владычества. Конноли наглядно убедился, что власть Англии над Ирландией удерживается лишь силой оружия. На всю жизнь врезалась ему в память ночь, когда ему пришлось караулить простого крестьянина, которого наутро должны были казнить за участие в «аграрных беспорядках».

Семилетняя служба в армии не сделала Джеймса «дисциплинированным» солдатом британской короны, о чем свидетельствовали его дальнейшие шаги. В 1889 г. он узнал о тяжелом заболевании отца, вследствие этого потерявшего работу. Ухудшилось и состояние здоровья матери, а на следующий год она умерла. В это же время у Джеймса возникли осложнения в отношении женитьбы. Поскольку Лилиан была протестанткой, а Джеймс католиком, это исключало возможность заключения брака между ними без специального разрешения, которое едва ли дали бы рядовому солдату. А предполагаемый перевод батальона из Дублина в Ольдершот лишил бы его возможности видеться с Лилиан.

Тревога за родителей, любовь к Лилиан толкнули Джеймса на шаг, который мог иметь опасные последствия,—он самовольно покинул службу и укрылся в Перте у своего дальнего родственника. Сюда же приехала и его невеста.

Инцидент, однако, остался без последствий. Помогли случайные обстоятельства. При переводе батальона произошла путаница в списках, и Джеймса не сразу хватились. А тут подошел срок окончания его службы. Удачно решился вопрос с женитьбой. Весной 1889 г. молодые люди были помолвлены.

Казалось, наконец-то начинается новая жизнь. Но все было не так просто.

Еще до женитьбы Конноли энергично занялся поисками работы. Однако все его усилия при существовавшем тогда высоком уровне безработицы оказались тщетными. Удалось найти лишь временную работу в Данди в качестве чернорабочего.

Оказавшись лицом к лицу перед жестокой конкуренцией на рынке труда, обрекавшей трудящихся на бесправное положение, Конноли стал проявлять активный интерес к социалистическим идеям.

Рабочее движение Великобритании в конце XIX в. переживало важный этап своего развития. В нем все более широкое распространение получали марксистские взгляды

ды. Этому способствовали прогрессивные английские журналы «Тудэй» и «Прогресс», в которых публиковались статьи Ф. Энгельса, П. Лафарга, Эл. Маркс, Б. Бакса, Эд. Эвелинга и других марксистов.

Постепенно пролетариат выходил из-под влияния либералов, вступая на ту ступень своего развития, когда логика классовой борьбы подсказывает возможность и необходимость создания самостоятельной революционной партии, отстаивающей его политические и экономические интересы. Предвестниками возникновения такой партии явились первые социалистические организации. В Лондоне в 1881 г. образовалась Демократическая федерация, реорганизовавшаяся в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию (СДФ). Она внесла большой вклад в развитие рабочего движения, разоблачая пороки капитализма, проводя «систематическую пропаганду и агитацию в марксистском духе»³. Однако, считая своей целью подготовку социалистической революции, лидеры СДФ оставляли вне поля зрения проблемы текущей, повседневной борьбы рабочих за свои права, недооценивали значение стачечной борьбы. Ф. Энгельс писал о руководителе СДФ Гайндмане: «Своими действиями он показывает, как бесполезна платформа — пусть в основном теоретически правильная, — если она не связывается с действительными потребностями людей»⁴. Это определение Ф. Энгельса очень близко по сути к высказыванию Конноли о Гайндмане (1903 г.): «Я восхищаюсь им, когда он говорит о социалистической экономике, но в политическом плане вся его биография — серия ошибок. Основная черта его характера — пропагандируя революцию, практиковать компромисс, не делая с умом ни то, ни другое»⁵.

Враждебное отношение руководства СДФ к тред-юнионистскому движению вызывало растущее сопротивление левого крыла федерации, недовольного сектантской политикой в отношении других организаций рабочего класса. Уже в 1884 г. после длительных дискуссий в СДФ произошел раскол: из организации выделилась Социалистическая лига, возглавляемая видным социалистом У Моррисом. Среди ее руководителей было немало марксистов, в частности дочь К. Маркса Элеонора, ее муж Эд. Эвелинг, Б. Бакс.

В ирландском вопросе Социалистическая лига развивала идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, выступала против агрессивной империалистической колониальной политики правящих кругов Великобритании, занимая интернационалистскую позицию. «Едва ли надо говорить, — неодно-

кратно писал Эд. Эвелинг, — что все социалисты в душе ирландские националисты. Но в то же время мы помним, что, когда будет решен вопрос об ирландской независимости, великая нация станет свободной для того, чтобы решить еще более важный вопрос — освобождение труда»⁶.

В 1889 г., когда в Данди возникло отделение Социалистической лиги, Джеймс Конноли стал ее активистом. Решение это не было случайным. Патриот своей поращенной родины, Конноли видел, что подлинные сторонники освобождения Ирландии находятся не в парламенте, а в социалистическом движении. Кроме того, он постепенно начал осознавать историческую правоту учения К. Маркса.

По истечении года, проведенного в Данди, Джеймсу наконец с помощью брата удалось найти постоянную работу в Эдинбурге. Теперь можно было снять квартиру и назначить дату свадьбы с Лилиан. Однако, вступив в Социалистическую лигу, членом которой был и его брат Джон, Джеймс с энтузиазмом включился в работу по организации забастовки. Он был настолько увлечен этим новым для себя делом, что даже предложил отсрочить свадьбу с Лилиан, намеченную на апрель 1890 г. «Если мы поженимся на следующей неделе, — писал он своей невесте, — я не смогу поехать в Данди, как обещал, а там мои братья-рабочие готовятся провести в конце месяца забастовку с требованием сокращения рабочего дня. Поскольку мой брат и я — зачинщики этого, мы должны быть на месте. Если нас не будет, на нас будут смотреть, как на предателей»⁷.

Переехав в Эдинбург, Джеймс Конноли установил тесные связи с социалистическим движением Шотландии. Эдинбург того времени был одним из крупных центров рабочего движения. В 1888 г. здесь состоялась конференция социалистических организаций Шотландии, на которой была создана Шотландская социалистическая федерация (ШСФ). В нее, в частности, вошли шотландские отделения СДФ, Социалистической лиги, Шотландская земельная и рабочая лига. Первым секретарем новой организации стал Д. Лесли — выдающийся оратор, поэт и публицист, считавший себя ирландцем (его мать была родом из Ирландии). Между братьями Конноли и Лесли установились товарищеские отношения. Как вспоминает Д. Лесли, впервые он обратил внимание на Джеймса на митингах ШСФ, на которых тот был постоянным и очень внимательным слушателем. Когда Лесли на одном из ми-

тингов подвергся грубым оскорблениям и на мгновение растерялся, Джеймс вскочил на стул, заменявший ораторам трибуну, решительно выступив в защиту Лесли и отстаиваемых им идей. Убеденность, прозвучавшая в словах Конноли, логичность аргументов произвели такое впечатление, что Лесли тут же предложил Джеймсу вступить в ШСФ, на что тот охотно согласился. Джеймс неоднократно председательствовал на собраниях ШСФ, а Джон по рекомендации Лесли был избран в 1893 г. секретарем ШСФ. Сам Лесли стал тогда секретарем отделения Независимой рабочей партии (НРП) в Эдинбурге.

Одну из своих важнейших задач ШСФ видела в пропаганде идей марксизма и научного социализма. В те годы интерес к социалистической, марксистской литературе в Великобритании был велик, а издавалось ее мало. Выдающимся событием для английских социалистов стало появление в 1886 г. английского издания I тома «Капитала» К. Маркса. В 1888 г. был издан английский перевод «Манифеста Коммунистической партии» с предисловием Ф. Энгельса, в 1892 г. вышли английские издания известных работ Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и «Развитие социализма от утопии к науке».

ШСФ проводила по три митинга в неделю, арендуя для этого различные помещения. Один из них обязательно посвящался вопросам марксистской революционной теории. С лекциями выступал, как правило, Д. Лесли. Джеймс присутствовал на большинстве из них. Сам он в эти годы целеустремленно изучал марксистскую литературу, работы социалистов-утопистов. По пятницам в маленькой квартире Джеймса на Лотиан-стрит в Эдинбурге собирался кружок единомышленников, где обсуждалось прочитанное, возникали горячие споры.

Немногочисленность марксистских публикаций при изобилии литературы, в которой марксизм «ниспровергался» или извращался, не очень высокий образовательный ценз мешали деятелям рабочего движения, переходившим на позиции марксизма, сразу овладеть им в полном объеме. Особые трудности возникали там, где нужен был теоретический анализ насущных проблем классовой борьбы, где требовалось увязать теорию с практикой. Этим в значительной мере объясняется слабость первых социалистических организаций. Так, ШСФ, ведя пропаганду идей марксизма, мало занималась практической деятельностью. Единственным ее крупным начинанием была попытка поднять тред-юнионы на борьбу за 8-часо-

вой рабочий день, но и она первоначально не встретила понимания.

В 1893 г., во время очередной встречи на квартире у Джеймса, его брат Джон — секретарь ШСФ и Д. Лесли — секретарь отделения НРП договорились о проведении совместной демонстрации 6 мая в поддержку требования о 8-часовом рабочем дне. Демонстрация не только состоялась, но и прошла с большим успехом, напугавшим городские власти. В результате Джон Конноли как зачинщик был уволен из городской корпорации, где он работал. Попытки добиться его восстановления ни к чему не привели. В итоге Джон вынужден был отказаться от поста секретаря ШСФ и заняться поисками работы.

Новым секретарем ШСФ был избран Джеймс Конноли. Первые же его шаги показали, что он вполне созрел для новой роли руководителя пролетарской организации. Активность ШСФ стала отмечаться в популярном у социалистов Великобритании печатном органе Социал-демократической федерации — газете «Джастис» («Справедливость»).

Сразу же после избрания Конноли секретарем ШСФ было принято решение послать делегата на международный конгресс в Цюрихе с обязательством голосовать против вхождения анархистов в состав II Интернационала. Затем Конноли выступил с рядом инициатив: распространить деятельность ШСФ на Лит — быстро растущий промышленный центр, создать группу ораторов; на страницах газеты «Джастис» он критиковал реакционную верхушку тред-юнионов, отстаивавшую лишь узкопрофессиональные интересы отдельных слоев рабочих.

Начав выступать на митингах и регулярно публиковаться в социалистической печати (первая его статья была помещена в «Джастис» в 1892 г.), Джеймс к 26 годам проявил себя как талантливый оратор и публицист. Уже в этот период своей деятельности Конноли сумел с марксистских позиций подойти к важнейшим проблемам экономического и социально-политического развития Ирландии. В одной из своих ранних работ, отмечая, что историки и политики уделяют экономической стороне дела очень мало внимания, Конноли писал: «Научный социализм основывается на непреложной истине, выраженной в идее Маркса о том, что экономическая зависимость рабочих от собственников средств производства является основой рабства во всех формах, причиной почти всех социальных бедствий, совершенных преступлений, интел-

лектуальной деградации и политической зависимости»⁸.

Первые статьи давались Джеймсу с большим трудом. Он много работал над тем, чтобы научиться выражать свою мысль ясно, четко и логично, чтобы она была понятна читателям. Большую помощь в этом оказывала ему жена Лилиан. Она внимательно читала работы мужа, указывала на те места, которые требовали доработки, правила рукописи, выступая в роли «литературного редактора».

В 1894 г. ШСФ выдвинула Дж. Конноли кандидатом на выборах в городской совет Эдинбурга.

Избирательная кампания Конноли проходила с большим успехом. На первом же митинге на его выступление пришло свыше 500 человек. Основной темой своей предвыборной программы он выбрал жилищный вопрос. Конноли требовал сноса трущоб, строительства новых зданий, установления низкой квартирной платы, введения такой системы налогообложения, которая лишала бы домовладельцев возможности повышать квартплату.

Джеймс Конноли не преувеличивал значения предлагаемых им реформ, рассматривая свое возможное избрание лишь как первый шаг в дальнейшей борьбе. Он писал: «Избрание кандидата-социалиста не означало бы немедленной реализации ни программы, ни предложений, широко развернутых перед избирателями. Пока такие программы, взятые сами по себе, только малозначащие рассуждения... Избрание социалиста в любой выборный орган ценно лишь тем, что оно знаменует приход нарушителя политического мира»⁹.

В первой в своей жизни избирательной кампании Конноли столкнулся с политической практикой буржуазной демократии. Кандидаты — либералы и консерваторы получали щедрые дотации, к их услугам были лучшие залы города и даже церкви. Социалисты же вынуждены были проводить свои митинги на улице. Кандидаты буржуазных партий и буржуазная пресса прилагали все усилия, чтобы дискредитировать Конноли в глазах избирателей. Ему то ставили в вину, что он католик, то обвиняли в атеизме. Избирателям-ирландцам внушали, что, став социалистом, Конноли предал свою страну и веру. Тем не менее по тем временам Джеймс получил довольно много голосов: за него проголосовало 263 избирателя (за кандидата от либералов — 1056, от консерваторов — 497 избирателей)¹⁰.

Участие Конноли в избирательной кампании, как он и предполагал, не прошло для него даром — он был уво-

лен с работы. Это было чувствительным ударом по его семье — жене и трем дочерям — Моне, Норе и Эйдин, поскольку должность секретаря ШСФ не оплачивалась. Конноли попытался открыть сапожную мастерскую, сняв для этого на свои скромные сбережения помещение. Товарищи из ШСФ, которая с 1895 г. стала эдинбургским отделением СДФ, пытались обеспечить его заказами, но из этого ничего не получилось. К тому же Джеймс больше времени уделял партийной работе, чем ремонту обуви. Первое, что он сделал, приобретя мастерскую, — это повесил на дверях объявление, что здесь продаются билеты на митинги социалистов.

В марте 1895 г., когда должны были состояться дополнительные выборы в городской совет Эдинбурга, СДФ выдвинула Конноли своим кандидатом. Поскольку его главным соперником оказался местный священник, Конноли получил всего 163 голоса, вновь оказавшись на третьем месте.

Неудачи на выборах наглядно показали, что интересы борьбы за социализм требуют объединения всех социалистических организаций Великобритании. Исходя из этих соображений, в мае 1895 г. Конноли вступил в переговоры с руководителем Независимой рабочей партии Кейром Гарди. Однако идея объединения оказалась чуждой большинству руководителей и рядовых членов СДФ. Правильность ее они поняли только через четыре года, в 1900 г., когда возник Комитет рабочего представительства, а впоследствии лейбористская партия. В 1895 г. шотландские социалисты отвергли предложения Конноли. Он произнес на заседании СДФ пламенную трехчасовую речь о значении единства рабочего движения для совместных выступлений против буржуазии, но не добился поддержки.

В следующие полгода Конноли всецело отдался организационной работе по укреплению эдинбургского отделения СДФ, упрочению организации в Лите. Осенью в Эдинбурге с серией лекций выступили ведущие деятели рабочего и социалистического движения Великобритании, с которыми Джеймс познакомился лично: Элеонора Маркс, Э. Эвелинг, Д. Ирвинг, Г. Гайндман, Г. Квелч, Б. Тиллет, Т. Манн.

К концу 1895 г. положение Конноли стало отчаянным. Он нигде не мог найти работу. Он давал объявления в социалистических газетах, предлагая свои услуги в качестве лектора или платного организатора, однако на них никто не откликался. Конноли уже начал подумывать

об эмиграции, но тут ему на помощь пришел Лесли, поместивший в газете «Джастис» статью о бедственном положении Конноли, его вкладе в развитие социалистического движения. «Я заявляю,— писал Лесли,— что никто не сделал для движения больше, чем Конноли... Что касается его способностей, то как человек, который может об этом судить, я должен сказать о нем, как о самом талантливом пропагандисте в полном смысле этого слова, который когда-либо жил в Шотландии. И из-за этого... сейчас он без работы и на грани нищеты»¹¹.

Отклик на статью пришел из Дублина. Социалистический клуб этого города предложил Джеймсу Конноли стать его платным руководителем. Конноли согласился без колебаний. Поскольку денег на дорогу у него не было, эдинбургские социалисты организовали сбор средств на билет, и в начале мая 1896 г. Конноли с семьей уехал в Ирландию. Его багаж был легким: в основном все, кроме книг, было уже давно продано.

Дж. Конноли и создание Ирландской социалистической республиканской партии

Социалистическое движение в Ирландии зародилось в 60—70-х годах XIX в. Оно было представлено ирландскими секциями I Интернационала, которые, однако, просуществовали недолго. В ряде городов страны (особенно на северо-востоке, в Ольстере) имелись отделения Независимой рабочей партии и Социал-демократической федерации. Хотя в них входили отдельные представители ирландского пролетариата, эти секции были малочисленны и не имели политического влияния.

Причины трудностей развития социалистического движения в Ирландии объяснялись как объективными, так и субъективными факторами. Рабочий класс находился еще в стадии становления. На рубеже XIX и XX вв. его численность составляла не больше $\frac{1}{10}$ самостоятельного населения страны, включая сельскохозяйственных рабочих, причем большая часть приходилась на северный промышленный район (Ольстер)¹². Подавляющее большинство пролетариата было разбросано по мелким предприятиям (с числом рабочих в 20—30 человек) и ремесленным мастерским. В стране постоянно существовала устойчивая прослойка люмпен-пролетариата. Очень

высоким было число полностью или частично безработных. Их ряды постоянно пополнялись за счет мелкобуржуазных элементов — разоряющихся городских и мелких сельских хозяйчиков.

Текучесть ирландского пролетариата, мешавшая формированию его классового самосознания, усугублялась массовой эмиграцией, фактически поощрявшейся британскими властями, которые видели в ней средство «выпускать пары» и предотвращать взрывы недовольства. Как отметил английский историк-марксист Д. Гривз, «эмигрантский корабль был для английского империализма лучшей гарантией как от самой революции, так и от распространения революционных идей»¹³. В то же время эмиграция ирландцев была вынужденной и своеобразной формой социального протеста.

Условия жизни ирландских трудящихся были исключительно тяжелыми. Рабочая неделя на многих предприятиях продолжалась 72—78 часов, рабочий день длился иногда до 17 часов¹⁴. Заработная плата была намного ниже, чем в других частях Соединенного Королевства. Дж. Конноли приводил следующие данные: в Англии процент рабочих, получающих 1 ф. ст. в неделю и ниже, составлял 40 %, в Шотландии — 50, а в Ирландии — 78 %, т. е. $\frac{3}{4}$ всех работающих ирландцев получали меньше 1 ф. ст. в неделю¹⁵. Жилищные условия были ужасными. Наиболее перенаселенным городом в Ирландии был Дублин. Здесь 28 тыс. рабочих семей проживало в непригодных помещениях. По уровню смертности (27,6 на 1000 человек) Дублин занимал первое место в Европе. Высокой была детская смертность (27,7 на 1000 детей до 5 лет). Наиболее распространенными болезнями среди бедняков были туберкулез и тиф, вызванные «лишениями... перенаселенностью, плохим питанием...»¹⁶. Неудивительно, что за 60 лет (с 1851 по 1910 г.) Ирландию покинуло 4 187 000 человек, т. е. больше половины всего ее населения¹⁷.

Незначительную часть ирландских трудящихся (не более 7—8% их общего числа) составляли высококвалифицированные рабочие, находящиеся в привилегированном положении. Они либо имели собственные профсоюзные объединения, входящие в Ирландский конгресс тредюнионов (ИКТ), образовавшийся в 1894 г., либо были объединены в ирландские отделения общebritанских союзов (БКТ). Однако руководство как ИКТ, так и БКТ проводило линию на поддержание «классового мира», противодействовало вовлечению профсоюзов в политиче-

скую деятельность, ограничивая сферу действий их защитой чисто экономических интересов членов профсоюза.

Осознанию пролетариатом своих задач, самостоятельной роли в освободительном движении препятствовал и его низкий образовательный уровень. От 20 до 25% неквалифицированных рабочих были неграмотны. Практически все ирландские рабочие исповедовали ту или иную форму религии¹⁸.

Английская и ирландская буржуазия использовали отсталость и невежество масс в своих интересах, насаждая религиозную рознь, натравливая рабочих-протестантов на рабочих-католиков, рабочих Юга на рабочих более развитого Севера, рабочих-ирландцев на рабочих англичан и шотландцев.

Процесс развития классового сознания пролетариата Ирландии под влиянием всех этих факторов шел медленно. По оценке В. И. Ленина, лишь накануне первой мировой войны ирландский рабочий класс выступил на арену истории в качестве самостоятельной силы¹⁹.

Соединению марксизма с рабочим движением в Ирландии препятствовали ошибки, допускаящиеся руководителями социалистических организаций Великобритании. Последние в своих документах и заявлениях высказывались в защиту национально-освободительной борьбы в Ирландии, отстаивая идею предоставления ей независимости или самоуправления. Но, рассматривая ведение этой борьбы как задачу ирландской национальной буржуазии, они считали, что зарождающееся в стране рабочее движение, исходя из принципа интернациональной солидарности, не должно поддерживать буржуазно-националистических лозунгов, которые для него являются «реакционными». Английские социалисты в своем большинстве отошли от принципов пролетарского интернационализма в том виде, как они были определены Ф. Энгельсом в период деятельности I Интернационала. При таком подходе зарождающееся ирландское рабочее движение рассматривалось ими как периферийная часть рабочего движения Англии, а тот факт, что пролетариат Ирландии подвергался двойному — и социальному, и национальному — гнету, оставался вне поля зрения английских социалистов. Призывы некоторых из них «отбросить национальные разногласия» по сути дела, говоря словами Энгельса, вели к тому, что «после господства над Ирландией английской аристократии, после господства над Ирландией английской буржуазии они (ирландские рабочие.— Х. З.) теперь должны быть готовы к установлению

над Ирландией господства английского рабочего класса»²⁰. Подобная позиция английских социалистов никак не содействовала развитию интернационалистических воззрений у рабочего класса Ирландии; а, напротив, усиливала традиционное недоверие и подозрительность ко всему, что исходило от англичан, в том числе и к социалистическим идеям. Он легко поддавался националистической пропаганде, в его сознании укреплялись буржуазно-националистические настроения.

Национально-освободительное движение в 90-х годах XIX в. переживало временный спад. Накал борьбы, в предыдущие десятилетия возглавляемой мелкобуржуазными революционерами, был ослаблен английскими властями с помощью репрессий, ограниченных реформ и обещаний. Вследствие этого лидерство в освободительном движении захватила Ирландская парламентская партия (ИПП), возглавляемая Джоном Редмондом, представителем крупной католической буржуазии. Ирландские буржуазные националисты от ИПП имели значительную фракцию в Вестминстере. Партия Дж. Редмонда опиралась на зажиточные слои деревни, предпринимательские круги города, экономические интересы которых были связаны с английским капиталом и которые стремились достичь компромисса с правящими кругами Великобритании. Лидеры ИПП боялись массового национально-освободительного движения. Выдвигая ограниченный лозунг гомруля и умеренных реформ, партия Редмонда стремилась предотвратить революционное решение насущных проблем и путем парламентской сделки, компромисса добиться «равных прав» с английскими капиталистами и помещиками в ограблении собственного народа.

Мелкая и средняя ирландская национальная буржуазия, недовольная засильем в экономике английских монополий, в конце XIX в. не была еще политически организована. В этот период силами небольших групп патристически настроенной ирландской интеллигенции были созданы Гэльская лига, Кельтское литературное общество и различные театральные, литературно-художественные и другие организации. Они апеллировали к традициям освободительной борьбы ирландского народа, выступали за возрождение национальной культуры, пробуждали интерес к ирландской истории, музыке, литературе, искусству, национальному языку и исчезнувшим древним ремеслам. Лишь в 1905 г. ирландская национальная буржуазия выступила со своей социально-политической программой, которая была вывинута партией

Шин фейн (древнеирландские слова, означающие «мы сами»). Но и шинфейнеры страшились вовлечения масс в освободительное движение. Их лидер, Артур Гриффитс, считал, что движущей силой истории являются не массы, а одиночки, «духовные вожди».

Таким образом, перед социалистами Ирландии стояли сложные задачи. Роль гегемона в национально-освободительной борьбе еще играла буржуазия, хотя часть ее уже открыто перешла на позиции соглашательства с колониальными властями. В то же время рабочий класс не был готов ни идейно, ни политически выступить в качестве самостоятельной силы.

Конноли, однако, был убежден, что трудности рабочего движения Ирландии могли быть преодолены при условии создания в стране боевой, марксистской, самостоятельной партии. Еще в 1894 г. он писал К. Гарди: «В Ирландии существует ядро сильного рабочего движения, единственно, что ему требуется, чтобы развернуть деятельность,— разумное руководство»²¹.

Социалистический клуб Дублина не был ни многочисленной, ни влиятельной организацией. В нем насчитывалось около десятка активных членов, большинство которых ранее входило либо в дублинское отделение СДФ, либо в НРП. Активистами клуба были профсоюзные лидеры Даниэл и Томас О'Брайены, деятели местного отделения НРП братья Ланг, бывший морской офицер Дж. Дорман и другие социалисты.

На первом же заседании клуба, состоявшемся 29 мая 1896 г., после приезда Конноли в Дублин, было принято решение основать Ирландскую социалистическую республиканскую партию (ИСРП). Джеймс стал секретарем ИСРП.

Он сыграл основную роль в разработке теоретической позиции новой партии, особенно по таким вопросам, как роль и место пролетариата Ирландии в национально-освободительной борьбе, соотношение национальных и интернациональных задач пролетариата зависимой страны, стратегия и тактика борьбы за социализм в условиях Ирландии.

Джеймс Конноли совершенно справедливо утверждал, что, поскольку народ подвергается жестокому социальному и национальному угнетению, соответственно и «борьба за свободу Ирландии имеет два аспекта — национальный и социальный». Как говорилось в первом заявлении, сделанном Конноли от имени новой партии, «национальный идеал не будет достигнут, пока Ирландия не

станет государством свободным и независимым. Борьба носит также социальный и экономический характер, ибо, независимо от того, какая сложится форма правления, до тех пор, пока один класс обладает частной собственностью на землю и орудия труда... этот класс всегда будет использовать власть для ограбления и порабощения остальных соотечественников»²².

Освобождение только от английского господства, достижение формальной независимости без социального освобождения, подчеркивал Конноли, еще не решение многочисленных проблем Ирландии. Он писал: «Если завтра изгнать английскую армию и поднять зеленый флаг над Дублинским замком, не создав социалистической республики, все усилия окажутся напрасными. Англия будет по-прежнему править нами при помощи своих капиталистов, своих землевладельцев, своих банкиров, целой сети торговых и частных учреждений, которые она насадила в этой стране»²³. Иначе говоря, Конноли пришел к выводу, что в эпоху империализма малое государство, даже добившееся политической независимости от метрополии, но остающееся в рамках мировой капиталистической системы хозяйства, неизбежно обречено на экономическую и финансовую зависимость. Конноли сумел предвидеть возможность проведения правящими кругами Великобритании гибкой политики в отношении народов зависимых стран, получившей впоследствии название «неоколониализм».

Означало ли это, что рабочее движение зависимых стран не должно поддерживать требования о предоставлении им независимости, а должно выжидать победы социалистической революции в метрополии? Подобного ошибочного заключения придерживались многие английские социалисты. Конноли, однако, в своем анализе пошел дальше. Он определил достижение политической независимости страны в качестве предпосылки ее социального освобождения. Конечной целью ИСРП провозглашалось установление Ирландской социалистической республики. Путь к этому, как отмечалось в Манифесте ИСРП, программном документе новой партии, лежит через завоевание независимости для Ирландии. В нем говорилось, что «национальное и экономическое освобождение народа Ирландии следует искать в едином направлении — в учреждении Ирландской социалистической республики на базе общественной собственности народа на средства производства, распределения и обмена»²⁴.

Основной задачей на текущем этапе своей деятельно-

сти ИСРП считала расширение рядов, пропаганду идей марксизма в рабочем и освободительном движении страны. Предстояло преодолеть немало трудностей на этом пути, и первой из них было отсутствие средств. В момент своего возникновения ИСРП насчитывала около десяти членов, в последующие месяцы в нее вступило примерно еще столько же ирландцев, преимущественно молодых людей.

Завоевание каждого нового члена уже было большой победой. Здесь, однако, была и оборотная сторона медали: многие из вступающих в партию оказывались людьми случайными, их присоединение к ИСРП вызывалось иногда любопытством, иногда пробуждением интереса к социалистическим идеям (явление нередкое в среде интеллигенции Англии и Ирландии того времени). Позднее организационная слабость партии, наличие в ее рядах преимущественно непролетарских элементов, склонных к идейным шатаниям, нанесли ей большой ущерб. В то же время многие из членов ИСРП сыграли заметную роль в развитии рабочего движения Ирландии. Так, Уильям О'Брайен, выходец из семьи служащих, последовав примеру своих старших братьев Даниэля и Тома, вступил в ИСРП в возрасте 14 лет. Впоследствии У. О'Брайен стал видным деятелем профсоюзного движения Ирландии, одно время он входил в Коммунистическую партию Ирландии.

Главной трудностью ИСРП, как отмечалось выше, было отсутствие средств. Взносов членов партии — 1 пенс в неделю (вступительный взнос — 6 пенсов) не хватало даже на то, чтобы платить своему секретарю обещанный ему 1 ф. ст. в неделю. В результате семья Конноли, в которой должен был появиться еще один ребенок, бедствовала. Чтобы прокормиться, пришлось продать то немногое, что оставалось от имущества, привезенного из Эдинбурга, и единственную ценную вещь — золотые часы Лилли. Лишь в сентябре Джеймсу удалось устроиться чернорабочим. Позднее он сменил еще несколько профессий — был корректором в типографии, строительным рабочим и т. д.

Однако энтузиазм молодости, вера в правоту своего дела помогали преодолевать трудности. Штаб-квартира ИСРП, находившаяся на Эбби-стрит, 67, представляла собой маленькую комнатку на первом этаже; все имущество партии состояло из старого печатного станка, пригодного для печатания листовок, обшарпанного кухонного стола, трех скамеек и стула с оторванной спинкой. Здесь

могли собираться только активисты партии. В условиях когда у ИСРП не было возможностей на аренду больших помещений или залов, ее лидеры стали проводить митинги на открытом воздухе. Первый такой митинг, объявление о котором удалось поместить в центральных дублинских газетах, состоялся 7 июня 1896 г. Затем, вплоть до октября, они проводились каждую субботу.

На митингах поочередно выступали активисты ИСРП. Каждый из них говорил о наиболее близкой для него проблеме. Иногда приглашались ораторы из других организаций, сочувствовавших целям ИСРП. Сам Конноли, как правило, выбирал для своих выступлений темы, связанные с социальным аспектом ирландского вопроса.

Конноли выработал собственную ораторскую манеру. Когда он поднимался на импровизированную трибуну (найденный поблизости ящик или бочку), то тем, кто видел его впервые, казалось, что они ничего интересного не услышат. Перед ними стоял коренастый, невысокого роста человек в очках (Конноли всю жизнь страдал от близорукости), к тому же слегка заикавшийся. Но как только он начинал говорить, его речи производили на слушателей большое впечатление. Конноли не любил лишней риторики, красивых, но бессодержательных фраз и лозунгов, предпочитая воздействовать на присутствующих цифрами, фактами и логикой изложения. Товарищи советовали Джеймсу украшать свою речь более напыщенными оборотами, игрой слов, что так нравится публике. На это Конноли отвечал: «Лучше я поговорю с четырьмя-пятью честными людьми, чем сорву аплодисменты у тысяч, которые через пять минут после окончания митинга забудут, что им было сказано»²⁵. Своей дочери Норе, впоследствии написавшей воспоминания об отце, Конноли говорил, что главное — это убедить слушателей в своей правоте, найти такие аргументы, с которыми они не могут не согласиться. Порой Конноли начинал свои выступления с разбора взглядов противников марксизма, как бы заранее отвечая на вопросы аудитории.

Особое значение он придавал пропагандистской деятельности в среде рабочего класса, установлению связей ИСРП с трудящимися. По его мнению, судьба освободительного движения в Ирландии в первую очередь зависела от того, какой класс станет в нем ведущей силой. Необходимость бороться за гегемонию пролетариата в национально-освободительной борьбе — таков важнейший вывод, к которому пришел ирландский революционер. Он рассматривал пролетариат как единственный, последова-

тельно революционный класс, способный до конца борьбу за национальное и социальное освобождение трудящихся. Конноли отмечал нерешительность и трусость ирландской буржуазии, ее страх перед массами, готовность идти на компромисс с правящими кругами Великобритании. В статье «Патриотизм и рабочий класс» (август 1897 г.) он писал: «...никакие торжественные заверения не убедят мыслящих рабочих, что во главе их в борьбе за национальное освобождение должен стоять класс, который низвел их до положения промышленного рабства»²⁶.

Дж. Конноли верил в ирландский рабочий класс, в его силу, организованность, стойкость, способность к решительным действиям. «Армия классово сознательных рабочих...— писал он в 1899 г.,— сильная своим знанием экономических законов и твердо стоящая на революционных позициях, не может быть дезорганизована какой-то частичной уступкой вроде гомруля, которая не меняет их положения угнетенного класса»²⁷.

Важное значение, причем не только для Ирландии, имело положение Дж. Конноли о том, что в условиях зависимой страны, в которой классовые антагонизмы достигли высокой степени остроты, пролетариат, объективно заинтересованный в создании независимого государства, должен стремиться также стать ведущей силой освободительной борьбы. Оно имело значение для всего международного революционного движения, ибо приближалась эпоха пробуждения народов зависимых стран, роста национально-освободительных движений, и марксистам еще предстояло определить их место в мировом революционном процессе и свое отношение к ним.

Несмотря на большие усилия Конноли и его сподвижников, влияние ИСРП в рабочем классе росло медленно. Тем не менее ее митинги стали привлекать к себе внимание передовой общественности Ирландии. Руководители дублинского отделения ИКТ приглашали Конноли в качестве оратора, хотя и отклонили предложение ИСРП о единых действиях. Орган британских социалистов газета «Лейбор лидер» в октябре 1896 г. опубликовала первую крупную политическую статью Конноли «Ирландия для ирландцев». В ней содержалась решительная критика позиции партии гомрулеров, лидеров которой на протяжении всего периода деятельности ИСРП Конноли клеймил как предателей интересов ирландского народа. Немного позже в статье «Парнеллизм и рабочий класс» Конноли писал, что они «ставят себя в положение поли-

тических торгашей, старающихся получить возможно большую цену за свои голоса, которые предлагают в качестве товара»²⁸. Он указывал на враждебное отношение этой партии к народным массам, подчеркивал необходимость дальнейшего разъяснения ограниченности целей ирландской либеральной буржуазии, стремящейся к сговору с Англией.

Деятельность ИСРП привлекла к себе внимание и международного социалистического движения. Дочь К. Маркса Элеонора Эвелинг, посетив Ирландию, написала Дж. Конноли поздравление по случаю первых успехов ИСРП, о которых сообщалось в газете «Джастис».

Последовательное отстаивание ИСРП лозунга создания независимой Ирландской республики вызвало симпатии со стороны радикально настроенной интеллигенции и мелкобуржуазных националистов. Журнал «Шан ван вохт», издававшийся в Белфасте на гэльском языке с 1886 г., приветствовал предпринятое по инициативе Конноли издание выдержек из трудов Джеймса Финтана Лалора — ирландского революционера, еще в 1848 г. выступившего за обобществление земли. С ноября 1896 г. журнал стал регулярно публиковать статьи Дж. Конноли. Редактор журнала Элис Миллигэн не сочувствовала социалистическим идеям, но с большой симпатией относилась к Джеймсу. Зато ее младший брат Эрнест, 18-летний студент, вступил в ИСРП и основал отделение партии в Белфасте. Первоначально оно насчитывало всего четыре члена, затем их количество несколько увеличилось. В начале 1897 г. подобное отделение возникло и в Корке.

Большое значение в деятельности Конноли этого периода имело установление личных контактов с лидерами демократической интеллигенции Ирландии. Происходило это, как правило, в Национальной библиотеке Дублина, которую Джеймс, нередко будучи безработным, постоянно посещал. Здесь он знакомился с историей Ирландии, самостоятельно изучил немецкий и французский языки. Здесь же, в Национальной библиотеке, произошла его встреча с выдающимся ирландским поэтом У. Йетсом, будущим лидером Шин фэйна А. Гриффитсом, М. Гонн, которую Йетс называл «самой красивой женщиной Европы». Он специально написал пьесу, в которой ей отводилась роль главной героини — девы, символизирующей Ирландию. М. Гонн была активной общественной деятельницей. Поскольку большинство организаций ирландской интеллигенции не принимали в свои ряды женщин (в частности, Кельтское литературное общество), Мауд

Гонн основала организацию «Дочери Эрина», сыгравшую заметную роль в ирландском освободительном движении. К 1900 г. она опиралась на поддержку примерно 30 тыс. семей.

Влияние ИСРП и ее связи с ирландской интеллигенцией упрочились к 1897 г. Это был год оживления национально-освободительного движения в связи с приближающимся 100-летним юбилеем восстания Объединенных ирландцев (1798 г.) — организации, возникшей под влиянием идей Великой французской революции и сделавшей героическую попытку силой оружия освободить Ирландию.

Подготовка к празднованию юбилея восстания велась повсеместно; по инициативе националистических организаций возникали «Комитеты памяти». Даже члены партии гомрулеров присоединились к этому движению.

«Комитеты памяти» пробуждали в ирландцах чувство национальной гордости, напоминали о героических традициях народа. Однако в их деятельности были и негативные моменты. Например, они не связывали событий прошлого с настоящим, ограничивали свою работу лишь внешней стороной подготовки юбилея. По мнению Дж. Конноли, нужно было «показать народу, что наш национализм — это не просто идеализация прошлого, что, используя его, необходимо дать четкие и ясные ответы на насущные политические и экономические проблемы современности в интересах будущего»²⁹.

ИСРП не имела достаточных средств для широкой подготовительной работы по празднованию юбилея. Однако кое-что удалось сделать. По инициативе Конноли было начато издание актуальных для Ирландии тех лет выдержек из работ лидеров Объединенных ирландцев — У Тона, Э. Фитцджеральда, Т. Эммета и др. ИСРП создала «Клуб рядовых членов 98 года», секретарем которого стал Т. О'Брайен. Внося вступительный взнос в 1 ф. ст., эта организация вошла в Дублинский исполнительный комитет по подготовке юбилея, получив в нем право голоса.

Чтобы соединить традиции с практикой национально-освободительной борьбы, ИСРП под руководством Конноли развернула подготовку к другому событию — «алмазному юбилею» королевы Виктории, празднование которого было намечено английскими властями на 22 июля 1897 г. Правящие круги Великобритании решили превратить этот юбилей в демонстрацию «нерушимого единства» Англии и Ирландии. В Дублинском замке полным ходом

шла подготовка к торжественной церемонии встречи королевы — готовились верноподданнические речи, предполагалось провести праздничный фейерверк, организовать роялистские демонстрации.

На начавшихся с марта открытых митингах ораторы ИСРП с большой страстностью разоблачали пагубные последствия британского владычества для Ирландии. В специальном памфлете, посвященном юбилею, Конноли с негодованием писал: «В течение этого «славного» царствования Ирландия потеряла 1 225 тыс. своих сынов, умерших от голода. Они погибли в то самое время, когда плоды их земли и труда пожирались вампирами-аристократами, которые выколачивали арендную плату при помощи штыков наемной армии убийц, состоящей на жаловании у «лучшей из английских королев». За время этого царствования власти лишили земли 3 668 тыс. человек, что превысило численность населения Швейцарии. За эти же годы эмигрировали 4 186 тыс. лучших людей страны, т. е. больше, чем численность населения Греции»³⁰.

Призыв ИСРП — превратить «алмазный юбилей» в демонстрацию протеста против британского господства получил поддержку части профсоюзных и националистических организаций. Большую помощь ИСРП оказала Мауд Гонн, которая выступала на митингах ИСРП, помогала подготавливать для демонстрации протеста черные флаги, транспаранты с цифрами, показывавшими число ирландцев — жертв господства королевы Виктории, уличные представления сцен изгнания крестьян с земли, казней ирландских патриотов.

Демонстрация протеста состоялась 22 июня. Под звуки похоронного марша с черными флагами демонстранты несли гроб с надписью «Британская империя». Конноли, М. Гонн и У. Йетс шли впереди. Когда процессия поравнялась с зданием, где шло заседание исполкома «Комитетов памяти», большинство его участников присоединились к демонстрации.

Власти, наконец разобравшиеся в том, что происходит, бросили против нее усиленные наряды полиции и разогнали толпы дублинцев, наблюдавших за происходившими событиями. Увидев, что прорваться к центру города не удастся, Конноли велел бросить гроб в реку Лиффи, сказав при этом: «К черту Британскую империю!»

Конноли был арестован и провел ночь в тюрьме. Его приговорили к денежному штрафу, но М. Гонн внесла требуемую сумму, и Джеймс был выпущен.

Арест лидера ИСРП не остановил народных выступлений. Возмущенные дублинцы, которыми овладел дух протеста, вывесили по всему городу черные флаги. Всюду собирались толпы протестующих ирландцев, вступавших в столкновения с полицией; несколько человек при этом было убито. Демонстранты прошли по городу, выбивая витрины и стекла зданий, на которых висели британские флаги и приветствия в адрес королевы, заставляли торговцев закрывать лавки и трактиры. Была сорвана и торжественная иллюминация: по договоренности с Конноли служащие городской корпорации «по техническим причинам» отключили в Дублине электроэнергию.

Всего в демонстрациях в Дублине приняло участие не менее 30 тыс. человек³¹. Выступления произошли и в других городах Ирландии — Корке и Лимерике. Демонстрации такого масштаба замолчать было невозможно: сообщения о них обошли газеты всего мира. Было ясно, что ирландцы ведут упорную борьбу против чужеземного владычества.

Аналогичные события, но в несколько меньших масштабах, повторились в Дублине через два месяца, во время визита в Ирландию герцога и герцогини Йоркских. На день их приезда ИСРП назначила массовый митинг, посвященный 100-летию высадки французского десанта в бухте Киллала (графство Мейо, провинция Коннот), когда республиканская Франция пыталась прийти на помощь Объединенным ирландцам. Все члены «Комитетов памяти» были приглашены принять участие в митинге, но полиция разогнала его. Тогда Конноли объявил о переносе митинга, и его участники с флагами, на одном из которых под изображением короны, пронзенной пикой, было написано: «Конец тирании!», а на другом: «Правда, свобода и справедливость для Ирландии!», промаршировали по улицам Дублина. Точно так же завершились и два последующих митинга. Полиция не решилась прибегнуть к арестам, ограничившись разгоном демонстрации. Однако многие их участники получили ранения.

Активная роль ИСРП в организации антибританских выступлений летом 1897 г. повысила ее политическую значимость, возрос авторитет партии, укрепились связи с националистическим движением Ирландии, особенно с «Комитетами памяти». Под влиянием пропаганды и действий ИСРП боевой дух пробудился и у ирландских националистов. Их организации Конноли считал естественными союзниками ИСРП. Он все чаще обращался к представителям ирландской интеллигенции, пользовавшейся под-

держкой народных масс. Конноли говорил, что они могут найти себе верных союзников в рядах ИСРП, так как главный враг ирландской культуры — это капитализм, «который так подавляет национальный характер, так унижает идеалы нашего народа, что для большинства изнуренных рабочих самый бесценный свиток древних рукописей представляет меньший интерес, чем кусок бекона»³².

В связи с этими событиями М. Гонн писала Конноли: «Браво! Я вас поздравляю!.. Вы должны быть удовлетворены: именно Вы спасли Дублин от унижения, которому он подвергся бы, если бы английский юбилей прошел без открытого митинга протеста. Вы единственный, у кого хватило смелости организовать открытый митинг и провести его, несмотря на скептицизм даже со стороны друзей»³³.

Стремясь закрепить фактически сложившееся единство действий социалистов и националистов, Дж. Конноли в августе 1897 г. обратился с призывом упрочить зародившийся союз, расширить сферу совместной деятельности. Он предложил создать массовую социалистическо-республиканскую партию, которая, выступая под лозунгом достижения национальной независимости, смогла бы получить большинство на парламентских выборах в избирательных округах Ирландии (в палате общин британского парламента 103 места, согласно Закону об унии 1801 г., было выделено представителям Ирландии).

Конноли понимал, что даже победа социалистическо-республиканской партии на выборах еще не привела бы страну ни к независимости, ни к социализму. В августе 1897 г. он писал: «Ирландия не является независимой страной, и избрание социалистов-республиканцев, к сожалению, не будет означать передачу плодов нашего труда в наши руки. Но оно будет иметь иное, возможно, не менее важное значение, а именно впервые в истории Ирландии абсолютное большинство ирландских избирателей... выразит у избирательных урн свое желание отделиться от Британской империи. Такой приговор... прозвучит как набат и для наших правителей, и для всех врагов британской имперской системы»³⁴. Дж. Конноли полагал, что победа на выборах сил национального освобождения равносильна идейному восстанию народа Ирландии против британского владычества, за которым в ответ на попытку подавить его последовало бы вооруженное выступление.

Важнейшую первоочередную задачу ирландского освободительного движения Дж. Конноли видел в ликви-

дации власти британской короны и установлении республиканской формы правления. Предложения Дж. Конноли о налаживании союза с буржуазными националистами, об организации совместных выступлений диктовались необходимостью создания широкого антиимпериалистического фронта. Однако подлинное их значение в то время осталось непонятым.

Так, сторонники «чистого социализма» расценили его предложения как уступку националистическим силам, а «Лейбор лидер» обвинила Дж. Конноли в шовинизме. На это Дж. Конноли отвечал: «Некоторые наши товарищи-социалисты, особенно те, которые усвоили лишь азбуку марксизма, напоминают мне, что даже в странах с республиканским политическим строем рабочий подвергается эксплуатации, например во Франции и США. Поэтому, говорят они, мы не можем быть республиканцами. Я же скажу так: в упомянутых странах осталось бороться лишь с капитализмом. А у нас существует капитализм плюс монархия, имеющая глубокие исторические корни, влияющая на сознание людей. Если народ порвет вековые узы — упразднит монархию, то порождение века — капитализм ненадолго переживет народное восстание... Социалисты не могут быть безразличны к монархии. Безразличие, когда имеешь дело с активным злом, равнозначно его принятию. Победа социализма означает разрушение монархии и всех ее учреждений»³⁵.

Узость мышления проявили и лидеры националистов. От имени редакции «Шан ван вохт» было заявлено, что предложение о вхождении ирландцев-республиканцев в британский парламент неприемлемо. Отказ мотивировался обязанностью членов палаты общин приносить присягу на верность королеве, что несовместимо с республиканскими убеждениями³⁶. Однако главная причина отказа была в другом. Едва ли мелкобуржуазные и буржуазные националисты-республиканцы горели желанием поддерживать социалистические лозунги ИСРП, которая к тому же была слишком малочисленной, чтобы стать ядром объединения национально-освободительных сил. Кроме того, мелкобуржуазные республиканцы больше склонялись к заговорщической тактике, делали ставку на насилие в освободительной борьбе.

Дж. Конноли не отвергал, но и не абсолютизировал вооруженного пути борьбы за осуществление поставленных целей. В работе «Насилие в ирландской политике», написанной в июле 1899 г., он вступил в полемику с мелкобуржуазными сторонниками насилия, для которых

«использование силы представляется единственным средством разрешения спора между народом Ирландии и правительством Великобритании»³⁷. Конноли справедливо считал, что заговорщическая тактика несовместима с целью построения подлинно демократического, социалистического общества, поскольку решение этой задачи требует участия широких народных масс. Он подчеркивал, что вопрос о применении насилия должен решаться на основе анализа сложившейся ситуации и расстановки классовых сил в стране.

Несколько позднее, в годы англо-бурской войны, Дж. Конноли на основе анализа ее причин пришел к еще более четкому пониманию роли насилия в классовой борьбе. Если класс капиталистов, говорил он, развязал кровопролитную войну из-за небольшой доли своих прибылей, то его сопротивление, когда речь пойдет о всех его привилегиях, должно оказаться несоизмеримо упорнее. «Пусть демократы учтут этот урок,— писал Дж. Конноли,— и, действуя мирно, насколько это возможно, постоянно помнят ту истину, что класс капиталистов — это хищный зверь, его нельзя исправить, улучшить или умиротворить, его необходимо уничтожить»³⁸.

Дж. Конноли понимал, что освободительная революция в Ирландии будет развиваться по восходящей линии, в форме процесса, а не одноактного взрыва. И хотя в его статьях прямо не говорится о необходимости двух этапов — буржуазно-демократического и социалистического — в освободительной революции, в Манифесте ИСРП предлагалась программа мер (национализация средств транспорта, банков, введение прогрессивной системы налогообложения, ограничение рабочей недели 48 часами и т. д.), носящих общедемократический характер. Борьба за их достижение рассматривалась как «средство организации сил демократии для подготовки к действиям, которые могут предшествовать реализации нашего идеала (установлению социалистической республики. — Х. З.) или открыть путь к его реализации...»³⁹.

К началу 1898 г. ИСРП могла уже подвести итоги первых полутора лет своей деятельности. Она завоевала себе место в политической жизни Ирландии. Появились и международные связи: ИСРП установила контакты с ирландскими социалистами в Америке, с Социалистической рабочей партией США, возглавлявшейся Де Леоном. Воззвание ИСРП к ирландским эмигрантам в Америке с призывом поддерживать социалистическое движение встретило широкий отклик, его текст разошелся тиражом

в 60 тыс. экземпляров⁴⁰. Вдохновленный этим успехом, Конноли предложил ИСРП принять принцип ассоциированного членства, позволяющего ирландцам, живущим в Америке, присоединиться к их партии. Одним из первых на этот призыв откликнулся Э. Эвелинг, переехавший в США.

Однако, несмотря на несомненные успехи, ИСРП не смогла обеспечить себе массовой социальной базы внутри страны. После того как ирландские националистические организации отвергли предложение Конноли о создании социалистическо-республиканской партии, влияние ИСРП в этих кругах начало падать. Тому способствовал ряд факторов.

Ведя неустанный теоретический поиск в выработке форм, путей и методов освободительной борьбы ирландского пролетариата, Конноли еще не совсем отчетливо представлял себе, как будет развиваться эта борьба. В то же время для ирландского лидера было характерно стремление «потропить» исторический процесс, искусственно форсировать его.

Жесткая позиция в отношении радикально настроенных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции, не готовых к восприятию социалистических идеалов, отталкивала от ИСРП потенциальных союзников в антимонополистической борьбе. «Как социалист,— писал в те годы Конноли,— я готов сделать все, что в человеческих силах, чтобы обеспечить законное право нашей родины на независимость; но если вы попросите меня уступить хотя бы на йоту в требовании социальной справедливости ради умиротворения привилегированного класса, я откажусь»⁴¹.

Естественным, ближайшим союзником рабочего класса в национально-освободительной борьбе было крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения Ирландии. Конноли в этот период теоретически показал, что для союза крестьянства с рабочим классом существуют все необходимые предпосылки. В статье «Крестьянская собственность и социализм» он раскрыл картину полного банкротства владельцев мелких наделов в Ирландии в условиях конкуренции с передовым американским и австралийским сельским хозяйством и отметил тенденцию к окончательному обнищанию мелких крестьянских собственников по мере дальнейшего удешевления сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. В работе «Ирландский земельный вопрос» Конноли указывал на одностороннюю направленность англий-

ского земельного законодательства, обеспечивающего прежде всего интересы крупных землевладельцев.

Конноли предполагал, что последовательное отстаивание социалистами интересов крестьянства должно привести к признанию ими социалистических принципов. Но ИСРП не смогла установить прочных связей с сельским населением. Первый и, к сожалению, последний раз такая попытка была предпринята в 1897 г.

Год выдался неурожайным, и значительную часть Ирландии охватили крестьянские волнения. При участии Конноли был подготовлен манифест «Право на жизнь и право на собственность», который призывал крестьян к чеуплате налогов и самочинному захвату продовольствия. В манифесте приводился в пример 1847 год, когда тысячи крестьян умирали от голода, не решаясь поднять руку на собственность лендлордов. Вскоре Конноли совершил поездку по деревням юга Ирландии и с радостью обнаружил, что манифест в ряде мест был воспринят как сигнал к действию, что «монополия лендлордов надломилась, а местные власти потеряли контроль над событиями»⁴².

Весной 1898 г. ИСРП возобновила митинги на открытом воздухе, прерванные зимой. Конноли, однако, видел, что такая форма работы недостаточна и малоэффективна и что ИСРП не удастся установить связь с массами, ее влияние в среде рабочего класса остается незначительным. О деятельности партии порой сообщалось в социалистической прессе Англии, статьи самого лидера иногда публиковались ирландскими националистическими газетами. Но в целом вокруг ИСРП повисла «завеса молчания» — буржуазная и буржуазно-либеральная пресса Ирландии игнорировали ее существование.

Единственным выходом из создавшегося положения Конноли считал организацию собственной газеты, которая издавалась бы регулярно и не зависела бы от состояния отношений ИСРП с буржуазными националистами.

Победы и поражения

Подготовка к изданию газеты заняла весну и лето 1898 г. Поскольку у ИСРП не было средств на аренду типографии, найм рабочих, организацию сети распространения газеты, Конноли обратился за поддержкой к английским социалистам. В июле он отправился в Англию и Шотландию, выступил с лекциями в Глазго, Эдинбурге и Лите, встретился с лидерами социа-

листического движения. Одним из первых на его призыв откликнулся К. Гарди — он дал Конноли 50 ф. ст. Вскоре Конноли удалось найти небольшую типографию, владелец которой, П. Дали (позднее он стал секретарем дублинского отделения ИКТ), сам лично набирал газету ИСРП.

Первый номер газеты, названной «Уоркерз рипаблик» («Республика рабочих»), вышел 14 августа 1898 г. Его выпуск был приурочен к торжественному открытию в Дублине монумента в память героев восстания 1798 г. Цель новой газеты была определена Джеймсом Конноли во вступительной статье следующим образом: «Объединить всех рабочих и похоронить в общей могиле религиозную вражду, местническую рознь и взаимное недоверие, опираясь на которые наши угнетатели столь долго властвовали над нами»⁴³.

«Уоркерз рипаблик» по замыслу Конноли должна была стать еженедельной национальной газетой. Однако вскоре возникли трудности с ее реализацией. В Дублине газету распространяли во время митингов, проводившихся ИСРП, а также мероприятий «Комитетов памяти». Зачастую Т. Ланг с охалками газет, весь взмыленный, спешил распродать тираж. Но ввиду того, что с октября митинги на открытом воздухе прекращались, прекратилось и распространение газеты. В конце октября ее выпуск был приостановлен.

В Белфасте «Уоркерз рипаблик» первоначально продавали в газетных киосках. Но после того, как епископ Белфаста предал газету анафеме за ее выступления против религиозного сектантства, владельцы магазинов отказались ее принимать.

Вновь она стала выходить в мае 1899 г., но от еженедельного издания пришлось отказаться. Ее организаторы решили, что каждый новый номер будет печататься лишь после того, как разойдется весь предыдущий тираж. В целях экономии средств отказались также и от найма рабочих. Конноли рьяно боролся за продолжение выхода «Уоркерз рипаблик» в свет. Теперь он сам выполнял обязанности автора, наборщика, корректора и редактора газеты. Она выходила относительно регулярно только тогда, когда Джеймс оказывался безработным.

Типографские рабочие ворчали, что Конноли со своими добровольными помощниками штрейкбрехерствует, оставляя их самих без работы. Джеймс обезоруживал их шуткой: «А вы, когда бреетесь сами, разве не оставляете без работы парикмахера?»⁴⁴

Несмотря на экономию, выпуск газеты в октябре вновь пришлось прекратить. В мае 1900 г. Конноли, вернувшись из Эдинбурга, куда он ездил на похороны своего отца, подготовил 30-й юбилейный выпуск газеты. Подводя итоги ее деятельности, Джеймс писал: «Мы заявляем без всякого преувеличения, что наша маленькая газета произвела настоящую революцию в понимании политики массами, по крайней мере в Дублине. Впервые великий фетиш гомруля был атакован с ирландской и демократической точек зрения и разоблачен как позорная и постыдная профанация свободы... Именно «Уоркерз рипаблик» принадлежит заслуга начала кампании против заискивания перед нашим общим врагом. В финансовом отношении мы потерпели неудачу... Пусть величие проповедуемой нами идеи не потускнеет из-за низкого качества печати; каждому и всем, кто может позволить поддерживать нас средствами, мы обещаем, что нас не собьют с пути ни обещания политиков, ни угрозы полиции Дублинского зámка; мы будем высоко держать знамя социалистической республики — свободной на свободной земле»⁴⁵.

Газета «Уоркерз рипаблик» действительно сыграла большую роль в пропаганде идей социализма в Ирландии, разоблачении соглашательской политики партии гомрулеров. Особую значимость выступления газеты приобрели в годы англо-бурской войны (1899—1902), когда влияние ИСРП достигло своего апогея.

К началу англо-бурской войны ИСРП насчитывала в своих рядах около 100 активных членов. Наибольшее количество сторонников у нее было в Дублине, но ее отделения возникли и в других городах — Корке, Белфасте, Лимерике, Дандолке, Уотерфорде, Портдауне. Она выпускала собственную газету и завоевала определенный авторитет в рабочем и освободительном движении страны.

В активе партии была блестяще проведенная кампания против «алмазного юбилея» королевы Виктории. Были на ее счету и неудачи — она не смогла отразить наступление гомрулеров на «Комитеты памяти», на муниципальных выборах в Дублине в январе 1899 г. ее кандидат Э. Стюарт потерпел неудачу. Самой же большой слабостью ИСРП было отсутствие прочных связей с рабочим и тред-юнионистским движением.

Летом и осенью 1899 г. общественное мнение Ирландии было приковано к событиям на юге Африки. В конце XIX в. в республиках Трансвааль и Оранжевая, осно-

ванных колонистами из Голландии (бурами), были открыты богатейшие золотые и алмазные россыпи. Эти республики стали объектом экспансионистских устремлений Англии и ее соперничества с Германией, которая имела здесь большое экономическое и политическое влияние. Поводом к англо-бурской войне послужил отказ Трансвааля предоставить избирательные права английским переселенцам.

С первых же дней войны ИСРП развернула активные действия. По инициативе Конноли на 27 августа 1899 г. был назначен митинг, на который приглашались видные деятели националистов, в частности А. Гриффитс, будущий лидер Шин фейна, а тогда редактор газеты «Юнайтед Айришмен», и М. Гонн, проводившие кампанию против призыва ирландцев на службу в британскую армию. В резолюции, принятой на митинге, на котором присутствовало более 2 тыс. человек, говорилось: «Митинг рассматривает вмешательство британского капиталистического правительства во внутренние дела Трансваальской республики как акт преступной агрессии, шлет республике свой привет и выражает уверенность, что наши соотечественники, если понадобится, поднимут оружие в защиту страны»⁴⁶.

С участием ИСРП был создан Ирландский трансваальский комитет — крайне пестрая по составу организация, объединившая антибританские силы в Ирландии. Осенью и зимой 1899 г. Комитет провел несколько митингов, участники которых неоднократно вступали в столкновения с полицией.

В начале войны, когда буры нанесли англичанам ряд поражений, по всему Дублину были вывешены трансваальские флаги; на улицах распевались бурские песни, толпы людей, собиравшиеся перед редакцией газеты «Айриш таймс», приветствовали успехи буров, сжигая британские флаги.

Самый массовый митинг должен был состояться накануне рождества. Хотя за несколько часов до начала митинга власти сообщили о его запрещении, тем не менее в назначенное время собралось довольно много народа. Несмотря на полицейский кордон, ораторам, в числе которых были Конноли, М. Гонн, Дж. О'Лири, в прошлом один из лидеров фениев, а также член парламента П. О'Брайен, удалось прорваться к месту встречи. Участники митинга встретили их громкими приветствиями. Удалось даже зачитать резолюцию. Но митинг был сорван. Кроме того, полиция совершила налет на штаб-

квартиру ИСРП и вывела из строя станок, на котором печаталась «Уоркерз рипаблик».

Мощная волна острых столкновений с полицией поднялась в начале 1900 г. во время визита королевы Виктории в Ирландию. Британские власти сделали все возможное для предотвращения «беспорядков». Были усилены отряды полиции, лояльные рабочие и подкупленные люмпен-пролетарии должны были принять участие в торжественной встрече, для обеспечения организации визита из Белфаста было доставлено 15 тыс. «верноподданных ее величества». Тем не менее в течение всего месяца пребывания королевы в Ирландии спокойствия не было. Накануне ее приезда толпа ирландцев разбила карету лорд-мэра Дублина. В день прибытия королевы по Дублину прокатилась волна демонстраций. Они были разогнаны полицией с невиданной жестокостью. Избиению подверглись, в частности, Дж. Конноли, А. Гриффитс, О'Лири.

С началом империалистической агрессии Великобритании в Южно-Африканских Републиках Дж. Конноли выступил с критикой шовинистической позиции многих лидеров британских социалистов, особенно Гайндмана, оправдывавшего колониальные захваты Англии.

В статьях, посвященных англо-бурской войне («Южноафриканская война 1899—1902», «Блестящая возможность», «Социализм и империализм»), Конноли разоблачал ее захватнический характер, агитировал против вступления в английскую армию. Он в это время проявил себя как подлинный интернационалист.

Под влиянием первых поражений британской армии в Южной Африке ирландский революционер сделал важный вывод о желательности поражения Великобритании в англо-бурской войне, что, по его мнению, создавало благоприятные условия для рабочего класса Ирландии в его борьбе за независимость. Впоследствии, в годы первой мировой войны, эта важнейшая позиция была развита и конкретизирована Конноли.

Антибританская пропаганда, проводимая ИСРП и поддерживаемая националистическими организациями, оказала определенное воздействие. Участились случаи дезертирства ирландцев, их отказа служить в армии. В Корке вспыхнули столкновения между ирландскими призывниками и английскими солдатами. И все же к 1900 г. условия деятельности для ИСРП резко ухудшились.

Рост шовинистических настроений в Англии способствовал победе консерваторов на парламентских выборах

1900 г. Консервативное правительство, возглавлявшееся Солсбери, запретило все митинги и демонстрации в Дублине, развернуло наступление на гражданские права трудящихся. В условиях роста безработицы угрозами массовых увольнений была ослаблена деятельность профсоюзов. Шовинизм и оппортунизм в значительной мере захватили рабочее движение Великобритании. Хотя созданный в 1900 г. Комитет рабочего представительства провел на выборах в парламент двух своих кандидатов, его секретарь Р. Макдональд пошел по пути классового сотрудничества. В этих условиях лидеры социалистического движения Великобритании стали упрекать Конноли в «безответственности».

Ослабла и поддержка, которую ИСРП получала от ирландских националистов. В 1900 г. партия гомруля, окончательно восстановившая свое единство, активизировала пропаганду в пользу поиска парламентских средств решения ирландской проблемы. Оппозиционные по отношению к ней националистические элементы стали консолидироваться вокруг предложенного А. Гриффитсом «среднего пути» — бойкота парламента и концентрации усилий для завоевания местных органов власти, которые стали бы практически управлять Ирландией, временно воздерживаясь от разрыва с Англией. Впоследствии эта идея легла в основу программы Шин фэйна.

Дух соглашательства и примиренчества возобладал не только в английском социалистическом движении, но и во II Интернационале. Его воплощением стал «казус Мильерана» — французского социалиста, вступившего в реакционное правительство, и соглашательская позиция видного деятеля II Интернационала К. Каутского. Последний навязал конгрессу II Интернационала так называемую каучуковую резолюцию, осуждавшую поступок Мильерана, но обходившую вопрос о принципиальной допустимости вхождения социалистов в реакционное правительство.

На Парижском конгрессе II Интернационала делегаты ИСРП Стюарт, Ланг и У. О'Брайен проголосовали против «каучуковой резолюции» Каутского, выступив единым фронтом с делегатами российской социал-демократии.

ИСРП оставалась одной из немногих социал-демократических партий, отстаивающих принципиальную революционную позицию. Непримируемость Конноли ко всем формам оппортунизма привела его к конфликту со многими лидерами английского рабочего движения, в част-

ности с К. Гарди, ставшим членом палаты общин. Газета «Уоркерз рипаблик» в своих статьях подвергала беспощадной критике политику тех соглашателей в социалистическом движении Великобритании, которые тормозили процесс осознания рабочим классом своей самостоятельной роли, торговали голосами рабочих на выборах, призывая их поддерживать того или иного кандидата буржуазных партий.

Одним из проявлений оппортунистических тенденций в рабочем движении Великобритании явились стремления представителей НРП к сотрудничеству с либералами путем отказа от социалистической программы ради частичных реформ, предполагающих удовлетворение текущих потребностей рабочего класса. Деятели НРП, влияющие которой было особенно сильно на севере Ирландии, пытались навязать ирландскому рабочему движению сходную тактику. Особенно усердствовал в этом К. Гарди, который убеждал ирландских рабочих поддерживать гомрулеров, в обмен на что последние поддерживали бы нескольких кандидатов Комитета рабочего представительства. В Северной Ирландии такая «коалиция» частично сложилась. Попытки распространить ее и на Дублин вызвали резкое осуждение Дж. Конноли.

Неустанно разоблачалась им и деятельность ИПП — партии крупной ирландской буржуазии — как главного противника рабочего и освободительного движения Ирландии, предателя национальных интересов страны, превратившейся, по определению В. И. Ленина, «в прикрытую националистическим фразерством фалангу капиталистов, деспотов над рабочими...»⁴⁷.

Своим выступлением Дж. Конноли поднял важный вопрос, предлагая лидерам британских социалистов признать равноправие ирландского рабочего движения, его право самостоятельно определять свою тактику, отказаться от привычного подхода к нему как к периферийной части рабочего движения Англии. Нужно сказать, что подобная линия вызывала раздражение лидеров британского социалистического движения. Так, на Парижском конгрессе II Интернационала Г. Гайндман потребовал, чтобы делегаты ИСРП присоединились к английской делегации и отдали ей свои голоса. Стюарт, Т. Ланг и У. О'Брайен, которые имели на этот счет четкие инструкции Дж. Конноли, категорически отказались выполнить такое требование и заявили, что, если самостоятельность делегации ИСРП не будет признана, она покинет конгресс. Гайндман вынужден был уступить.

Говоря о соотношении национальных и интернациональных задач ирландского пролетариата, Конноли близко подошел к позиции В. И. Ленина по национальному вопросу. Выступая за безусловную солидарность пролетариата Англии и Ирландии, Конноли подчеркивал, что на деле солидарность может быть достигнута лишь при условии отделения Ирландии от Англии и превращения ее в независимое государство⁴⁸.

Правильность этого вывода не вызывает сомнений. Ведь действительно, вековые традиции недоверия и враждебности, порожденные зависимым положением Ирландии, могли быть преодолены лишь при условии, если будут созданы предпосылки свободного объединения сил рабочего класса двух стран. Как писал В. И. Ленин, «без свободы отделения соединение не может быть названо свободным», а без соблюдения принципа добровольности «нарушается единство и братский союз *рабочих* всех стран»⁴⁹.

В условиях когда английские социалисты проявляли к ирландской проблеме то, что В. И. Ленин называл «аннексионистским равнодушием», т. е. не выступали в поддержку отделения Ирландии, Конноли сумел найти верное соотношение специфических задач ирландского рабочего класса с интересами международного рабочего движения.

Судьба английского рабочего движения, а также ответственность за правильные интернационалистские действия английской социал-демократии глубоко волновали Дж. Конноли.

В июне 1901 г. он решил совершить поездку в Шотландию и Англию, рассказать английским социалистам и рабочим о деятельности ИСРП, убедить их в правильности ее позиции. Исполком СДФ, которому были известны воззрения Конноли и в котором шла борьба между сторонниками и противниками «каучуковой резолюции» Каутского, выразил затее Конноли свое неодобрение. Но отделения СДФ в Шотландии, Салфорде, Оксфорде, Ридинге и Северном Лондоне были готовы организовать митинги для выступлений лидера ИСРП.

Конноли начал свою поездку с Глазго, затем посетил Фалькирк, Абердин, Лит. Его выступления всюду проходили с большим успехом. В Салфорде после его визита резко активизировалась деятельность отделения СДФ и НРП, которые совсем было прекратили свое существование. Рабочие-ирландцы Салфорда после встречи с Конноли решили создать отделение ИСРП. Приветствуя их

решение, Конноли предупредил членов нового отделения своей партии, что они должны ограничиться лишь работой среди живущих здесь ирландских эмигрантов. Таков был ответ Конноли на вызов К. Гарди. В Фалькирке Конноли познакомился с Д. Матесоном, школьным учителем и лидером оппозиции реформистскому курсу руководства СДФ. Матесон стал политическим единомышленником и близким другом Конноли. Джеймс постоянно, вплоть до своей трагической гибели, переписывался с ним. Конноли также сблизился с Т. Беллом, тогда молодым рабочим-литейщиком, резко критиковавшим на митингах политику соглашателей. Впоследствии он стал первым национальным организатором Компартии Великобритании. Том Белл так писал о Конноли: «Невысокий, коренастый, с рыжими усами, задорными глазами и легким ирландским акцентом в речи, Конноли всюду вызывал симпатию. За его спокойствием и молчаливостью скрывались большие знания, которые он приобрел из книг и личного опыта. Когда его вовлекали в спор, он буквально сокрушал оппонентов язвительной и беспощадной логикой... Пролетарий из пролетариев, он был лишен всякого снобизма и высокомерия, присущих многим вождям. Он был предан до самопожертвования делу освобождения трудящихся от капиталистического рабства... Речи Конноли были образцом простоты, доходчивости и страстного классового чувства... Он не жалел сил для преодоления сомнений рабочих, искренне стремящихся познать истину»⁵⁰.

После Ридинга Конноли приехал в Оксфорд. Здесь его встретили далеко не дружелюбно. Студенты, преимущественно выходцы из аристократических и буржуазных семей, сорвали первое же его выступление.

В итоге Джеймсу пришлось покинуть Оксфорд.

С успехом выступив в Лондоне, Конноли в октябре возвратился в Дублин. Здесь он принял участие в избирательной кампании, поскольку Совет тред-юнионов Дублина выдвинул его, Стюарта и Маклоулина кандидатами социалистов в местные органы власти. ИСРП уже несколько раз без особого успеха участвовала в таких кампаниях, но лично для Конноли это была первая кампания в Ирландии.

Исход выборов был в общем-то предрешен заранее. ИСРП не имела средств на их проведение, был вновь прекращен выпуск газеты «Уоркерз рипаблик». Приходилось ограничиваться проведением митингов на открытом воздухе.

В то же время противники ИСРП не брезговали никакими средствами. С амвона церкви Конноли был объявлен «антихристом», католикам под угрозой отлучения от церкви было запрещено за него голосовать. Тем не менее кандидаты ИСРП благодаря поддержке тред-юнионов получили довольно много голосов: Конноли — 431, Маклоулин — 371, Стюарт — 267. Победившие кандидаты буржуазных партий — соответственно 1424, 530, 751⁵¹.

Однако неудача на выборах не подорвала позиций ИСРП в тред-юнионах. Профсоюз строительных рабочих предложил Конноли стать его секретарем, но он отказался. Совет тред-юнионов Дублина пополнился еще одним членом ИСРП — П. Дали, который добился одобрения Советом требований о понижении квартирной платы в Дублине, повышении налога на землевладельцев и конфискации незаселенных зданий. В апреле 1902 г. Стюарт и Дали были избраны делегатами на съезд ИКТ, проводившийся в Корке. Стюарт и Маклоулин стали членами Исполкома ИКТ.

В начале 1902 г. Джеймс Конноли получил приглашение от Де Леона, лидера Социалистической рабочей партии США, посетить Соединенные Штаты Америки. В США имя Конноли было довольно популярно среди многочисленных эмигрантов из Ирландии. Многие статьи Конноли перепечатывались газетой СРП «Уикли пипл». В США была опубликована его работа «Новое Евангелие» — цикл статей, на страницах которых Конноли выступил с критикой основ политики социал-реформизма. Здесь же он поставил вопрос, имевший в то время основополагающее значение для развития теории научного социализма, — о роли государства. Отметив классовый характер буржуазного государства, он сделал вывод о том, что, пока рычаги государственной власти находятся в руках буржуазии, ни о каком социализме не может быть и речи.

Конноли решил принять приглашение, хотя, как выяснилось позднее, цель поездки у него и у пригласившего его Де Леона была совершенно различной. Конноли импонировал Де Леону с его уверенностью в скорой победе рабочего класса, с его нетерпимостью к реформизму, ко всякого рода уступкам и компромиссам. Конноли надеялся, что ему удастся установить постоянную связь с американским рабочим движением, особенно с живущими в Америке ирландцами. Кроме того, надо было добыть денежные средства и тем самым вдохнуть новую жизнь

в ИСРП, наладить постоянный выпуск газеты «Уоркерз рипаблик».

Что касается Де Леона, то он полагал, пригласив Конноли, упрочить позиции собственной партии, расколовшейся в 1900 г. Часть партии, так называемая рочестерская оппозиция, отошла тогда от СРП в знак протеста против сектантского курса Де Леона и, объединившись с другой влиятельной социалистической организацией — Социал-демократической партией Ю. Дебса, основала Социалистическую партию. Де Леон полагал, что Конноли поможет ему привлечь в СРП ирландских эмигрантов, обеспечить их голоса на предстоящих выборах в конгресс США.

Готовясь к поездке в США, Конноли посетил Шотландию и своих друзей в Салфорде. Там еще существовало отделение ИСРП, хотя численность его оставалась прежней. Конноли встретился и со своими друзьями из группы Матесона. Руководство СДФ пыталось подвергнуть их политическому ostracismu: Г. Квелч, издатель органа СДФ «Джастис», отказывался печатать их статьи, помещать информацию о проводящихся ими митингах. Тогда Конноли договорился с Матесоном об издании его группой собственной газеты «Соушеллист», которая будет печататься в Дублине вместе с «Уоркерз рипаблик». Фактически речь шла об издании, на период отсутствия Конноли, совместной газеты ИСРП и шотландских отделений СДФ. Газета теперь формально становилась и органом шотландских отделений СДФ, но это не должно было сказаться на ее содержании, поскольку подбор материалов должны были делать члены ИСРП.

Менее чем за полгода, проведенные в США, Конноли объехал почти всю страну от ее восточного до западного побережья, выступал на митингах в крупнейших городах США. Побывал он и в Канаде. Работал он здесь с огромной нагрузкой, ежедневно выступая на двух-трех митингах в разных городах страны. «Вы, наверно, думаете, что я здесь отдыхаю, но это отнюдь не так»⁵², — писал Джеймс Д. О'Брайену в Дублин. Начав свои выступления 13 сентября, к концу октября Джеймс был уже настолько утомлен, что, несмотря на возражения Ф. Пассано, руководителя местного отделения СРП в небольшом городке Троя, вынужден был отказаться от участия в третьем митинге. Постоянные переезды из города в город, смена впечатлений, сон урывками в вагонах поездов, многочисленные выступления и беседы были очень изнурительны для Джеймса.

Конноли рассказывал собиравшимся послушать его ирландцам о деятельности ИСРП, призывал их поддерживать Социалистическую рабочую партию Де Леона, подчеркивая, что тем самым они содействуют приближению дня освобождения Ирландии. Никогда еще Джеймсу не приходилось выступать на митингах таких масштабов, нигде ему еще не оказывали такого теплого приема, нигде еще ему не удавалось собрать столько средств на «Уоркерз рипаблик» и получить столько подписчиков, как здесь, в Америке. И все же впечатления от поездки в США были далеко не самыми радужными.

Предостерегая ирландцев, живущих на родине и ошибочно видевших в Америке своего рода «землю обетованную», страну с «молочными реками и кисельными берегами», где каждый нищий якобы легко может стать миллионером, Конноли писал: «...условия в Америке не столь прекрасны, как их изображают ирландские политики среднего класса... Несомненно, уровень жизни здесь намного выше... Но интенсификация труда, быстрое развитие техники, с моей точки зрения, превращают рабочего в старика в том возрасте, когда на родине он находится еще в расцвете сил. Иными словами, эмигрант жертвует своим будущим ради настоящего, ради нескольких лишних долларов»⁵³.

Ознакомившись с положением дел в американском рабочем движении, Конноли усомнился в правильности тактики Де Леона, в его оценке перспектив рабочего движения США. Де Леон считал, что именно пролетариат США первым поднимет знамя социалистической революции и освободит Европу от бремени капитализма. Конноли же увидел другое: дух индивидуализма разъедает все американское общество, в том числе и рабочее движение; уровень классового самосознания здесь ниже, чем в Англии и Ирландии. В таких условиях, по мнению Конноли, следовало проводить более гибкую тактику.

Полный впечатлений и надежд, он в январе 1903 г. возвратился на родину.

После кипучей энергии Америки, ее быстро растущих городов, развивающейся промышленности Дублин показался Конноли сонным провинциальным городом. Он горел жаждой деятельности, хотел разбудить его жителей, поднять их на борьбу. Но все оказалось гораздо сложнее. Конноли столкнулся с рядом неожиданностей.

В январе проводились очередные муниципальные выборы, и кандидатура Конноли опять была выдвинута тред-юнионами. Поскольку времени на подготовку изби-

рательной кампании уже не было, Конноли обратился к своим избирателям с манифестом, в котором говорилось об угнетенном положении рабочего класса, содержался призыв к созданию пролетарской политической партии. Но в нем ни слова не было сказано о задачах текущей борьбы за улучшение положения трудящихся, о том, что конкретно Конноли будет делать, если добьется избрания.

Увы! Дублинские рабочие не откликнулись на страстный призыв Конноли. Он получил рекордно низкое число голосов, даже несмотря на то, что его соперник — похоронных дел мастер Фанниган — не был особенно популярной политической фигурой. В поддержку Конноли высказалась лишь часть националистов. Так, А. Гриффитс писал в газете «Юнайтед Айришмен»: «Способных и честных людей, выдвигающих свои кандидатуры, можно пересчитать по пальцам. Первым из них является Дж. Конноли, кандидат ИСРП... Ему противостоят богачи, владельцы частных домов, обогащающиеся за счет бедняков, политиканы и, к сожалению, священники. Мы не социалисты, но мы были бы рады видеть такого человека, как Дж. Конноли, в дублинском муниципалитете»⁵⁴. Тем не менее Конноли проиграл. Поражение на выборах явилось показателем того, что лидерам ИСРП не удалось выдвинуть тактически правильных лозунгов, которые с достаточной гибкостью отражали бы текущие настроения и потребности трудящихся и в то же время указывали на необходимость социалистической перспективы.

Второй, гораздо более тяжелый удар нанесли ему члены его собственной партии. ИСРП держалась в основном на энтузиазме и энергии самого Конноли, а с его отъездом в США дела в партии пошли из рук вон плохо. Те члены ее, которые стали активистами профсоюзного движения, перестали интересоваться партийными делами. Большинство же активистов оказались без работы, кое-кто эмигрировал в США. Некоторые из членов ИСРП, например Ф. Руян, известный драматург того времени, покинули ее ряды.

В отсутствие Конноли перестала выходить газета «Уоркерз рипаблик». В подобных условиях шотландские социалисты вынуждены были перенести издание своей газеты «Соушеллист» в Эдинбург. Узнав об этом еще в США, он с возмущением писал Д. О'Брайену: «Я тут тружусь из последних сил, ежедневно проезжаю от 200 до 600 миль, каждый вечер выступаю, борюсь за каждо-

го подписчика, обещаю всем и каждому, что газета будет выходить в будущем более регулярно, а вы, на родине, даже не удосужились подкрепить мои слова, как обещали, — продолжением выпуска газеты... стыд вам и позор... Если кое-кто полагает, что дело борьбы за социалистическую республику не стоит того, чтобы ради него трудиться, почему бы ему не уйти из партии?»⁵⁵ Конноли не получил ответа на это письмо.

Среди членов партии возобладал дух групповой обособленности и взаимных обвинений. Нужно сказать, что поведение Конноли действительно нередко раздражало некоторых товарищей по партии. Джейме, отдавая ИСРП все свои силы, требовал того же и от своих соратников. Любые проявления пассивности, нерасторопности с их стороны бесили Конноли, он раздражался упреками по их адресу. Это в свою очередь вызывало обиды у членов ИСРП. М. Ланг, например, писал Джеймсу еще 3 августа 1903 г.: «Я думаю, что Ваш опыт, осознание трудностей партийной работы вполне достаточны для понимания причин невыполнения отдельных Ваших указаний и пожеланий. Я понимаю, что, работая для нас так, как Вы это делаете, Вы вправе ожидать и от нас больших усилий... но надо все-таки делать скидку и на определенные сложности. С точки зрения тактики я думаю, что тон некоторых Ваших замечаний слишком резок; он скорее производит эффект противоположный тому, что Вы ожидаете»⁵⁶.

Кризис наступил 18 февраля. Конноли потребовал на заседании активистов партии выделить средства на продолжение издания газеты, но встретил отказ. Он настаивал, доказывая, что без газеты партия не может существовать, ссылаясь на обязательства перед американскими подписчиками. Все было напрасно. Тогда Джеймс заявил о своей отставке с поста секретаря партии и выходе из нее. Отставка была принята. На следующий день Конноли решил, что поторопился и предложил созвать всех членов партии. На этой встрече произошел окончательный разрыв. Стюарт, наиболее резко нападавший на Конноли, в свою очередь объявил об уходе из партии. Это, однако, не решило проблему: активисты Т. Ланг, У. О'Брайен заявили о своем нежелании оставаться в одной партии с Конноли.

Для малочисленной партии, преимущественно непролетарской по составу, раскол в ее руководстве (Джеймса поддержал лишь Д. Ланг) создавал угрозу самому дальнейшему ее существованию. Сознывая это, Конноли при-

нял окончательное решение о своем выходе из ИСРП. Он писал У. О'Брайену: «Создается впечатление... что я мешаю развитию партии, что я опасен для дела социализма в Дублине. Я не знаю, на чем основано такое суждение... Я намерен отказаться от всякого участия в делах партии, выйти из ее рядов... Если Вы считаете мое присутствие в партии непреодолимым препятствием для Вашего возвращения в нее, скажите об этом, и я охотно уйду. Обо мне никто не может сказать, что я мешаю развитию движения». В это же время Конноли говорил Матесону: «Социализм в Дублине сейчас завоевал такие позиции, о которых семь лет назад самые страстные защитники нашего дела не могли и мечтать; он, должно быть, сможет развиваться и дальше. Если это произойдет, я, может быть, вернусь, но пока связь должна быть минимальной, пусть страсти утихнут. Я покину Дублин при первой же возможности»⁵⁷.

Таким образом, ради сохранения единства в рядах социалистов Ирландии Конноли счел необходимым выйти из рядов ИСРП. Он испытывал мучительные переживания. Рушились все его надежды, часть жизни казалась прожитой зря. Прекрасно понимая, что, оставаясь в Дублине, он не сможет стоять в стороне от событий, Джеймс решил уехать на время в США. В апреле он известил Матесона, что осенью уезжает в Америку, затем возьмет с собой семью. Но просил пока не рассказывать широко о его намерении.

В апреле же Джеймс принял приглашение СДФ — на пять месяцев поехать в Шотландию выступать с лекциями. Вначале он приехал в Эдинбург, где с помощью своих шотландских друзей выпустил два последних номера газеты «Уоркерз рипаблик» — обязательства перед подписчиками должны были выполняться, что бы ни происходило.

В мае Конноли начал лекционное турне. Он рассказывал о социалистическом движении США, сравнивал тактику и методы борьбы СРП и СДП. В это время в СДФ произошли важные события. В знак протеста против соглашательской политики центрального руководства Федерации от нее откололась большая часть ее шотландского отделения, которая решила образовать самостоятельную партию. 7 июня в Эдинбурге открылась первая учредительная конференция новой партии, на которой в качестве почетного гостя присутствовал Дж. Конноли. По его предложению новая партия приняла название Социалистической рабочей партии. Секретарем ее

стал Н. Маклен. Конноли предложили стать ее организатором. Он принял это предложение, но сроком на три месяца.

По просьбе Конноли выпускаемая СРП газета «Соушеллист» пересылалась в Дублин, откуда члены бывшей ИСРП, провозгласившие себя дублинским отделением СРП, отправляли ее американским подписчикам вместо «Уоркерз рипаблик».

Обещанные три месяца Конноли работал с прежней энергией. Он объехал всю Шотландию, помогая создавать новые отделения партии. В Глазго он организовал группу ораторов, занятия в которой проводил сам, продолжая выступать на митингах.

В июле Конноли открыто заявил об отъезде в США по истечении трех месяцев.

В августе он приехал в Дублин попрощаться с семьей, а в сентябре отплыл в США. Ни один из его бывших товарищей по партии его не провожал.

* * *

1896—1903 годы явились плодотворным периодом в деятельности лидера ИСРП Дж. Конноли, оставившей заметный след в истории развития ирландского рабочего движения. Впервые в Ирландии была создана боевая марксистская партия, внесшая огромный вклад в дело пропаганды революционных идей. Через несколько лет, переосмыслив успехи и неудачи ИСРП, Конноли писал: «Не будет преувеличением сказать, что деятельность этой организации полностью революционизировала борьбу за прогресс в Ирландии. Когда она возникла, слово «республика» произносилось лишь шепотом в компании друзей... Мысль о революции была монополией нескольких приверженцев тайных обществ предыдущего поколения... Социалисты преодолели эту глупую секретность и в сотнях речей, произнесенных в самых людных местах городов, а также на страницах печатных работ, провозгласили свою цель — объединить все силы трудящихся для революционного преобразования общества...»⁵⁸ Вождь ИСРП Конноли в идейной борьбе против ирландских националистов и английских шовинистов впервые теоретически обосновал право ирландского пролетариата на самостоятельную политическую партию, а также показал важность соединения борьбы за социализм с борьбой за национальную независимость страны.

Восприняв учение К. Маркса о классах и классовой

борьбе, о непримиримости противоречий между буржуазией и пролетариатом, об исторической неизбежности гибели капитализма и победе социалистической революции, Дж. Конноли применил его к конкретно-историческим условиям развития рабочего и национально-освободительного движения в Ирландии.

Истекший период был ознаменован неустанным теоретическим поиском выработки путей, форм и методов борьбы рабочего класса зависимой страны. Однако в эти годы Конноли было свойственно стремление «поторопить» развитие освободительной борьбы, а жесткая позиция в отношении радикально настроенных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции, не готовых к восприятию социалистических идей, отталкивала потенциальных союзников пролетариата в антиимпериалистической борьбе. Отсутствие тактической гибкости, переоценка зрелости ирландского рабочего класса сказались и в практической деятельности руководимой им партии, которая не смогла обеспечить себе массовой социальной базы.

В становлении Дж. Конноли как марксиста и лидера рабочего класса начинался новый этап. Он нуждался в переосмыслении своего опыта работы в социалистическом движении, в изживании сектантских заблуждений, корректировке своих взглядов в отношении тактики классовой и национально-освободительной борьбы.

Глава II

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

«Индустриальные рабочие мира»

Американский период деятельности оставил неизгладимый след в многогранном творчестве Джеймса Конноли, первого выдающегося ирландского марксиста, организатора классовых битв пролетариата, революционного поэта, журналиста. Жизнь в США закалила его как стойкого борца против социальной несправедливости, укрепила решимость в дальнейшей борьбе за освобождение своей родины от национального угнетения.

Итак, осенью 1903 г. Конноли оказался на положении

эмигранта, вынужденного, как и тысячи его соотечественников, покинуть свою родину. В ту пору в американские порты один за другим прибывали пароходы с новыми иммигрантами. Особенно многочисленными были переселенцы из Ирландии. Созданные английскими колонизаторами невыносимые условия жизни на родине заставляли ирландцев, писал В. И. Ленин, «сотнями тысяч и миллионами покидать родину и выселяться в Америку... Ирландия обезлюдела. В течение XIX века свыше 5 миллионов ирландцев переселилось в Америку, и в Соединенных Штатах теперь *больше* ирландцев, чем в Ирландии!»¹.

Американские ирландцы создавали национальные организации, ставившие своей целью освобождение родины от порабощителей (Гиббернийский орден — 1851 г., Общество помощи ирландским эмигрантам — 1855 г., Общество памяти Эммета — 1853 г.). На чужбине они бережно хранили традиции ирландской освободительной борьбы. Популярная среди американских ирландцев песня «Кто не боится вспомнить о 1798 годе?» постоянно исполнялась на встречах ирландцев. Газета «Айриш ньюс» 11 июля 1857 г. поместила объявление об открытии салона на 1-й авеню в Нью-Йорке под названием «Дом 98-го года». Там на своих патриотических митингах ирландцы в течение многих лет обсуждали проблемы борьбы за освобождение порабощенной родины².

В 50-х годах в США, а затем и в Ирландии возникло фенианское движение, ставившее своей целью создание в Ирландии демократической республики путем вооруженной борьбы. «Америка, Ирландия, Англия — три арены действия (фениев. — Х. З); ведущая роль Америки»³, — писал о данном периоде развития фенианства К. Маркс. Численность главной фенианской организации 50 — 80-х годов — Ирландского республиканского братства (ИРБ), созданной ирландскими мелкобуржуазными революционерами в США, достигала 20 тыс. человек⁴. Американские фении посылали в Ирландию деньги, оружие и литературу.

Из среды ирландских рабочих вышло немало деятелей пролетарского движения Соединенных Штатов. Рабочее движение Америки выдвинуло тип ирландского рабочего лидера, о котором сложилось представление как об «упорном и целеустремленном борце за дело рабочих»⁵. Недаром в письме Зигфрида Мейера Марксу от 4 мая 1870 г. говорилось: «Только ирландец чувствует себя здесь пролетарием совершенно независимо от того, зарабатывает он 15 или 22 доллара в неделю»⁶.

В середине прошлого века ирландские рабочие стали кадровым костяком пролетариата индустриализирующейся Америки. Они сыграли большую роль в крупнейшей американской рабочей организации — Ордене рыцарей труда, которая имела даже особые ирландские секции, принимали активное участие в деятельности возникшей в 80-х годах Американской федерации труда (АФТ).

Американских ирландцев волновали события, происходящие на родине. Вспоминая свое детство, видная деятельница Компартии США Элизабет Флинн, дед которой участвовал в ирландском восстании 1798 г., а отец был американским ирландцем второго поколения, писала: «Сознание того, что мы являемся ирландцами, развилось у нас еще с детских лет, когда мы слышали заунывные песни и волнующие рассказы о подвигах ирландского народа. Он боролся за освобождение своей родной земли от чужеземных лендлордов, за право говорить на своем родном гэльском языке и исповедовать свою религию, учиться в своих собственных школах, быть независимым и иметь самоуправление. С молоком матери впитали мы горячую ненависть к британскому владычеству. До самой своей смерти мой отец, а умер он, когда ему было за восемьдесят, ни разу не сказал «Англия», не добавив при этом: «Будь она проклята!» Мне еще не исполнилось и десяти лет, а я уже знала имена знаменитых героев — Роберта Эммета, Уолфа Тона, Майкла Девитта, Парнелла и О'Донована Росса...»⁷

Несмотря на то что в Америке было много выходцев из Ирландии, жизнь эмигрантов, особенно из числа вновь прибывших, была не из легких. Большие трудности выпали и на долю Джеймса Конноли. Америка встретила его неприветливо. Позднее он признавал, что решение об отъезде из Ирландии было «величайшей ошибкой в его жизни»⁸. По приезде Конноли в США газета СРП «Уикли пипл» 17 октября опубликовала на первой странице интервью с ним о положении дел в социалистическом движении в Великобритании. Однако когда Конноли в качестве простого эмигранта без средств к существованию предложил свои услуги газете (он был готов работать наборщиком), то получил отказ. Он начал искать работу в Нью-Йорке, но вскоре понял, что преимущество оказывается членам АФТ, руководство которой ориентировало трудящихся на «сотрудничество» с предпринимателями. В то время АФТ была охвачена жаркими спорами по вопросам иммиграции. Лидеры Федерации требовали принять меры по ее ограничению, ссылаясь на эко-

номические трудности, перенасыщенность рынка рабочей силой и угрозу развитию американских демократических свобод.

Поскольку в Нью-Йорке не удалось найти работу, Конноли переехал в Трою — небольшой город на реке Гудзон, где жил его брат Томас. Здесь он устроился в страховую компанию.

В Трое существовало отделение СРП, и Конноли стал его членом. Он активно включился в работу отделения, внимательно изучал публикации СРП. Опыт работы в ИСРП, уроки неудач в ее деятельности не прошли бесследно для Джеймса. Вскоре он окончательно убедился, что сектантская линия, проводимая сторонниками Де Леона, ошибочна, что она мешает социалистам США распространять свое влияние на широкие слои рабочего класса. Руководство партии, выступая с пропагандой лишь конечных целей пролетариата, отказывалось от борьбы за частичные требования рабочего класса, призывало к полному отказу от работы в АФТ.

Де Леон сравнивал АФТ с кораблем, который «никогда не был годен для морского плавания, а теперь сидит на мели и захвачен горстью пиратов...»⁹.

Сектантская тактика Де Леона в отношении работы в профсоюзах по существу вела к расколу рядов рабочего класса. Де Леон, бессменный лидер СРП, безусловно, много сделал для воспитания американского пролетариата в духе классовой борьбы, непримиримости его интересов с интересами буржуазии. Он настаивал на проведении самостоятельной политики рабочего класса. Будучи человеком весьма способным, талантливым, но импульсивным и увлекающимся, Де Леон призывал к немедленному свержению капиталистов. Частичные же успехи рабочего движения он считал «кожурой бананов под ногами пролетариата»¹⁰.

Сектантская и доктринерская позиция Де Леона в отношении работы социалистов в массах, необходимости воспитания рабочего класса на уроках текущей, повседневной борьбы за свои права не могла оставить Конноли равнодушным. В апреле 1904 г. он выступил в газете «Уикли пипл» со статьей «Зарплата, семья и церковь», в которой указал на некоторые ошибки Де Леона.

Согласно концепции последнего, борьба трудящихся за повышение зарплаты иллюзорна, ибо любые увеличения в заработной плате будут сведены на нет повышением цен. Для подкрепления своей аргументации Де Леон ссылаясь на «Капитал» К. Маркса. В действительности

же лидер СРП повторял точку зрения Лассалья о будто бы существующем «железном законе заработной платы», научная несостоятельность которого была блестяще доказана К. Марксом. Однако авторитет Де Леона был настолько велик, что никто из членов СРП не решался обвинить его в непонимании некоторых положений «Капитала».

Оспорив точку зрения Де Леона, Конноли фактически выступил и против тактической линии СРП, игнорирующей повседневную борьбу трудящихся за удовлетворение текущих требований. Он также поставил под сомнение целесообразность постоянных нападок газеты «Пипл» на религию и церковь, не согласился с тезисом об отмирании моногамной семьи при социализме, популярным у деятелей СРП. «Подобные работы и утверждения дорого обходятся движению,— писал Конноли,— ибо они отталкивают многих потенциальных союзников»¹¹.

Статья Конноли была расценена Де Леоном как вызов. «Вследствие своей запальчивой, порывистой и самовластной натуры»¹², писал о нем Уильям Фостер, Де Леон не привык считаться с чужим мнением. Выступив с резкой отповедью, он обрушил на Конноли град цитат из Маркса, вырванных из контекста. Его приверженцы предложили принять против смутьяна-ирландца дисциплинарные меры. Секретарь отделения СРП в Трое Пассано предложил исключить Конноли из партии. В результате «дело Конноли» было вынесено на рассмотрение Национального съезда партии в июле 1904 г. Инцидент, однако, был улажен — съезд ограничился выражением поддержки Де Леону. Определенную роль, вероятно, сыграла и позиция шотландских социалистов — газета «Соушеллист» в июне 1904 г. поддержала точку зрения Конноли, обратив внимание на явные противоречия в воззрениях Де Леона. Учитывая это, руководство партии решило не обострять с ними отношений.

В июле Конноли приехал в Нью-Йорк с целью встретить свою семью. Постепенно его финансовое положение улучшалось, и он вызвал к себе жену и шестерых детей. Лишь в августе произошла долгожданная встреча, которая была омрачена вестью о несчастье, постигшем семью. Старшая дочь Мона, которой исполнилось 13 лет, накануне отъезда попыталась сама растопить печь, но при этом получила тяжелые ожоги и умерла. Джеймс был потрясен этим известием. Впоследствии он писал: «Этот удар омрачил всю мою жизнь, изменил все наши надежды и перспективы»¹³.

Конноли перевез свою семью в Трою. В это время здесь началась забастовка работниц текстильной фабрики, протестовавших против возросшей в связи с применением новой техники интенсификации труда. Конноли, использовавший свое положение агента страховой компании для сбора средств в пользу бастующих, был уволен с работы. Снова для семьи наступили трудные времена. Возле домика, где поселились Конноли, был маленький сад; там семья начала выращивать помидоры. Денег не хватало, и старшим дочерям — Норе и Инне — пришлось подрабатывать (Норе было только 10 лет). Они возили тележки с текстильной фабрики с работой для надомниц, которые пришивали кружевные воротнички. За это девочкам платили 50 центов в неделю. Сам Конноли попытался найти работу в Нью-Йорке, особенно после встречи с бывшими активистами ИСРП Д. Маллери и Д. Лангом, на помощь которых он рассчитывал. Но бесполезно — всем троим пришлось довольствоваться лишь временной работой, и Конноли с трудом поддерживал свою семью. Несколько раз ему удалось выступить с платными лекциями об основах социалистического учения и о тред-юнионизме.

Узнав о трудностях Конноли, его друг Матесон предложил такой вариант: шотландские социалисты могли приобрести печатный станок, принадлежавший ранее ИСРП, и пригласить Джеймса на должность редактора и одновременно наборщика. Джеймс тепло поблагодарил Матесона, написав ему, что о таком предложении он и не мечтал. Но... ни у Конноли, ни у шотландских социалистов не было денег на переезд через океан (требовалось около 200 долл. — сумма по тому времени немалая).

Конноли был не только видным деятелем рабочего движения. Он был заботливым мужем и любящим отцом. Много внимания он уделял своим детям. По вечерам, когда бывал дома, старался беседовать с ними, читал книги, в основном о революционных событиях прошлого, особенно о Великой французской революции.

Конноли пытался воспитывать в своих детях самостоятельность действий и ответственность за свои поступки. Подтверждение тому — разговор с дочерью Норой по поводу сдачи ею экзаменов экстерном и перехода в следующий класс. Когда школьное начальство воспротивилось этому и Нора попросила отца помочь ей, Конноли ответил: «Ты должна понять, и ты уже достаточно взрослая для этого, что надо прежде всего полагаться на свои собственные силы. Чем раньше ты начнешь вести свои

битвы, тем лучше для тебя. Если ты самостоятельно добьешься перевода, то можешь смело сказать, что именно ты сама доказала возможность учиться в старшем классе. Но если я начну этого добиваться, то ты и впредь будешь ждать помощи от отца, у тебя не будет уверенности в собственных силах. Это понятно?»

Благодаря своим способностям, успехам в учебе Нора добилась перевода в следующий класс.

Конноли был требователен к детям, но никогда не подвергал их физическим наказаниям, стремясь действовать убеждением.

До осени 1905 г. Джеймс был занят поисками работы. Потерпев неудачу в Нью-Йорке, он вновь возвратился в Трою, затем переехал в штат Нью-Джерси. Наконец ему удалось устроиться инженером на фабрике Зингера в Ньюарке. Несмотря на близорукость, отсутствие специального технического образования, Конноли успешно справлялся со своими обязанностями. Самостоятельно, по ночам, он изучал механику и вскоре приобрел квалификацию настоящего инженера. Его семья переехала из Трои в Нью-Йорк и временно поселилась у Дж. Ланга.

27 июня 1905 г. в Чикаго произошло важное событие в истории американского рабочего движения — состоялся съезд профсоюзных организаций, недовольных правооппортунистической политикой руководства АФТ. В подготовке съезда приняли участие Ю. Дебс — лидер Социалистической партии Америки и Де Леон — лидер Социалистической рабочей партии. На съезде было принято решение о создании новой профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), выступающей с позиций классовой борьбы. Главным организатором ИРМ был член СПА, борец за дело рабочего класса Уильям Хейвуд.

Организации ИРМ стали быстро распространяться по всей стране. В отличие от АФТ они строились по производственному принципу, объединяя преимущественно низкооплачиваемые категории рабочих. Устав ИРМ не содержал никаких дискриминационных ограничений в отношении национальности и расы. Генеральный секретарь ИРМ Траутман призывал иммигрантов к немедленному вступлению в новую организацию, требовал, чтобы литература ИРМ распространялась на различных языках в крупнейших иммиграционных портах¹⁴.

У ИРМ было немало слабых сторон. В ней сильно было влияние идей анархо-синдикализма. Многие ее члены отвергали политическую, парламентскую борьбу, счи-

тая единственно пригодным методом свержения капитализма «прямое индустриальное действие» — стачки, забастовки, саботаж. Исходя из признания непримиримости классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, ИРМ призывала к бескомпромиссной антикапиталистической борьбе вплоть до передачи власти трудящимся в лице рабочих организаций. Считалось также, что в условиях социализма функции управления производством перейдут непосредственно к профсоюзам. Сильными были и сектантские настроения: на съезде возобладала точка зрения, согласно которой члены ИРМ должны выходить из «реакционных профсоюзов», создавать собственные организации.

Тем не менее создание ИРМ имело несомненно позитивное значение для развития рабочего движения США. В. И. Ленин позднее определил это движение как «глубоко пролетарское и массовое», подчеркнув, что ошибочные взгляды в данном случае «объясняются не столько ролью выходцев из буржуазии, приносящих свои, в сущности мелкобуржуазные, взгляды, каковыми часто бывают взгляды анархистов, а политической неопытностью вполне революционных и связанных с массой пролетариев»¹⁵.

Узнав о возникновении ИРМ, Конноли стал ее ярким сторонником и пропагандистом. Рискав потерять свою новую работу, он выступал в защиту ИРМ на митингах. При этом Джеймс не жалел своих сил, часто недосыпал. Совместно с рабочим Патриком Куинланом, блестящим оратором (позднее, в 1913 г., он был заключен в тюрьму за участие в забастовке и освобожден в 1914 г.), Джеймс создал в Ньюарке отделение ИРМ, в котором участвовали члены обеих социалистических партий — СРП и СПА, рабочие — выходцы из разных стран.

На одном из митингов в Ньюарке Конноли познакомился с Элизабет Флинн. Элизабет вспоминала этот митинг как незабываемое событие в своей жизни, поскольку на нем впервые встретила с ирландским социалистом, оказавшим большое влияние на формирование ее мировоззрения. В своих мемуарах она писала: «Он был небольшого роста, довольно полный... У него были большие черные усы, очень высокий лоб и темные грустные глаза — глаза человека, который редко улыбается»¹⁶. Конноли уважал эту мужественную женщину, которая связала свою судьбу с нелегкой профессией революционера. Он ценил в Элизабет Флинн готовность и желание учиться, умение отказываться от своей точки зрения, если она оказывалась ошибочной. «Она начала как утопист чис-

тейшей воды,— говорил Конноли,— а сейчас смеется над своими представлениями прошлого»¹⁷.

В это же время Конноли начал во все большей степени осознавать важность единства социалистического и рабочего движения, актуальность и особую значимость в условиях США решения задачи о привлечении к активному в нем участию рабочих-эмигрантов из Европы. Многие из них, попав в Америке в тиски жесткой капиталистической эксплуатации, довольно быстро проходили школу классового самосознания и поднимались до понимания необходимости организованной защиты своих прав.

Конноли выступил за объединение СРП и СПА хотя бы для начала в рамках штата, но не получил поддержки. Определенного успеха он добился в работе с иммигрантами. Ньюарк являлся интернациональным городом, $\frac{2}{3}$ населения которого составляли выходцы из Европы. Значительная часть их — около 50 тыс. человек — были итальянцами. Действовало тут и отделение Итальянской социалистической федерации (ИСФ), выпускавшее собственную газету «Пролетарио». Работая с итальянцами, Конноли стал изучать итальянский язык и прекрасно овладел им. Языки вообще давались ему легко: помимо английского и гэльского он свободно говорил на французском и немецком, переводил на английский статьи из «Пролетарио» и публиковал их в «Уикли пипл».

Вот как вспоминает Элизабет Флинн один из митингов итальянских социалистов, который состоялся в раннее воскресное утро 3 апреля 1907 г.: «Меня удивило, почему митинг был назначен на такой необычный час, но оказалось, что этим ярым антиклерикалам он заменял церковную службу, не мешая при этом проведению затем по всем священным правилам обеда, состоящего из спагетти и вина. Я спросила Конноли: «А кто будет говорить по-итальянски?» Он улыбнулся своей редкой улыбкой и ответил: «Посмотрим. Обязательно кто-нибудь будет говорить». После того как мы оба выступили, был сделан перерыв, и нас за кулисами угостили кофе с пирогом, что было для нас ново, но приятно. Самое большее, на что мы могли рассчитывать в других местах, так это на протухшую воду! Затем мы вернулись на сцену. Конноли встал и, к моему удивлению и удовольствию публики, громко кричавшей «Вива!», начал говорить на прекрасном итальянском языке»¹⁸.

На митингах, проводимых СРП и ИРМ, обязательно присутствовали итальянцы, но Конноли много выступал

и на митингах, организованных ИСФ. Итог этой работы не замедлил сказаться. В Ньюарке итальянские и американские социалисты стали действовать единым фронтом, а на ежегодной конференции ИСФ в Бостоне было решено присоединиться к американским социалистам и организационно, в случае если СРП и СПА удастся договориться об объединении.

Благодаря своей энергии и опыту Конноли приобрел большое влияние. Его авторитет в Ньюарке еще больше возрос после того, как он организовал профсоюз на фабрике Зингера, где работало 8 тыс. человек. Отделение СРП штата Нью-Джерси выдвинуло Джеймса делегатом для участия в заседании Национального исполкома партии, состоявшемся 5 января 1907 г. На нем Конноли был избран членом подкомитета — постоянно действующего органа, который практически осуществлял руководство партией в перерывах между заседаниями Исполкома.

Избрание Конноли в руководство СРП привело к возобновлению трений между ним и Де Леоном. Первый конфликт произошел по вопросу об определении функций подкомитета и Исполкома. Конноли предложил предоставить членам обоих этих органов равные возможности в публикации материалов в «Уикли пипл», однако под нажимом Де Леона, бывшего редактором этой газеты, предложение было отклонено.

Второй конфликт был вызван деятельностью Конноли среди ирландских эмигрантов. Исходя из опыта работы с итальянцами, он предложил преобразовать немногочисленную организацию Ирландские волонтеры, существовавшую в Нью-Йорке, в Ирландскую социалистическую федерацию. Такая организация была создана в марте 1907 г. В ее руководство вошли Дж. Ланг, Д. Маллери, Дж. Конноли, Э. Флинн, М. Коды, П. Куинлан (трое из них — бывшие активисты ИСРП). Но еще до ее создания сторонники Де Леона обрушились на Конноли с нападка-ми, обвиняя его в стремлении расколоть социалистическое движение по расовому признаку. Отвечая на это, Конноли писал, что создание широких организаций трудящихся разных национальностей сделает разобщенную массу рабочих Америки более сплоченной и активной, позволит расширить социальную базу движения. Его точку зрения поддержали многие члены СРП.

Однако на этом трения не кончились. Когда Конноли в разгар конфликта с Де Леоном был избран делегатом СРП на конгресс II Интернационала в Штутгарте, большая часть Исполкома СРП, на поддержку которой опи-

рался Де Леон, практически выступила против этой поездки.

В таких условиях Конноли вынужден был подать в отставку из подкомитета СРП, а затем вышел и из самой партии. О причинах своего ухода из СРП в апреле 1908 г. Джеймс говорил так: «Трудно даже представить себе положение человека, окруженного врагами, в условиях, когда такая неразборчивая в средствах личность, как Де Леон, полностью контролирует ситуацию, прежде всего основной источник информации (газета «Уикли пипл». — Х. З.), откуда получают сведения рядовые члены партии; трудно себе представить, каково ощущать, отдав почти 20 лет жизни социалистическому движению, опасность быть навсегда заклеянным в глазах революционного рабочего класса как дезорганизатор и шпион»¹⁹.

Активная деятельность Конноли по пропаганде социалистических идей вызвала раздражение у администрации фабрики Зингера, и Джеймс снова был уволен. Опять нищета, отсутствие денег. После ужина, который состоял из ломтика хлеба на каждого ребенка, Лилли вынуждена была начинать с детьми игру «трое в лодке». Лодкой служила кровать, в которую забирались все семейство, и, поскольку в доме было нечем топить, дети, прижавшись друг к другу, таким образом согревались.

Вскоре Конноли переехал из Ньюарка в Нью-Йорк, где возглавил секцию строительных рабочих в ИРМ. В связи с этим он писал своему другу Матесону: «Меня пригласили на эту должность, когда борьба между Даном (Даниэлем Де Леоном. — Х. З.) и мной была в самом разгаре и я был уверен, что полностью дискредитирован в партии. Однако, к своему удивлению, я обнаружил, что они верят мне, в лучшее понимание мною задач революционной борьбы»²⁰. Скромная и нерегулярно получаемая зарплата Джеймса (18 долл. в неделю) была недостаточной для обеспечения нормальных условий жизни многочисленного семейства Конноли, в котором произошло очередное прибавление — родилась дочь Фиона. Его семье пришлось ютиться в маленькой квартирке в Бронксе — одном из самых бедных районов Нью-Йорка. По соседству жила Элизабет Флинн со своей семьей. Дети Флинн и Конноли часто играли вместе.

Конноли отдавал все свои силы и знания организаторской работе в ИРМ. Эта работа отнюдь не была легкой. С одной стороны, необходимо было вести решительную борьбу со старыми традициями профсоюзной организации, проникавшими в ИРМ. Так, например, в 95-м отделе-

нии ИРМ был введен вступительный взнос в 3 доллара, а все участники профсоюза разделены на 3 категории, в зависимости от размера зарплаты. Необходимо было срочно исправлять положение.

С другой стороны, большие трудности возникали в отношениях между отделениями ИРМ и старыми профсоюзами, входящими в АФТ. Руководство последних не признавало ИРМ; нередко члены АФТ по указанию своего руководства выступали в роли штрейкбрехеров, срывая забастовки, подготовленные ИРМ, не давая новому профсоюзу успешно отстаивать требования трудящихся.

Джеймс помогал работе различных секций ИРМ, стал нью-йоркским корреспондентом ее органа «Индастриал юнион буллетин».

В условиях крупного машинного производства на заводах, фабриках, строительных объектах сосредоточивались большие, многонациональные коллективы, которым противостоял мощный и опытный враг — монополии. Требовались немалые усилия для того, чтобы вовлечь разнородные по национальному составу, производственному и классовому опыту группы рабочих в ряды ИРМ. Джеймс Конноли с готовностью взял эти функции на себя. Здесь пригодилось его умение работать с национальными меньшинствами. Ему удалось привлечь в ИРМ многих ирландских и немецких рабочих Нью-Йорка.

В период 1906—1908 гг. в «Индустриальных рабочих мира» развернулась острая борьба между различными течениями. Сторонники Де Леона совместно с синдикалистами выступили против правооппортунистических элементов в ИРМ, обвиняя их в стремлении использовать организацию в своих карьеристских целях. Президент ИРМ Шерман и его единомышленники, руководствовавшиеся принципом примирения и арбитража между работодателями и рабочими, были названы делеонистами «бандой подкупленных политиканов» и «факирами рабочего движения»²¹. На II съезде ИРМ (сентябрь 1906 г.) Шерман был обвинен в плохом ведении финансовых дел и в расточительности. Большинством голосов съезд принял решение об изгнании группы Шермана из ИРМ.

Вскоре после этого вспыхнула борьба между сторонниками Де Леона и анархо-синдикалистскими элементами. Ее острота, однако, в 1906—1907 гг. несколько притупилась. Дело в том, что в это время правящие классы прибегли к откровенной провокации с целью избавиться от боевых профсоюзных лидеров. Генеральный секретарь Западной федерации горняков У. Хейвуд, ее председа-

тель Ч. Мойер и активист Дж. Петтиборн были арестованы и заключены в тюрьму по обвинению в убийстве бывшего губернатора штата Айдахо Ф. Стейнберга. Обвинение носило следы грубой провокации. Владельцы западных рудников наняли огромный отряд частных сыщиков; для получения заведомо ложных показаний, пошли на вопиющие нарушения конституционных прав обвиняемых. Руководители стачечных боев, пламенные защитники законных прав горняков были похищены и отправлены специальным поездом из штата Колорадо в Айдахо.

Вся желтая пресса Америки выступила единым фронтом с предпринимателями и властями, организовавшими провокацию. Губернатор штата Айдахо хвастал, что Хейвуд, Мойер и Петтиборн, несмотря ни на что, живыми из штата не уйдут. Накануне суда президент Теодор Рузвельт назвал Хейвуда и Мойера «нежелательными гражданами», оказав тем самым давление на суд. Юджин Дебс, тоже названный «нежелательным гражданином», обвинил Рузвельта в неуместных действиях и в попустительстве судебному убийству²².

Прогрессивные силы страны включились в борьбу за спасение рабочих лидеров. В фонд защиты заключенных поступали крупные суммы, в том числе и от тред-юнионов. Миллионы листовок, воззваний, статей, разоблачавших судебные методы правящих классов и требовавших освобождения лидеров, распространялись по всей стране.

В Нью-Джерси состоялся Конвент штата, на котором Конноли (в это время он еще жил в Ньюарке) и Куинлан были назначены ответственными за организацию Комитета в защиту обвиняемых в Ньюарке. Великолепные публицистические и ораторские способности Конноли проявились в работе этого Комитета с удвоенной силой. Джеймс отвечал за издательскую и публицистическую деятельность. Куинлан был секретарем Комитета. Ими было организовано большое количество митингов, в которых приняло участие практически все рабочее население Ньюарка. 3 апреля 1906 г. в Ньюарк прибыл Де Леон. На митинге, проведенном под председательством Конноли, он произнес пламенную речь в защиту заключенных.

Массовые демонстрации, манифестации протеста, митинги продемонстрировали упорство и настойчивость прогрессивных сил Америки в борьбе за правое дело. Движение протеста не могло не оказать влияние на судебный процесс. Талантливый адвокат, блестящий защитник Хейвуда Кларенс Дэрроу в своей 11-часовой речи сумел доказать ложность выдвинутых обвинений, мобилизовать

сочувствие судебных заседателей и присяжных, среди которых не было ни одного рабочего. После совещания, длившегося 20 часов, присяжные вынесли вердикт — «не виновен». Профсоюзное движение выиграло, как выразился Ю. Дебс, «одну из величайших судебных битв в американской истории»²³. Однако эта победа не привела к сплочению его рядов.

В начале XX в. в промышленно развитых капиталистических странах рабочее движение стала захлестывать волна анархо-синдикализма, охватившего наиболее эксплуатируемую и бесправную часть трудящихся, их самые низкооплачиваемые и неквалифицированные слои и отражавшего социальный протест против соглашательства и реформизма лидеров тред-юнионов. Экономическую стачку, саботаж, бойкот, «прямое индустриальное действие» и, наконец, всеобщую экономическую забастовку многие руководители ИРМ стали необоснованно считать вершиной революционной тактики. «Ничего нет странного, — писал В. И. Ленин в работе «Государство и революция», — что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К⁰, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма»²⁴. Анархо-синдикалисты абсолютизировали экономическую и отрицали политическую борьбу, тем самым резко ограничивая революционные задачи, стоящие перед пролетариатом. Многие вожди рабочего класса не сразу поняли вред и опасность подобного течения для рабочего движения. Их влекла яростная, решительная атака на капитал в экономической сфере, «экспроприация экспроприаторов», якобы автоматически ведущая и к политической победе рабочего класса.

Увлекли эти идеи и Джеймса Конноли. К синдикализму он пришел под влиянием неудач своей деятельности в социалистических партиях. И в Великобритании, и в Ирландии, и в США они находились в стадии становления, когда ошибки, шатания, временные расколы и непрочные объединения были неизбежны. То, что это временные трудности, что их преодоление приведет к созданию подлинно марксистских партий, партий нового типа, боевого авангарда борющегося пролетариата (первой такой партией стала РСДРП(б) под руководством В. И. Ленина), Конноли еще не мог осознать. В то же время, наблюдая рост сплоченности и боевитости проф-

союзов, он постепенно приходил к выводу, что именно они станут организацией, в рамках которой рабочий класс выполнит свою историческую миссию — свержение господства эксплуататоров и строительство нового общества. «Профсоюзы,— писал Конноли в работе «Социализм легко осуществим»,— будут основными орудиями социальной революции и соответственно основой структуры будущего общества. . .»²⁵

В отличие от последовательных анархо-синдикалистов, которые отвергали все формы политической борьбы, Конноли признавал значимость борьбы в политической сфере, в частности необходимость участия в выборах. Он считал, что «политические акции на выборах должны быть приняты ИРМ параллельно с экономическими»²⁶. «Если понимать политические действия рабочего класса как прямое столкновение класса рабочих с классом собственников,— писал он,— то мы должны твердо уяснить, что никакие иные действия, кроме участия в выборах, не могут иметь такого эффекта»²⁷.

Но все-таки в это время Дж. Конноли отдавал приоритет «индустриальным акциям», а в политической борьбе видел лишь «эхо подлинной борьбы, которая ведется и будет выиграна в индустриальной сфере»²⁸. На данном этапе своего идейного развития он недооценивал роль буржуазного государства, а точнее, его контрреволюционную функцию, направленную на подавление сопротивления народных масс капиталистической эксплуатации. Взятие политической власти рассматривалось им как завершающий этап социалистической революции, которому предшествует победа социалистических производственных отношений в отдельных отраслях производства. Эта точка зрения ошибочна. Социалистические производственные отношения носят принципиально иной характер, они не могут стихийно сложиться в недрах буржуазного общества, пока власть находится в руках класса эксплуататоров.

Показательно, однако, что Конноли не стремился развивать идеи анархо-синдикализма. Пока он был «заражен» ими, одержим ими, его влекло то, что В. И. Ленин назвал «живым стремлением к все более решительным и новым приемам борьбы» в обстановке обострения капиталистических противоречий. «Бывает ведь так,— писал В. И. Ленин,— что теоретические нелепости прикрывают некоторую практическую истину в новом повороте движения»²⁹. В американском рабочем движении Конноли выступил как практик, как организатор. И здесь, исходя

из потребностей настоящей действительности, осознания насущных задач классовой борьбы, его взгляды совершенствовались.

Работая в организации «Индустриальные рабочие мира», Конноли вновь вступил в конфликт с Де Леоном.

Спор о «железном законе заработной платы», а соответственно и о необходимости ведения борьбы за удовлетворение текущих требований рабочих вновь вспыхнул в 1907 г. Он вылился в острую дискуссию на страницах социалистической прессы США. Сторонники Де Леона, как было отмечено выше, исходя из того, что увеличение заработной платы вызовет рост цен, считали нецелесообразной борьбу за частичные уступки, выступали за решительные действия по уничтожению всей системы наемного рабства. В ответ на это 26 октября 1907 г. Конноли опубликовал статью на страницах «Индастриал юнион булетин». Ссылаясь на работу К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль», Конноли показал несостоятельность формулы «зарплата определяет цены», которую К. Маркс назвал «устаревшим и уже опровергнутым заблуждением», «пустопорожней болтовней»³⁰. «Итак,— писал Конноли,— экономическая наука, основанная на жизненных фактах, решительно отвергает утверждения как авторов, бывших современниками Маркса, так и нынешних шарлатанов, вновь приводящих тот же довод в доказательство того же положения»³¹.

Крайне возмущенный действиями Конноли, Де Леон явился на одно из заседаний Генерального исполкома ИРМ в декабре 1907 г. и упрекнул Конноли в том, что он проповедует «ложную экономику» и вносит религиозную и расовую вражду в рабочее движение. Приверженец Де Леона Р. Катц предложил сместить Конноли с поста организатора ИРМ.

Конноли отказался отвечать на обвинения Де Леона. Председательствующий на заседании Б. Уильямс принял поистине соломоново решение. Он предложил считать конфликт сугубо политическим, не затрагивающим интересы ИРМ. Де Леону порекомендовали следовать процедуре, т. е. обратиться с жалобой на Конноли в местную организацию ИРМ, и лишь в случае несогласия с ее решением выносить вопрос на Исполком.

Причина подобной линии Б. Уильямса состояла в том, что в этот период в ИРМ резко усилились позиции сторонников «чистого индустриализма» (Хейвуда, Траутмана и Сент-Джорджа). Они считали, что для борьбы с капитализмом наиболее целесообразно применение

забастовок, саботажа и намеренно непродуктивного замедленного труда, они исходили из того, что рабочий класс должен вести чисто экономическую борьбу, и все чаще выражали несогласие с точкой зрения Де Леона и его сторонников. Последние хотя иногда и принимали участие в забастовках, но лишь в виде исключения, а главной своей задачей в политической области делеонисты считали пропаганду конечных целей пролетариата, отказываясь от борьбы за удовлетворение частичных требований трудящихся. Подобная тактика вела к тому, что СРП все больше и больше отдалялась от рабочих.

В начале 1908 г. Конноли создал пропагандистские лиги ИРМ, задачей которых являлось разъяснение массам целей «индустриального юнионизма». Этот шаг, направленный на привлечение в ряды ИРМ широких масс трудящихся, Де Леон воспринял как предательство идеи «чистоты движения». Он обратился в нью-йоркское отделение ИРМ с требованием немедленного роспуска лиг. Нью-йоркская организация оказалась не в силах уладить этот конфликт и вынесла решение перенести его рассмотрение на съезд.

Осенью 1908 г. состоялся IV съезд ИРМ, на котором борьба между делеонистами и откровенными анархо-синдикалистами, выступающими против всякого политического действия, достигла кульминационного пункта. На съезде Де Леон и его сторонники, потерпевшие полное поражение, были исключены из ИРМ.

Столкновение Де Леона с Конноли, который уже обладал значительным авторитетом в американском рабочем движении, особенно среди рабочих-иммигрантов, сыграло на руку противникам Де Леона из числа анархо-синдикалистов. Но главной и основной причиной выхода Де Леона из ИРМ явился, конечно, не конфликт с Конноли, а решение анархо-синдикалистского крыла ИРМ окончательно порвать с политическим влиянием ветерана рабочего движения США. Последний не смог даже добиться своего избрания делегатом на съезд; мандатный комитет поставил под сомнение правомочность его выдвижения.

После съезда «Индустриальных рабочих мира» в 1908 г. делеонисты основали свою собственную организацию в Детройте, которая, однако, не смогла стать ни многочисленной, ни влиятельной³².

Победа анархо-синдикалистского крыла сопровождалась внесением соответствующих изменений в Устав

Ю. Дебс и Э. Флинн (в первом ряду)

ИРМ, фиксировавших отказ от политических действий. Конноли в связи с этим говорил: «Невозможно будет заставить рабочий класс воздерживаться от них»³³. Для Джеймса становилось все яснее, что ему не по пути с анархо-синдикалистами. Он все более ясно понимал, что замыкание на чисто «индустриальных акциях» наносит вред рабочему движению, дезориентирует его в борьбе за коренные интересы рабочего класса, лишает верной перспективы. Постепенно он отходит от ИРМ и сближается с Социалистической партией Америки, возглавляемой популярным рабочим лидером Юджином Дебсом.

СПА, возникшая в 1901 г. в результате слияния Социал-демократической партии с отколовшейся частью СРП, по своему типу была близка к крупным западноевропейским социал-демократическим партиям. Она была пестрой по социальному составу, в ней было много идейных течений, в том числе и откровенно социал-реформистского толка. СПА отдавала предпочтение парламентским формам борьбы.

Что же привлекло к ней Конноли, для которого всегда была свойственна нетерпимость к оппортунизму?

Джеймс, последовательно выступавший за единство рабочего класса и за вовлечение как можно более широких масс трудящихся в политическую борьбу, увидел в СПА то ядро, которое может стать центром сплочения. ИРМ замкнулась на «индустриальных акциях» и стала не способна выполнить эту роль. Оставаясь в ИРМ, писал Конноли, он стал бы «просто недовольным ворчуном, отошедшим от политической жизни».

В сектантстве, боязни масс Конноли увидел главную угрозу развитию революционного рабочего движения. Его мнение по вопросу об оценке «левого», сектантски догматического коммунизма, к которому он пришел под влиянием практики политической борьбы, во многом совпадало с положениями, высказанными В. И. Лениным в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Как писал Конноли в письме Матесону, «я пришел к выводу, что хотя наша позиция теоретически абсолютно правильна и может быть применена на практике... сейчас она привела к возникновению поколения сектантов, узко мыслящих доктринеров, которые превратили социалистическое учение в культ с жесткими формулами... Отсюда я делаю дальнейшее умозаключение, что наша позиция... нуждается в уточнении, в установлении связей с... социалистами. Короче говоря, я полагаю, что наше место в широком социалистическом, скорее рабочем движении, в котором мы будем участвовать как дружественно настроенные критики и помощники, а не как отдельная организация, выступающая с враждебной критикой и с враждебных позиций»³⁴.

СПА как раз ориентировалась на вовлечение в свои ряды широких масс трудящихся, ее влияние росло. В момент своего создания она насчитывала около 10 тыс. членов, а в 1909 г. — уже 50 тыс. На президентских выборах 1904 г. кандидат СПА Ю. Дебс получил свыше 400 тыс. голосов. Печатный орган партии «Нью-Йорк ивнинг колл» расходился большим тиражом. Для Конноли было важно также, что в СПА имелось сильное левое крыло, она позитивно оценивала его работу с рабочими-иммигрантами.

Вступив в апреле 1908 г. в СПА, Конноли предложил ей свои услуги в качестве лектора. Именно в это время проходила кампания по подготовке очередных президентских выборов. СПА выдвинула лозунг «Дебса — в президенты». Конноли принял активное участие в предвыборной кампании, агитируя за кандидата СПА. На выборах Дебс собрал 421 тыс. голосов³⁵. Руководство партии оценило усилия Конноли и в июне 1909 г. предложило ему

стать одним из шести платных организаторов партии, в задачу которых входили поездки по стране, выступления на митингах по вопросам текущей политики, помощь в налаживании деятельности местных отделений. Конноли получил назначение на Средний Запад и провел в разъездах почти год — вплоть до своего возвращения в Ирландию.

Последнее назначение перед отъездом на родину было в Нью-Кастл, штат Пенсильвания, на должность редактора газеты «Нью-Кастл фри пресс». Прежний редактор, Ю. Э. Берт, был арестован по обвинению в нарушении правил печати. Суд позднее приговорил его к штрафу в 100 долл. Подлинная же причина ареста состояла в том, что в это время в Питтсбурге (30 миль от Нью-Кастла) развернулись серьезные классовые бои и власти хотели оставить трудящихся без своего печатного органа.

Рабочий класс этого индустриального района бросил вызов гигантской монополии «Ю. С. стил траст», зверски эксплуатировавшей рабочих. При этом если в среднем за 12,5-часовой рабочий день они получали 1 долл., то недавние иммигранты — доллар за три дня работы. В итоге доходы предпринимателей росли как снежный ком. Директор «Ю.С. стил» У. Зингер на обеде по случаю своей золотой свадьбы подарил каждому из своих четырех детей по 4 млн. долл.

Забастовка быстро привела к столкновению с полицией, пытавшейся разогнать пикеты. При этом около 100 рабочих было ранено, 25 брошено за решетку. Руководство АФТ не поддержало забастовщиков: по заявлению казначея АФТ Ф. Моррисона, забастовка была вызвана действиями «невежественных и иностранных рабочих, чужаков, которые не говорят на нашем языке и не понимают наших учреждений». Лишь ИРМ поддержала бастующих.

Забастовка в целом продолжалась более полугода и закончилась частичным успехом: некоторые рабочие добились сокращения рабочего дня на полчаса и повышения зарплаты до 1 долл. 5 центов в день. Однако на большинстве предприятий Питтсбурга предпринимателям удалось заставить голодных трудящихся приступить к работе. При этом наиболее активные участники забастовки были уволены и подвергнуты судебным преследованиям.

Учитывая опыт классовых боев Питтсбурга, Конноли опубликовал статью во «Фри пресс», посвященную тактике забастовочной борьбы, которую он позднее исполь-

зовал в Ирландии — в Белфасте и Дублине. Главная мысль Конноли состояла в том, что при неблагоприятном для бастующих развитии событий необходимо прибегнуть к организованному отступлению, временно отказаться от выдвинутых требований ради того, чтобы сохранить профсоюз и возможность продолжать борьбу в более благоприятных условиях. Борьба, писал Конноли, «не должна вестись до того момента, пока последний батальон будет разбит. Это общая ошибка профсоюзных деятелей... Чтобы быть более эффективными, забастовки должны проводиться в тот момент, когда предприниматели не готовы к ним; от них надо отказываться, даже когда рабочих провоцируют на это, если очевидно, что предприниматель ожидает забастовку; если же она началась, но стало ясно, что страдания будут большими, а шансы на успех невелики, забастовщикам следует приступить к работе и сохранить тем самым свои силы для новых действий в более благоприятный момент»³⁶.

Семь лет, проведенные в США, многому научили Конноли. Он приобрел большой опыт организационной работы, его взгляды стали более гибкими, он избавился от сектантских настроений. Частично встав на позиции анархо-синдикализма, Конноли не стал его последовательным приверженцем. Опыт классовой борьбы с неудержимой силой вскрывал несостоятельность анархо-синдикалистских воззрений. Позже, после своего возвращения в Ирландию, Конноли полностью отошел от них.

«Мои чувства принадлежат Ирландии»

Уезжая в США, Конноли не думал возвращаться в Ирландию. Когда в 1905 г. Джеймс узнал, что О'Брайен пытается восстановить ИСРП и ожидает его возвращения на родину, он написал Маллери, поддерживавшему контакты с ирландскими социалистами: «Именно к Ирландии обращаются все мои мысли, когда я мечтаю о будущем. Но я думаю, что никогда больше ее не увижу... Едва ли Ирландия и соответственно дело социализма в ней найдут кого-либо, кто будет служить им, бороться и страдать за них самоотверженнее, чем тот, кого они изгнали... Что касается заявления О'Брайена о моем возвращении, то я не знаю, откуда он это взял. Я никому об этом не говорил и не писал. С тобой я всегда был откровеннее, чем с другими, и ты знаешь, что я всегда рассматривал возвращение, как нечто лежащее

за пределами моих возможностей. Имея такую большую семью, не так-то просто совершать дальние переезды. Кроме того, я рассматриваю Ирландию, по крайней мере социалистическую часть Ирландии, за которую я болею всей душой, как страну, изгнавшую меня, и не собираюсь возвращаться как в конуру побитая собака»³⁷.

Тем не менее ностальгия давала о себе знать. По ночам снилась далекая родина. Конноли жадно расспрашивал о положении дел в ирландском социалистическом движении у приезжающих в США эмигрантов. В это время Джеймс написал песню «Зов Эрина», ставшую своеобразным гимном эмигрантов:

Гордую землю мы покидаем,
Слава не меркнет твоя.
Властно влечешь ты своими холмами,
Любимая наша земля,

Сердца наши зовом твоим полны,
И души горят огнем.
Родная Отчизна, родная страна,
Мы песнь о тебе поем.

Ты зовешь нас, ты зовешь
На Родине снова собраться.
Мы, твои дети, слышим призыв
Навеки с чужбиной расстаться.

Несите нас, волны, скорее вперед,
А ветры, дуйте сильней,
Пока пред глазами не встанет у нас
Зелень ирландских полей,
Пока не увидим твои города,
Славу твою и позор.
И вспыхнут от радости наши глаза,
Слезами заполнится взор*.

Тоска по родине стимулировала изыскания Конноли в области изучения истории Ирландии. Замысел написать книгу, которая, объединив «опыт прошлого и зрелую мысль настоящего», позволила бы раскрыть причины неудач освободительных движений, проследить традиции борьбы ирландского народа, связать их с современным положением страны, родился у Конноли еще в Дублине. В последних номерах газеты «Уоркерз рипаблик» были помещены выдержки из намечаемого труда. Однако время для углубленного изучения истории Ирландии Конноли нашел лишь в США.

* Здесь и далее перевод стихов сделан автором книги.

Выдающийся труд Дж. Конноли по истории ирландского рабочего и освободительного движения — «Рабочий класс в истории Ирландии» был опубликован в газете «Харп», издававшейся ирландскими эмигрантами. Заключительная часть этого исследования вышла в июне 1910 г. Оно явилось итогом многолетнего изучения Конноли ирландской истории.

В начале XX в., когда марксистское направление только зарождалось в исторической науке, Конноли выступил как крупный мыслитель, первым из ирландских марксистов применивший материалистический метод к изучению истории. Английская литература, посвященная этой стране, за редким исключением, представляла собой грубую фальсификацию ее истории, выдвигала лживую и тенденциозную версию о «цивилизаторской миссии» англичан в освоении «дикого острова». «Об ирландце, как его представляет эта английская литература,— писал Дж. Конноли,— можно сказать, что он родился со словами извинения на устах»³⁸. Ирландские буржуазные историки со своей стороны также «унижали (ирландца.— Х. З.) в его собственных глазах, превознося как достоинство ирландцев любое проявление низкопоклонства, порожденного рабским положением целого ряда поколений»³⁹.

Дж. Конноли подверг решительной критике концепции буржуазных фальсификаторов. Он подчеркивал: «Ирландская история писалась представителями господствующего класса и в интересах господствующего класса»⁴⁰.

Работая над своим трудом «Рабочий класс в истории Ирландии», Конноли использовал массу источников, подолгу просиживал в библиотеках, проявляя упорство настоящего научного работника. У. Бонн, один из редакторов «Интернэшнл соушеллист ревью», позднее вспоминал, что после весьма удачного выступления перед студентами одного из университетов в США Конноли вместе с ним (Бонн был в этом университете библиотекарем) направился в помещение библиотеки и, задумчиво глядя на пробежавших молодых людей, сказал: «Однажды я тоже ходил в университет...» «В самом деле?» — удивился Бонн, знавший биографию Конноли. «Да, я носил туда цемент». Однако, когда они дошли до библиотеки, пишет Бонн, и остановились у раздела, посвященного истории Ирландии, он был удивлен. «Этот носильщик цемента оглядел полки как профессиональный ученый. Его замечания об авторах и книгах, исторических личностях

были для меня весьма интересны... Он брал один том за другим, безошибочно открывал главу и находил страницу, чтобы процитировать то или иное место, относящееся к теме нашего разговора... Для меня, человека, который годами пытался научить студентов правильно пользоваться книгами, его мастерство было удивительным»⁴¹.

Опираясь на огромное количество материалов, в том числе на аграрную статистику, парламентские документы, обширную памфлетную литературу и многочисленные периодические издания, Конноли стремился показать «истинную сущность многих политических волнений» в истории Ирландии⁴².

Движущей силой исторического процесса Конноли считал классовую борьбу, а характер социальных отношений он выводил из экономического положения классов, из их места в системе производственных отношений. Именно с этой позиции Конноли рассматривал основные события ирландской истории, уделив особое внимание развитию классовых антагонизмов. В одной из первых глав своей работы он проанализировал события крестьянской войны 60—70-х годов XVIII в. под руководством тайных организаций («Дубовые ребята», «Стальные партии» и т. д.). Конноли отметил решимость имущих классов подавить народные выступления, забыв при этом о внутренних «разногласиях», прежде всего религиозных: «Об отношении правящего класса к этим бедным взбунтовавшимся рабам можно судить по двум случаям, служащим примером того, как объединялись между собой католические и протестантские собственники, стремясь закрепить несправедливость и удержать свои привилегии...»⁴³

Дж. Конноли знакомил читателя с ходом событий в Ирландии конца XVIII в., переживавшей тогда национальный и революционно-демократический подъем, с движением фениев (50—60-е годы XIX в.) и аграрной деятельностью Земельной лиги (70—80-е годы XIX в.). Он указал на то, что массовые народные движения были вызваны тяжелым социально-экономическим и национальным положением ирландских трудящихся.

На протяжении всей книги Конноли прослеживает революционные традиции в истории Ирландии, доказывает, что ее народу всегда были присущи революционные порывы. Конноли подробно остановился на деятельности известного ирландского социалиста-утописта Уильяма Томпсона, который, «не колеблясь, выступил против политического и социального угнетения рабочего класса как

худшего из общественных зол» и который «учил, что богатство правящего класса возникло в результате ограбления трудящихся». Конноли особо указывал на то, что, хотя У. Томпсон и верил в осуществление социализма при помощи кооперации, он был чужд иллюзий относительно содействия этому имущих классов. «Пока существует класс капиталистов, общество не может быть здоровым»⁴⁴, — цитировал Конноли У. Томпсона.

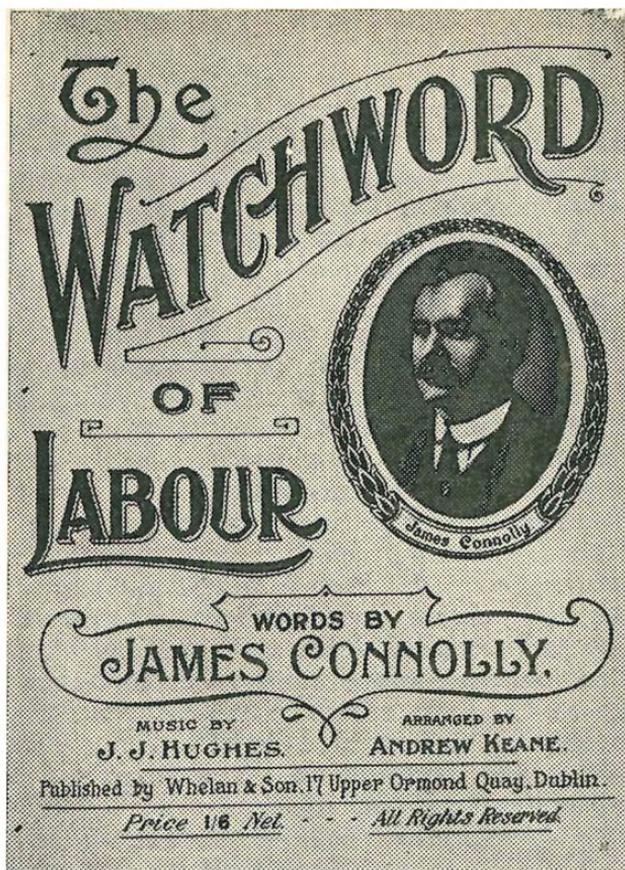
В своем труде «Рабочий класс в истории Ирландии» Конноли подробно проанализировал историю развития борьбы ирландского народа за свою независимость, неоднократно подчеркивая, что «ирландский вопрос — вопрос социальный, и вся многовековая борьба ирландского народа против своих угнетателей оказывается в конечном счете борьбой за обладание в Ирландии средствами к жизни и источниками производства»⁴⁵.

Применительно к текущему этапу развития национально-освободительной борьбы Конноли сформулировал положение о руководящей роли в ней рабочего класса: «...один лишь ирландский рабочий класс остается неподкупным продолжателем борьбы за свободу Ирландии». Залогом выполнения пролетариатом своих задач Конноли считал его единство в борьбе за независимость. «Гнет общей эксплуатации может превратить протестантских рабочих в пылких мятежников, а католиков — в ревностных защитников гражданской и религиозной свободы и объединить тех и других в единую социал-демократию»⁴⁶.

Появление крупного исследования по истории ирландского рабочего движения свидетельствовало о значительном росте теоретической зрелости Дж. Конноли как пролетарского мыслителя, пропагандиста социалистических идей.

В этот период многогранные способности Конноли проявились и в совершенно иной плоскости. Джеймс всегда любил поэзию, но чрезмерная загруженность организаторскими делами, политическая деятельность не оставляли времени заняться ею всерьез. Особенно ему нравился жанр патриотическо-революционной песни.

В 1907 г. в США была опубликована книга «Песни свободы» ирландских авторов с предисловием Конноли. Часть стихов была написана им самим. В предисловии говорилось, что ни одно революционное движение не является оформленным, если оно не нашло выражения в поэзии. «Если такое движение завладело умами масс, — указывалось в нем, — то они попытаются в песнях выразить стремления, страхи, надежды, любовь и ненависть,

Титульный лист сборника песен
на слова Конноли

возникающие в ходе борьбы. А пока у социалистического движения нет вдохновляющих и воодушевляющих революционных песен, в нем отсутствует и самая яркая черта массовых народных выступлений»⁴⁷. Конноли считал, что истинная поэзия должна служить революционной борьбе.

В сборник вошла, в частности, «Ребел сонг» («Песнь восставших»), написанная Конноли еще в 1903 г. в Шотландии. Она была положена на музыку молодым композитором Д. Крауфордом.

Наша армия идет
Смело на врага;
Глядят бойцы ее вперед,
Вера их сильна,

Но свободу лишь в борьбе
Обретут они,
Своей рукой навек сметут
Тиранов всей земли.

Находясь в США, Конноли остро ощущал недопонимание американскими социалистами дела национального освобождения Ирландии. Он сожалел, что социалисты в США слишком легко отмежевываются от ирландских рабочих, обвиняя их в «реакционности», мало уделяют внимания пропаганде в их среде идей социализма. Создание по инициативе Конноли в 1907 г. Ирландской социалистической федерации (ИСФ) вызвало протест со стороны некоторых американских социалистов, утверждавших, будто, «говоря на английском языке, ирландцы не нуждаются в федерации». Опровергая подобную точку зрения, Э. Флинн писала: «Нам же нужно было знамя, под которым можно было бы бороться»⁴⁸.

Первые митинги Федерации были бурными. Первоначально к ней недоверчиво отнеслась также некоторая часть ирландских эмигрантов, настроенных католическими священниками враждебно по отношению к социалистам. Ряд деятелей социалистического движения США выступил против того, чтобы ИСФ участвовала в первомайской демонстрации 1907 г. со своим флагом-знаменем, на котором был начертан крупными буквами гэльский лозунг «Прочь с дороги!», украшенный арфами и трилистниками — национальными эмблемами Ирландии.

Но «в конце концов,— писала Э. Флинн,— во многих местах нас признали. Наш товарищ, немец-кузнец, соорудил для Федерации прочную трибуну, которую нелегко было сдвинуть с места, а ее отвинчивающиеся металлические ножки... можно было использовать как дубинки (порой ими приходилось защищаться от полиции.— Х. З.). Все это способствовало установлению порядка на митингах и завоевало Федерации всеобщее уважение народа»⁴⁹.

В декларации о принципах Ирландской социалистической федерации, разработанной при прямом участии Конноли, подчеркивалось, что она создана для «помощи революционному движению рабочего класса Ирландии, распространения литературы». Развивая основную идею Конноли о достижении политического и социального освобождения народа, которой в свое время руководствовалась и ИСРП, декларация отмечала, что это «две стороны одного великого принципа и одна невозможна без другой»⁵⁰.

ИСФ, заявлялось в ее декларации, рассматривает себя как часть социалистического движения Ирландии, а ее члены являются ассоциированными членами социалистических организаций Ирландии.

Сообщение о создании ИСФ и предложение об ассоциированном членстве были посланы на адрес штаб-квартиры Социалистической партии Ирландии, сформировавшейся из остатков ИСРП. 13 февраля 1907 г. О'Брайен ответил, что СПИ принимает предложение об ассоциированном членстве и окажет содействие в публикации и распространении материалов ИСФ.

В ноябре 1909 г. в ИСФ вступил О'Донован Росс — личность легендарная в освободительной борьбе Ирландии. Фений, брошенный в тюрьму англичанами в 1865 г. и освобожденный в 1891 г. в результате многочисленных протестов, он уже 18 лет провел в изгнании в США. Однако это не сломило его мятежного духа, он продолжал гореть мечтой об освобождении родины.

Вскоре после образования ИСФ по инициативе Конноли начал выходить ее официальный орган — газета «Харп» («Арфа»). Конноли фактически был ее издателем, редактором и автором большинства статей одновременно. Номинально владельцем и издателем «Харп» был профессиональный печатник Д. Доннели, давний знакомый Конноли: 10 лет назад он опубликовал в США его работы, посвященные 100-летию юбилею восстания 1798 г. Маленькая печатная фирма, издававшая «Харп», находилась по адресу: Нью-Йорк, 749, Третья авеню, между 40-й и 47-й улицами. Недостаток средств нередко приводил к тому, что газета не выходила по несколько месяцев.

В первом выпуске «Харп» провозглашалось: «Мы хотим показать всем рабочим нашей борющейся нации, что, встав на сторону социализма, они не перестанут быть ирландцами, а, наоборот, станут лучшими борцами за ее свободу»⁵¹.

Газета «Харп» вызвала большой интерес и националистических кругов ирландской интеллигенции, живущей в США. Многие представители этих кругов охотно помещали свои материалы в «Харп». В этот период Конноли, несмотря на идейные расхождения, установил дружеские отношения со старым участником движения фениев Д. Девоем, редактором еженедельной газеты «Гэлик Америкэн» (орган националистической организации «Клан-на-гэл», которая была тесно связана с тайным обществом Ирландское республиканское братство (ИРБ)).

Эта связь позднее, в период подготовки восстания 1916 г., сыграла большую роль).

Орган ИСФ публиковал многочисленные статьи об американском и ирландском рабочем движении, давал ответы на важнейшие вопросы международной и внутриполитической жизни. Часто «Харп» помещала революционные стихи и песни Конноли.

Первые номера газеты продавались в Нью-Йорке самим Конноли и членами ИСФ. Зачастую у дверей зала Купер-юнион в Ист-Сайде, где ИСФ проводила свои митинги, можно было видеть Конноли с пачкой «Харп» в руках.

Влияние ИСФ постепенно росло. Ее отделения появились в других городах США, в частности в Чикаго и Бостоне. Газета «Харп» стала продаваться в Ирландии, ее выписывали даже ирландские эмигранты, живущие в Австралии и Аргентине. Тираж газеты в 1909 г. достиг 3 тыс. экземпляров по подписке.

Чем объяснялся рост популярности газеты? Во-первых, в ней публиковались главы труда Конноли «Рабочий класс в истории Ирландии», вызывавшие живой интерес современников-ирландцев. Во-вторых, «Харп» быстро откликалась на происходящие в Ирландии события. Так, например, в статье «Народные массы в истории Ирландии» Конноли с радостью приветствовал героические действия женщин, вставших в один ряд с мужчинами в борьбе против английских войск, посланных в Белфаст для подавления забастовки докеров.

На страницах «Харп» Конноли неоднократно обращался к сельским труженикам. В статье «Капитализм и ирландские мелкие фермеры» он разъяснял, что виновниками их разорения и нищеты являются крупные фермы и гигантские монополии, указывал на невозможность выхода из этого положения в рамках капиталистической системы.

Полемизируя с представителями правого крыла эмигрантов, не видевших возможностей для распространения идей социализма в Ирландии, Конноли писал в 1908 г.: «Социализм в Ирландии сейчас имеет силу как политическая, экономическая и литературная мысль»⁵². «Харп» сыграла большую роль в критике оппортунистических теорий, в пропаганде классовой борьбы, единства рабочего движения, выступала за сплочение всех рабочих независимо от их религиозной принадлежности.

В это время в Ирландии происходили важные события, которые все больше привлекали к себе внимание

Конноли. Активизировалась деятельность партии шинфейнеров, их лидер А. Гриффитс попытался даже выступить с позитивной программой решения ирландского вопроса. Более массовым и боевитым стало рабочее движение.

Большую роль в его подъеме сыграл Д. Ларкин, организовавший в январе 1909 г. Ирландский союз транспортных и неквалифицированных рабочих (ИСТНР), объединивший в своих рядах трудящихся католиков и протестантов.

Сложнее было положение в социалистическом движении. Остатки ИСРП, возглавляемой О'Брайеном, первоначально существовали в виде немногочисленной самостоятельной группы, тесно связанной с социалистами Шотландии. Затем часть ее присоединилась к возникшей в Шотландии Социалистической рабочей партии, другая откололась, основав Социалистическую партию Ирландии. Потом обе эти группы объединились в Ирландскую социалистическую партию, помимо которой действовало возникшее в 1907 г. отделение Независимой рабочей партии, а также ряд других мелких социалистических организаций.

Конноли лично знал многих лидеров национально-освободительного движения, набиравшего силу в Ирландии в тот период. Среди них были его прежние друзья. В середине 1908 г. Конноли начал серьезно подумывать о возвращении на родину. Годы пребывания в эмиграции смягчили горечь неудач. Он считал, что перед социалистическим движением Ирландии при условии выбора им правильной тактики открываются большие перспективы. В газете «Харп» в декабре 1908 г. Конноли писал о необходимости для социалистов «перестать быть пропагандистской ассоциацией и стать революционной армией»⁵³.

Отмечая отсутствие единства в социалистическом движении, Конноли говорил: «Сейчас проблема состоит в том, чтобы найти основу для союза, в рамках которого все те, кто придерживаются различных концепций социализма, могли бы объединиться... Этот союз или сближение не будут достигнуты, если мы начнем с обсуждения разногласий. Лучше выявить то, в чем мы согласны, и на этой основе сплотиться. Когда мы соберемся, то увидим, что различия у нас не так уж велики, как кажется... Прежде всего необходима простая платформа, вокруг которой можно было бы объединиться... Поскольку каждая часть социалистического движения полностью

уверена в правильности своей доктрины, то доказать это можно только в результате практических действий»⁵⁴.

Итак, Конноли предлагал социалистам, отбросив разногласия, объединить силы во имя главной цели — победы социализма в Ирландии. К этому совету присоединились социалисты Дублина. На состоявшейся 13 июня 1909 г. «конференции единства», на которой присутствовало около 150 делегатов, была достигнута договоренность о создании Социалистической партии Ирландии. В момент своего возникновения она насчитывала около 400 человек — больше, чем ИСРП в лучшие свои годы.

Другой весьма важной задачей Конноли считал заключение союза с шинфейнерами. Освободившись от сектантских ошибок молодости, он признал важность гибкой тактики. В статье «Шин фейн, социализм и нация» Конноли отметил, что в программе Шин фейна есть два аспекта: экономический, который социалисты не могут принять, ибо он «основан на капиталистическом понимании прогресса», и политический, в основе которого лежит идея борьбы за независимость, «вызывающая симпатию у социалистов». Но ведь ни программа социалистов, ни программа Шин фейна не могут быть осуществлены в зависимой Ирландии. Следовательно, логичным выходом из положения является заключение союза между ними в борьбе за независимость⁵⁵.

Это предложение Конноли, однако, оказалось пока труднореализуемым из-за разногласий между правым крылом партии шинфейнеров, выступающим за сближение с партией гомрулеров, и левым, решительно возражавшим против этого. Шинфейнеры на время замкнулись на своих внутрипартийных проблемах. Тогда Конноли выдвинул новое предложение о создании Ирландской лейбористской партии. Она должна была стать широкой организацией, которую поддержали бы профсоюзные объединения.

Хотя и эта идея пока тоже не нашла поддержки, Конноли все больше понимал, что его место в Ирландии. Ирландские социалисты также нуждались в нем, в его опыте, в его таланте организатора и вожака. Как писал один из участников встреч социалистов в Дублине, «имя Конноли, уехавшего в США, было всегда на устах присутствовавших... Он та направляющая сила, которая собирала всех вместе, хотя у них не было ни его задора, ни его огня...».

В начале 1910 г. Д. Ларкин и О'Брайен вступили с Конноли в переговоры о возможности его приезда с лек-

циями, надеясь, что он останется в Ирландии. Конноли был склонен принять их предложение, тем более что удалось преодолеть и материальные затруднения: в последний год своего пребывания в США он получил гонорары за ряд публикаций, к тому же ему регулярно платили 21 долл. в неделю как организатору СПА.

В январе 1910 г. было решено перевести редакцию газеты «Харп» в Ирландию, передав право печатать ее издателю газеты «Айриш нэйшн». Однако против этого решения запротестовал О'Брайен, написавший Конноли от имени ирландских социалистов, что они признают газету лишь в том случае, если ее редактором останется Конноли и его имя будет стоять на титульном листе. Сошлись на компромиссном варианте: редактором «Харп» должен был стать Ларкин, старшая дочь Конноли Нора будет представителем газеты в Нью-Йорке.

Перед отъездом Джеймс приехал попрощаться с семьей Элизабет Флинн. Она вспоминала: «Его звали обратно в Ирландию, и он был рад своему отъезду. Он говорил, что не жалеет ни о том, что приехал в Америку, ни о том, что уезжает отсюда»⁵⁶.

16 июля 1910 г. Конноли выехал из США и 26 июля ступил на землю родины.

По приезде Джеймс сразу же включился в работу по организации Социалистической партии Ирландии. Он выступал на митингах в Дублине, Корке и Белфасте, на некоторых его выступлениях присутствовало более 2 тыс. человек. После митинга Конноли и часть его слушателей направлялись в бар, где Джеймс, потягивая лимонад (спиртных напитков он не признавал), отвечал на вопросы. В Дублине он сосредоточил усилия на организации кампании за освобождение Ларкина (за выступление слишком резкой по адресу властей передовой статьей в газете «Харп» Ларкин оказался в тюрьме, а газета была запрещена). В Белфасте Конноли убеждал членов НРП в необходимости создания единой партии. В Корке он создал отделение СПИ.

Во многом благодаря активности Конноли уже в середине сентября удалось провести в Дублине конференцию СПИ, на которой был принят манифест новой партии и избран ее Национальный исполком во главе с национальным секретарем Ф. Райяном. Дж. Конноли стал национальным организатором.

Манифест партии, написанный при непосредственном участии Конноли, четко определял ее цели: завоевание независимости и установление социалистической респуб-

лики «на основе общественной собственности на средства производства и распределения богатства». Тактической задачей данного этапа в манифесте выдвигалась необходимость победы на выборах и взятия политической власти мирным путем. Тут же, однако, оговаривалось, что новая партия «свободна в выборе методов борьбы, которые зависят от изменения обстановки»⁵⁷. Это означало, что руководство СПИ, ориентирующееся на борьбу в условиях легального существования партии, не абсолютизировало парламентских методов действий.

После создания СПИ Конноли окончательно решил остаться в Ирландии. В октябре он вызвал свою семью из Америки. Как потом рассказывала Лилли, пассажиры на корабле были очень удивлены возвращением ирландцев на родину из США, шептались, что это, наверное, семья какого-нибудь миллионера. Поскольку денег на билеты для многочисленного семейства не хватило, Джеймсу пришлось залезть в долги. Но, как организатору СПИ, Конноли обещали платить 2 ф. ст. в неделю, а его старшие дочери стали достаточно взрослыми и могли работать. Была надежда, что нищета осталась позади.

Применяя тактику, испытанную еще в период существования ИСРП, новая партия пыталась захватить политическую инициативу в постановке актуальных вопросов. В декабре 1910 г. должны были состояться парламентские выборы. Не имея средств для оплаты расходов на избирательную кампанию, СПИ призвала поддерживать кандидатов-лейбористов. Но ей все же удалось поставить на повестку дня вопрос о распространении принятого для Англии закона о бесплатном обучении детей из нуждающихся семей на Ирландию. Эту инициативу поддержали организации, выступавшие за предоставление избирательных прав женщинам (суфражистское движение), и националисты, в частности организация «Дочери Эрина», возглавляемая М. Гонн.

В ходе избирательной кампании Конноли впервые встретился с Констанцией Маркевич. Аристократка по происхождению, урожденная Гор-Бутс, она вышла замуж за польского графа Маркевича. С юношеских лет Констанция увлекалась общественной деятельностью, сблизилась с интеллигентами-националистами Йетсом, Гриффитсом, стала активной шинфейнеркой. Она основала организацию ирландских бойскаутов «Фианна на Эйреанн». Вместе с мужем, художником, принимала участие в движении за возрождение национальной культу-

ры, особенно за возрождение театра. Определенное влияние на нее оказал труд Конноли «Рабочий класс в истории Ирландии», в одной из глав которого — «Активная утопия» — Конноли сослался на разного рода социальные эксперименты, в том числе и проводившиеся графиней (она пыталась организовать сельскую коммуны). Во время дублинской стачки 1913 г. Констанция активно помогала забастовщикам, а в ирландском восстании 1916 г. руководила отдельным отрядом.

Едва начав распространять свое влияние, СПИ столкнулась с серьезными трудностями. Ее неожиданно быстрый рост встревожил ирландскую реакцию. С нападениями на СПИ обрушилась церковь. Но роль ударной силы сыграла ультранационалистическая мелкобуржуазная организация «Древний орден гибернийцев», возглавлявшаяся Д. Девлином и быстро распространившая свое влияние на юге Ирландии. Приверженцы «Ордена» при попустительстве полиции срывали митинги социалистов, не останавливаясь перед физическим насилием. 7 марта 1911 г. Конноли, приехав на юг Ирландии, в Квинстаун, непосредственно столкнулся с «Орденом». Городские власти отказались предоставить Конноли зал для выступления, и митинг был назначен на открытом воздухе. Однако оказалось, что на нем присутствует больше сторонников Девлина, чем социалистов. Сперва речь Конноли прерывалась шумом, провокационными выкриками. Тем не менее Джеймс продолжал свое выступление. Тогда толпа, науськиваемая своим вожаком Хили, рванувшись вперед, смяла импровизированную трибуну, на которой стоял Конноли. Вместе с сопровождавшим его Д. Даулингом он оказался вынужденным бороться за свою жизнь. Прибывшие полицейские отеснили толпу хулиганов и доставили социалистов в гостиницу, вокруг которой вскоре вновь собрались бушующие «гибернийцы». Местные власти предложили Конноли покинуть город, но он повторил попытку провести митинг. На сей раз на нем присутствовали представители городских властей и 50 полицейских. Но ни те ни другие даже не сделали попытки унять сторонников «Ордена», повторивших свою атаку. Митинг был сорван.

Вернувшись в Дублин, Конноли обнаружил, что «Орден» и тут не оставляет в покое социалистов. В его отсутствие дублинское отделение СПИ даже обратилось к руководству «Ордена» с просьбой дать возможность спокойно проводить митинги. Конноли был возмущен таким проявлением малодушия. В газете «Форвард» он охарак-

теризовал «Орден» как «величайшее зло, возникшее в политической и социальной жизни Ирландии», как «организованное невежество, предоставившее себя в распоряжение злобных и нетерпимых врагов просвещения». Социалисты, по мнению Конноли, должны были не отступать перед этим злом, а стремиться раскрыть причины его возникновения, «распространения наподобие злокачественной опухоли по всей Ирландии», показать, «как удалось организовать невежественных пьяниц и тупиц под щитом религии; почему политическую борьбу на юге Ирландии можно проводить только на грани гражданской войны; почему каждый, кто выступает... против «Ордена», должен все время быть готовым защищать свою жизнь»⁵⁸.

Действия «Ордена» не только препятствовали росту влияния СПИ, но и наносили удар по замыслу Конноли, выношенному им еще в США,— союзу всех сил, заинтересованных в борьбе за независимую Ирландию. Именно это оказалось недостижимым.

Не удалось реализовать и идею Конноли о формировании в Ирландии единой политической партии рабочего класса. На очередной конференции ИКТ (СПИ на ней представлял Маккеун) было отклонено предложение СПИ об учреждении в Ирландии лейбористской партии и принято предложение лидера белфастского отделения НРП У. Уолкера об оказании поддержки уже существующей лейбористской партии Великобритании. Разъясняя сущность разногласий между СПИ и белфастским отделением НРП, Конноли писал: «НРП в Белфасте полагает, что социалистическое движение в Ирландии должно навечно остаться уплачивающей взносы органической частью социалистического движения Британии... В то же время СПИ считает, что отношения между социалистами Британии и Ирландии должны быть братскими, но не органическими, что они должны строиться на обмене литературой и ораторами, но не на попытках рассматривать как единый народ два народа, из которых один 700 лет подвергается жесточайшему гнету... Социалистическая партия Ирландии рассматривает себя как единственную интернационалистскую партию Ирландии, поскольку ее концепция интернационализма подразумевает создание свободной федерации обоих свободных народов, в то время как позицию белфастского отделения НРП едва ли можно отличить от империалистической, ибо она — за поглощение поработанного народа в политической системе завоевателя»⁵⁹.

В результате всех этих событий уже через год после возвращения на родину Конноли вновь оказался в затруднительном положении. Ему не удалось добиться создания единой социалистической партии, достичь объединения всех поборников национального объединения страны. Влияние СПИ стало заметно падать. Партия не имела средств ни на издание собственной газеты, ни на выплату 2 ф. ст. в неделю своему организатору.

В этих условиях Джеймс переехал в Белфаст. Перед отъездом Конноли принял участие в грандиозном митинге, который состоялся 22 июня 1911 г., в день коронации короля Георга V. На митинге собралось свыше 30 тыс. человек. Люди заполнили площадь Бересфорд-плэйс, прилегающие улицы. Среди выступавших ораторов были О'Ралли, Макбрайд, Маккартан, член парламента Л. Джинелл, О'Сулливан, приехавший из Нью-Йорка, К. Маркевич, А. Гриффитс, другие лидеры националистов. Их речи слышали не все, но два слова доносились до слуха каждого: «республика» и «восстание». В первых рядах присутствовавших на митинге был молодой Э. де Валера, будущий президент Ирландской республики, который, по его воспоминаниям, тогда впервые услышал, как идея создания республики отстаивается публично⁶⁰.

Последней политической акцией Конноли в Дублине было написание манифеста по поводу коронации Георга V, за распространение которого власти подвергли ряд членов СПИ тюремному заключению.

Глава III

В АВАНГАРДЕ КЛАССОВЫХ БИТВ

В цитадели оранжизма

Белфаст в отличие от тихого, неторопливого Дублина был шумным и деловым промышленным городом. Он вырос и окреп на гребне промышленного переворота. Будучи в середине XVIII в. небольшим провинциальным городком, к 60-м годам XIX в. он превратился в центр высокоразвитого индустриального Ольстера. На 32 фабриках Белфаста, производивших полотняные изделия, было занято 34 тыс. рабочих. Интенсив-

по развивались машиностроение и металлообработка. Ольстерское судостроение превращалось в ведущую промышленную отрасль. Известная ольстерская судостроительная фирма «Харланд энд Вульф» к началу XX в. выпустила 40 океанских лайнеров, тогда как все остальные судостроительные фирмы Европы и Америки — 60. Эта фирма, выполнявшая заказы крупнейших английских мореходных компаний, построила такие известные гигантские океанские лайнеры, как «Олимпик», «Титаник», «Келтик» и др.

Бурное развитие промышленности стимулировало приток сюда квалифицированной рабочей силы из Шотландии, Уэльса и самой Англии.

Переехав в Белфаст, семья Конноли вновь оказалась в крайне затрудненном материальном положении. Джеймс не мог нигде найти работу: его репутация социалиста отпугивала всех работодателей. СПИ оказалась не в состоянии поддерживать своего организатора. Конноли залез в долги, с раздражением он писал в Дублин О'Брайену: «У миссис Конноли складывается впечатление, что наши дублинские товарищи решили уморить нас голодом... уже три дня она в Белфасте, незнакомом городе, не имея ни пенни для покупки еды»¹. Несколько спасло положение то, что Нора Конноли устроилась на работу на текстильную фабрику. Но ее более чем скромной зарплаты не хватало на пропитание семьи. На помощь Конноли пришел Ларкин — Джеймс стал руководителем белфастского отделения ИСТНР — Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих, основанного Ларкином в 1909 г. Отделение насчитывало до 800 членов, из них 90% — католики².

Наряду с организаторской деятельностью Конноли продолжал уделять большое внимание и теоретическим исследованиям. Он приступил к работе над книгой «Отвоевание Ирландии», опубликованной в 1914 г. Эта работа явилась крупным марксистским исследованием, в котором впервые в ирландской исторической науке раскрыта сущность ольстерских кризисов и указаны пути решения североирландской проблемы. Яркий и талантливый публицист, Конноли увлеченно, с принципиально классовых позиций показал важность проблемы Ольстера для перспектив освободительного движения Ирландии в целом. Книга актуальна и по сей день.

Конноли прослеживает историю порабощения Ирландии господствующими классами Британии с того периода, когда основной поток завоевателей устремился на северо-восток острова, получивший название Ольстер. Их

манила «земля обетованная» с ее прекрасными пахотными угодьями, сочными пастбищами и лугами, удобными гаванями, расположенными вблизи от важнейших экономических и портовых центров Англии. Изгнанный или переселенный в неплодородные горные районы, ирландец лишь «оттуда мог затуманенными от слез глазами смотреть вниз на плодородные равнины своих отцов, заняты которые вновь он уже не мог надеяться даже из милости»³.

Правящие круги Великобритании, стремясь упрочить свое господство над Ирландией, поощряли эмиграцию главным образом крестьян и ремесленников из Шотландии и Англии. Командные же позиции в экономической и политической жизни заняли английские дворяне, крупные торговцы, чиновничество, офицерство.

В отличие от остальной Ирландии, где колонизация носила очаговый характер, Ольстер подвергся широкому «нашествию» переселенцев. Именно поэтому он стал главным центром народного сопротивления угнетателям на рубеже XVI—XVII вв. Завоеватели жестоко расправлялись с повстанцами, не останавливаясь перед физическим истреблением коренного ирландского населения. Конфискованные земли, ранее принадлежавшие ирландским кланам Ольстера, были переданы новым хозяевам — английским помещикам (лендлордам). В результате жестокой, бесчеловечной политики колонизаторов коренное население было низведено до положения национального меньшинства.

Особые исторические условия завоевания и колонизации Ирландии, в том числе и Ольстера, наложили своеобразный отпечаток на социально-политические и тесно связанные с ними религиозные отношения. Завоеватели, англо-шотландские протестанты, стали полновластными хозяевами в стране, обладателями всех жизненных благ. Побежденные же, ирландцы-католики, превратились в обездоленных, лишенных всех политических и гражданских прав людей: они практически не могли владеть землей, им запрещалось участвовать в политической жизни, создавать свои школы, следовать национальным традициям, свободно исповедовать свою религию и т. д. «...За голову школьного учителя, — писал Конноли, — была установлена награда; за ним охотились так же рьяно, как за волком и священником»⁴. Католических священников травили собаками, как диких зверей. В этих условиях католическая вера стала символом протеста побежденных, знаменем национально-освободительной борьбы.

«С другой стороны,— писал Конноли,— простой протестантский солдат или колонист, теперь, когда нужда в его мече миновала, оказался на землях католиков, но лишь в качестве зависимого арендатора. Вся собственность провинции находилась... в руках или компаний лондонских купцов, снабжавших всем необходимым английские армии, или же в руках алчных аристократов и жадных юристов, которые в то время, когда этот солдат сражался, замыслили всякого рода интриги»⁵.

Буржуазно-дворянская верхушка Ольстера и английские правящие классы, стремясь обеспечить себе надежный тыл в лице протестантских трудящихся масс и предотвратить возможность союза их с обездоленным католическим населением, сознательно разжигали национальную рознь, религиозный фанатизм и нетерпимость. Создалась ситуация, при которой католик, «лишенный собственности силой», и протестант, «лишенный ее обманом», ненавидели и проклинали друг друга⁶, писал позднее Конноли. Это было следствием умелой политики, которую правящие классы отшлифовывали веками. Она и сейчас имеет достойных продолжателей в Великобритании, использующих те же средства для удержания контроля над Ольстером.

Джеймс Конноли решительно выступил против апологетов британского колониализма, рассуждающих о наличии исконной вражды между протестантами и католиками, убедительно доказал, что под религиозной оболочкой конфликтов кроются конкретные классовые интересы.

Конноли был глубоко убежден в том, что проблема преодоления религиозной розни и достижения единства всех демократических сил является актуальнейшей, от ее решения зависит успех будущей борьбы. Еще в своем труде «Рабочий класс в истории Ирландии» Конноли пытался проследить революционные тенденции в освободительной борьбе ирландского народа. Он показал, что проблема достижения классовой солидарности волновала не одно поколение борцов за освобождение Ирландии. Особенно высоко Конноли ценил национального героя Ирландии, революционера-демократа Теобальда Уолфа Тона, руководителя восстания Объединенных ирландцев в 1798 г. У. Тон и многие другие его соратники были протестантами. Вместе с католиками с оружием в руках они выступили против власти метрополии, за установление в Ирландии демократической республики. Конноли восхищался политической мудростью своего любимого героя, который считал, что «уже само сопротивление на-

родной воле будет способствовать созданию более тесного и длительного союза демократии независимо от религии»⁷.

Развитие капитализма в городе и деревне, сопровождавшееся неумолимой классовой дифференциацией, действовало объединению всех неимущих слоев, невзирая на религиозные убеждения. Народные восстания середины XVIII — начала XIX в. ярко это продемонстрировали. Конноли приветствовал в своей книге первые ростки единения трудящихся: «Протестантский рабочий и арендатор научился понимать, что папа римский представляет собой весьма нереальную и призрачную опасность по сравнению с социальной властью его работодателя или лендлорда, а у католического арендатора пробудилось сознание того, что при новом социальном строе католический лендлорд олицетворяет не столько католическую мессу, сколько земельную ренту. Времена благоприятствовали объединению двух демократий Ирландии. Они двигались издалека, через долины разочарований и обманутых надежд, чтобы встретиться наконец у моря общего страдания»⁸.

Но инерция национальной разобщенности с ее социальной подоплекой и грубым религиозным фанатизмом, постоянно подогреваемым пропагандистской машиной правящих классов, была еще очень велика. Борьба с ней предстояла трудная и упорная. И Конноли, полный сил и энергии, был готов к ней.

Условия работы в Белфасте были весьма специфичны. Здесь сложились собственные кадры промышленного пролетариата, который подвергался самым чудовищным формам капиталистической эксплуатации. «Потогонная» система на фабриках, выкачивающая у рабочего все силы, грубое обращение мастеров и даже рукоприкладство, работа в душных помещениях, в пыли, отсутствие всякой охраны труда, ведущее к постоянному существованию армии раненых и искалеченных в результате несчастных случаев, безутешному горю вдов и сирот, «вынужденных есть хлеб бедности и нищенства»⁹, — все эти «прелести» капитализма определяли жизнь рабочего Белфаста. Самой жестокой эксплуатации подвергался женский и детский труд, а также труд домашней прислуги и чернорабочих (чаще всего католиков). Женщины-работницы получали крайне низкую заработную плату, рабочий день их всецело определялся произволом хозяина. О детском труде Конноли писал, что он «демонстрирует абсурдность капиталистической системы, идиотскую

расточительность, с которой она расходует человеческие возможности; интеллект и сила мужчин растрачиваются впустую из-за нехватки работы, тогда как детей преждевременной работой лишают возможности полностью развить свой ум и тело»¹⁰. «...В этой части Ирландии ребенок стареет прежде, чем узнает, что значит быть молодым»¹¹, — с горечью констатировал Конноли.

Все это становилось причиной заболевания тифом и особенно туберкулезом, чаще всего среди женщин-работниц прядильно-ткацкого производства. Конноли писал об условиях их труда и жизни: «Представьте себе прядильню, где так душно и сыро, что все девушки и женщины вынуждены работать босиком, в расстегнутой на груди одежде и с голыми руками, с туго завязанными волосами, чтобы предотвратить раздражение кожи, ставшей из-за пота и жары легкораздражимой и чувствительной; представьте удушающую атмосферу, в которой за несколько месяцев пропадает краска на щеках самого румяного подростка и все становятся одинаково смертельно бледными; представьте, что все окна там закрыты и открываются только на несколько минут, когда ожидается приход фабричного инспектора, и закрываются немедленно после его ухода... представьте себе этих бедных рабынь в обеденное время, когда они хватают свои шали и бегут под дождем или в мороз, чтобы схватить несколько кусочков плохо приготовленной и малопитательной пищи...»¹² По данным белфастских фабричных инспекторов, 17 лет работы на фабрике убивали чесальщика.

Эксплуатация, невыносимые социально-экономические условия жизни рабочего класса создавали благоприятные возможности для развертывания классовой борьбы. Однако росту самосознания трудящихся мешал ряд факторов.

Бурное индустриальное развитие Ольстера позволило местной буржуазии часть своих сверхприбылей выделить для подкупа верхушки рабочего класса, через которую она осуществляла разлагающее воздействие на белфастский пролетариат. Рабочая аристократия состояла в основном из протестантских слоев трудящихся. Это были рабочие высокооплачиваемых профессий, требующих специальной подготовки: судостроители, машиностроители, электрики, столяры и т. д. На судоверфях и в машиностроении квалифицированный рабочий получал в среднем 2—2,5 ф. ст. в неделю, в то время как чернорабочие (чаще всего католики) — 12—15 шилл. Наличие к концу XIX — началу XX в. довольно широкого слоя рабочей

аристократии — до 20 тыс. человек — значительно снижало накал революционной активности белфастского пролетариата¹³.

Кроме того, юнионистская партия, возникшая в Ольстере еще в 1885 г., довольно активно развернула свою деятельность, направленную на сохранение унии между Великобританией и Ирландией (название партии происходит от английского слова «union» — союз). Ольстерские юнионисты с особым рвением противодействовали любым попыткам предоставить Ирландии самоуправление. Их лидер в парламенте Эдвард Карсон, в прошлом известный дублинский адвокат, хорошо владевший ораторским искусством, упорно доказывал необходимость сопротивления введению гомруля в интересах «защиты империи» и «прав собственности и личности».

Ольстерские юнионисты, безусловно, не хотели жертвовать «имперскими преимуществами», основанными на колониальном грабеже остальной части ирландского населения. Стремясь помешать развитию классовой солидарности, они довольно гибко играли на религиозных чувствах трудящихся, раздувая среди них религиозную рознь. В связи с этим Конноли писал: «Белфаст отличается искусное использование господствующим классом религиозных призывов, неэффективных в любом другом месте, но здесь еще способных ослабить рабочий класс и ограничить его действия...»¹⁴

Важнейшей опорой реакции стал «Орден оранжистов», названный так в честь Вильгельма III Оранского, вступление на королевский престол которого в 1688 г. вызвало новую волну травли местного католического населения. «Орден оранжистов», созданный в 1793 г., — полуполитическая, полурелигиозная организация, имеющая громадное влияние и в наше время. Во главе оранжистских лож стояли представители крупной буржуазии и земельной аристократии. Орден проповедовал идеи религиозной нетерпимости, враждебное отношение к католикам. Трудящимся-протестантам внушали мысль о том, что католики являются их потенциальными конкурентами на рынке труда, подрывающими их уровень жизни и способствующими возникновению безработицы.

Создав себе массовую базу из числа протестантских трудящихся (рабочих, фермеров, батраков, отравленных религиозным фанатизмом), эта организация стремилась отвлечь их от борьбы за свои классовые интересы, проповедовала идеи «классового мира» с предпринимателями.

«Орден оранжистов», затуманивая сознание протестантских масс легендами о превосходстве протестантов над католиками, о необходимости борьбы «за протестантскую веру и собственность» с «папистами» в условиях численно превосходящих сил врагов, формировал политическую армию для подавления национально-освободительной и классовой борьбы.

Основная масса белфастского пролетариата не была организована, а больше половины организованных рабочих являлись членами британских тред-юнионов. Крупнейший ольстерский профцентр — Совет тред-юнионов Белфаста — состоял преимущественно из высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих, которые враждебно относились к своим собратьям из ИСТНР, пренебрегали специфически национальными требованиями ирландского пролетариата. Так, секретарь Совета тред-юнионов Белфаста и руководитель местного отделения Независимой рабочей партии У. Уолкер писал: «Создание ирландского парламента будет шагом назад, поскольку он не принесет тех выгод в социальном и политическом плане, которые могут быть получены от британского парламента». Будучи ярким юнионистом в политике, Уолкер выступал против независимости ирландского рабочего движения. Ложно трактуя интернационализм, он заявлял: «Я говорю на том же самом языке, что и англичане, читаю ту же литературу, меня угнетает тот же самый финансовый капитал, и, с моей точки зрения, только единое наступление (рабочего класса.— Х. З.), безотносительно к географическим факторам, может обеспечить Ирландии равную степень социального прогресса»¹⁵. Подобная позиция на деле способствовала росту шовинизма и джингоизма среди значительной части протестантских трудящихся, а также сеяла социал-реформистские иллюзии у белфастского пролетариата.

Почему Ольстер, в частности его столица Белфаст, стал оплотом реакции, почему рабочее движение оказалось безоружным перед мракобесием и религиозным фанатизмом, насаждаемыми господствующими классами? Эти вопросы глубоко волновали Дж. Конноли. Он неоднократно поднимал их в ряде статей, опубликованных в газете «Форвард» — органе британских социалистов, — издававшейся в Глазго.

Конноли отмечал, что Ольстер по степени экономического развития превосходит остальную Ирландию, в нем особенно велика концентрация промышленного пролетариата, и, хотя уровень его жизни ниже, чем в Англии, он

выше, чем в остальной Ирландии. Это, казалось бы, писал Конноли, должно было означать и более высокий уровень классового самосознания, но на деле все обстоит далеко не так.

Главной задачей Конноли считал преодоление разрозненности рабочего движения, сплочение его рядов в борьбе за понятные и близкие трудящимся, как католикам, так и протестантам, экономические требования. Каждая победа в этой сфере, полагал Конноли, «помогает укрепить веру рабочего в себя. Каждый раз, когда рабочий одерживает верх в борьбе за более справедливые условия, он делает новый шаг к пониманию более высокой материи, например сущности власти»¹⁶.

На страницах «Айриш уоркер», органа ИСТНР, тираж которой в 1911 г. поднялся с 26 до 96 тыс. экземпляров, Конноли призывал к солидарности и единству всех рабочих. «Религиозная рознь в наших рядах,— писал он,— недопустима. Меня не интересует, в какую церковь ходит человек, но меня интересует, где он получает заработную плату в субботу вечером. Для меня важно, чтобы за ним признавались человеческие права и чтобы он участвовал в общей борьбе»¹⁷.

Оснований для развертывания борьбы было более чем достаточно. Докеры Белфаста, составлявшие основной костяк профсоюза, руководителем которого стал Конноли, получали в четыре раза меньшую зарплату, чем рабочие той же профессии в Великобритании. Охрана труда практически отсутствовала, и несчастные случаи были повседневным явлением. За малейшее нарушение правил полагался штраф. При такой интенсивности труда самый выносливый докер не мог работать подряд более трех дней.

Конноли начал вести агитацию в пользу забастовки. Он выступал перед рабочими во время обеденных перерывов, организовал оркестр из рабочих католиков и протестантов. С оркестром устраивались шествия по Белфасту, в ходе которых в забастовочный фонд профсоюза собирались средства.

ИСТНР выдвинул требования повышения зарплаты, снижения темпов работы и сокращения рабочего дня. Совет тред-юнионов Белфаста выразил свою поддержку профсоюзу, пригласив его присоединиться к совету.

Забастовку солидарности начали докеры Ливерпуля. Предприниматели пошли на уступки, предложив небольшое увеличение зарплаты на 3 шилл. в неделю. Конноли настоял на принятии этого предложения, так как проф-

союз не был готов к длительной борьбе. Хотя докеры Белфаста оставались самыми низкооплачиваемыми в Соединенном Королевстве, моральное значение победы было велико. В ноябре профсоюзу удалось добиться, применив лишь угрозу забастовки, еще некоторого повышения заработной платы.

Активность Конноли вскоре стала причиной его конфликта с частью членов Совета тред-юнионов Белфаста, возглавляемого У. Уолкером. Линия последнего заключалась в объединении наиболее высокооплачиваемых и квалифицированных рабочих-протестантов, в то время как другие категории трудящихся почти не были охвачены профсоюзными организациями. Так, в текстильной промышленности было 18 тыс. неорганизованных рабочих, практически абсолютное большинство.

В октябре 1911 г. рабочие-текстильщицы, решившие провести забастовку, обратились за помощью к Конноли, который успел приобрести большой авторитет у трудящихся Белфаста. Желая им помочь, он применил ту же тактику, что и при забастовке докеров: провел несколько подготовительных митингов, организовал сбор средств в стачечный фонд, вполне достаточный, чтобы выплачивать каждому бастующему 2 шилл. в неделю. Все это было сделано вопреки рекомендациям Совета тред-юнионов Белфаста.

Забастовка началась с выдвижения требования о повышении зарплат и отмене жестких правил, регламентирующих каждую минуту рабочего дня. В ней приняло участие около 1 тыс. текстильщиц. Поскольку предприниматели категорически отказались выполнить требования бастующих, Конноли предложил перейти к другим тактическим приемам: воспользоваться преимуществами рабочей солидарности. По его совету бастующие вернулись на работу, но вели себя так, будто никаких правил не существовало. «Если одна из девушек, — советовал им Конноли, — получила замечание за то, что она поет, пусть запоет весь цех; если получено замечание за смех, пусть засмеются все; если кто-то выгнан, пусть все кладут свои инструменты и уходят, но не поодиночке, как раньше, а все вместе. Затем собирайтесь за воротами и идите с песнями»¹⁸. Предложение Конноли было осуществлено и возымело действие — система правил и штрафов за их нарушение была отменена. Вскоре была официально учреждена и профсоюзная организация текстильщиц, которая выдвинула Конноли в Совет тред-юнионов Белфаста.

За полгода пребывания в Белфасте Конноли завоевал такую популярность, что его позиции поколебать было уже невозможно. Сила его заключалась не только в том, что он был талантливым и умелым организатором. Он безошибочно определял, каких уступок можно добиться от предпринимателей, а каких нет, всегда умел найти компромиссное решение. В итоге ни одна из возглавлявшихся им забастовок пока не потерпела поражение.

Политическое чутье и организаторские способности Конноли особенно проявились в начале 1912 г. и были связаны с событиями в Ваксфорде. Здесь рабочие металлургических предприятий объявили о создании своего профсоюза — отделения ИСТНР, на что предприниматели ответили закрытием заводов. Забастовки солидарности на других предприятиях Ваксфорда были встречены локаутом. В столкновениях с полицией один из бастующих был убит, что резко накалило страсти. П. Дали, прибывший из Дублина, начал организовывать «рабочую милицию». Средства в фонд помощи рабочим стали поступать даже от шинфейнеров, лидеры которых первоначально отнеслись к забастовке отрицательно. Тогда федерация предпринимателей прибегла к крайнему средству — найму штрейкбрехеров, заявив при этом, что она готова принять на работу любого, кто не является членом ИСТНР. Ввиду того что Дали был арестован за «подстрекательство к мятежу», рабочие оказались без лидера. В это время Конноли и прибыл в Ваксфорд. Он предложил компромиссное решение, принятое после серии переговоров между предпринимателями и рабочими, — профсоюз учреждался, но под другим названием; рабочие приступают к работе при условии немедленного вывода штрейкбрехеров. Затем, прибегнув к помощи членов парламента, Конноли добился освобождения Дали, которому пришлось дать обязательство «добропорядочного поведения» в Ваксфорде, откуда он был отпущен в Дублин.

В начале 1912 г. в центре внимания Джеймса Конноли вновь оказались политические вопросы. Британский парламент после долгих проволочек и оттяжек начал обсуждение закона о гомруле. Поскольку существовали серьезные шансы на его принятие, это могло резко изменить обстановку в Ирландии.

Хотя Конноли всегда был непримиримым врагом гомруля и партии гомрулеров, являясь ярым сторонником идеи создания независимой Ирландской республики, в сложившихся конкретных условиях, когда одобрение за-

кона о гомруле правящими кругами Великобритании стало почти реальностью, он пересмотрел свои тактические установки в отношении ближайших задач борьбы. Конноли пришел к выводу, что введение закона о гомруле Ирландии будет предпочтительнее, чем нынешнее полностью зависимое положение, создаст благоприятные предпосылки для развертывания борьбы за полное национальное освобождение страны. По оценке Конноли, принятие закона о гомруле, несмотря на его явные недостатки, способствовало бы «подъему Ирландии до уровня цивилизованных самоуправляющихся наций; отношения между протестантами и католиками начали бы смягчаться и улучшаться... Отмена привилегированного положения протестантов со временем духовно сблизила бы братьев и сестер разных вероисповеданий»¹⁹.

Конноли выступил с предложением организации политической партии, отстаивавшей интересы трудящихся в парламенте Ирландии, создание которого предполагалось по закону о гомруле. Это предложение было продиктовано необходимостью образования широкой общенациональной организации рабочего класса в условиях подъема национально-освободительного движения и актуальнейшей задачей выработки особой политической программы для ирландских трудящихся.

В апреле 1912 г. по инициативе Конноли состоялась встреча представителей отделений СПИ Белфаста, Дублина и Корка, четырех (из пяти) отделений НРП Белфаста и белфастского отделения Британской социалистической партии (ранее она называлась социал-демократической федерацией). Было решено создать Независимую рабочую партию Ирландии (позднее она вновь стала называться Социалистической партией Ирландии), а также выработать программу новой партии.

Партия определила себя как «политическое оружие ирландского рабочего класса». Программа, разработанная Конноли, ставила целью создание «индустриального содружества, основанного на общественной собственности на средства производства, распределения и обмена...». В политическом плане предусматривалось установление контроля над всеми выборными органами и получение большинства в них, в экономическом — достижение единства действий в индустриальной сфере как шаг к завоеванию «индустриальной власти». Партия была открыта для всех мужчин и женщин, «независимо от их предыдущих политических убеждений»²⁰.

Таким образом, в этой программе Конноли соединил

традиционные для социал-демократии того времени положения с элементами анархо-синдикализма.

Как уже отмечалось, частично и временно восприняв некоторые элементы анархо-синдикализма, Дж. Конноли не стал его последовательным и постоянным приверженцем. Опыт классовой борьбы вскрывал несостоятельность и вред анархо-синдикалистских воззрений. По возвращении в Ирландию Дж. Конноли сделал следующий шаг к преодолению анархо-синдикалистских заблуждений. Если ирландские революционные синдикалисты, ведущей фигурой среди которых был Д. Ларкин, рассматривали политические акции и даже организацию рабочих в политическую партию как вспомогательные средства для победы в индустриальной сфере, то Дж. Конноли в этот период своей деятельности уже исходил из другого положения. Он считал, что экономическая борьба повышает уровень классового сознания рабочих и приводит их к пониманию необходимости политической борьбы. Он еще использует термин «синдикализм», но дает ему своеобразное толкование. В письме Э. Линчу от 23 мая 1912 г. Дж. Конноли пишет: «Синдикализм — это просто открытие, что рабочий класс могуч в сфере производства, что у него нет иной силы, кроме экономической, и что, если связать революционное движение с повседневной борьбой на рабочих местах, это выльется в огромную политическую силу. Такая революционная организация создает основу социалистической республики...»²¹.

Достижение национальной независимости, а также признание руководящей роли партии рабочего класса в борьбе за осуществление социалистических идеалов противоречили догмам анархо-синдикализма, несостоятельность которых Дж. Конноли понял, постепенно преодолел и отбросил.

Накануне принятия закона о гомруле задача достижения национальной независимости в программе СПИ не ставилась; указывалось лишь на необходимость «единства всех рабочих против всех эксплуататоров».

В это же время Конноли предложил создать Ирландскую лейбористскую партию, которая по образцу британской будет опираться на поддержку тред-юнионов. Инициативу Конноли горячо поддержали Ларкин, О'Брайен, Д. Доулинс, Д. Кэмпбэл и Т. Джонсон. Ирландская лейбористская партия по замыслу Конноли должна была вести в будущем парламенте Ирландии борьбу за удовлетворение текущих требований рабочих: установление 8-часового рабочего дня, отмену сверхурочных работ,

назначение пенсий вдовам погибших при несчастных случаях за счет предпринимателей и т. д. В качестве первого шага был создан парламентский комитет, на базе которого в дальнейшем и возникла Лейбористская партия Ирландии.

Предложение о введении гомруля и обсуждение соответствующего закона в палате общин в апреле 1912 г. всколыхнули ольстерскую протестантскую реакцию. Кампанию против самоопределения возглавил лидер северо-ирландской реакции Э. Карсон, который призвал юнионистов в случае введения гомруля взять власть в Ольстере в свои руки. Началась подготовка к провозглашению временного правительства, т. е. к отрыву от Ирландии ее северной части. Осенью 1913 г. было создано правительство Ольстера в составе 77 членов. В него вошли крупнейшие землевладельцы, бизнесмены и оранжистские политики во главе с Карсоном.

Массовый характер приняло движение юнионистов в пользу подписания ковенанта, т. е. документа, в котором содержалось обязательство жителей Ольстера нанести поражение введению гомруля любыми средствами. Ковенант подписало 0,5 млн. протестантов Ольстера, причем этой акции была придана религиозная окраска.

Протестантские экстремисты, возглавляемые Карсоном, при попустительстве полицейских властей развернули антикатолическую кампанию, сопровождавшуюся откровенными актами насилия. Нагнетанию напряженности способствовали и католические экстремисты: члены «Ордена гибернийцев» совершили нападение на протестантскую школу, чем сыграли на руку ольстерской реакции. Были сформированы военизированные отряды «Ольстерских волонтеров». Дух нетерпимости распространился и на часть рабочего класса. На судостроительных предприятиях «Харланд энд Вульф» и других оранжисты совместно с рабочими-протестантами организовывали нападения на рабочих-католиков, вынуждая их тем самым не выходить на работу. Те, кто пытался протестовать, избивались до полусмерти. Полиция следила лишь за тем, чтобы не применялось огнестрельное оружие.

В этих условиях работа большинства предприятий была парализована. Предприниматели организовали массовые увольнения рабочих-католиков, вновь принимая лишь нечленов профсоюза.

Социалисты Белфаста не имели возможности противостоять волне шовинизма и насилия, поднявшейся при явном покровительстве властей. ИСТНР оставался един-

ственным профсоюзом, не затронутым бурей страстей. Вопреки усилиям реакции Конноли продолжал выступать на митингах, организовывать марши членов профсоюза на улицах Белфаста. Осенью 1912 г. Конноли (это было большой смелостью с его стороны) согласился на выдвижение своей кандидатуры на муниципальных выборах. Его поддержал Совет тред-юнионов Белфаста и социалисты. Программа Конноли предусматривала меры по улучшению медицинского обслуживания, школьного образования, введение прямого найма рабочих городскими властями. В предвыборном манифесте он подчеркивал свою приверженность социалистической, независимой Ирландии.

Несмотря на явную бесперспективность проведения кампании в протестантских кварталах, постоянные угрозы и нападки на социалистов со стороны «Ордена гибернийцев», в католических кварталах Конноли получил довольно много голосов — 905, в то время как его противник — юнионист — 1523²³.

Период с конца 1912 по осень 1913 г. был временем относительного затишья в Ирландии, но то было затишье перед бурей. Палата лордов британского парламента отклонила билль о гомруле: чтобы он стал законом, он должен был получить одобрение еще на двух повторных слушаниях в палате общин, которые, однако, не могли быть проведены раньше чем через год. Лидер ольстерских «ультра» Карсон продолжал вести кампанию по исключению Ольстера из зоны действия закона о гомруле. Юнионисты использовали передышку фактически для подготовки к гражданской войне. Они приступили к созданию ольстерской добровольческой армии, численность которой вскоре достигла 100 тыс. человек. Командовал ею английский генерал Джордж Ричардсон. Протестантская армия вербовалась из юнионистов в возрасте от 17 до 65 лет.

В это время Конноли много сил отдавал налаживанию профсоюзной деятельности. По его инициативе в белфастском отделении была создана секция текстильщиц. Так возник ирландский профсоюз текстильной промышленности, объединивший 8 тыс. человек. Он начал активные действия за улучшение условий труда для фабричных рабочих. Профсоюз добился официального признания, и Конноли взялся за работу по упрочению его организации, сам вел текущие дела, назначал служащих.

Работа в новом профсоюзе была нелегким делом. Средств на проведение мероприятий не было, уровень

классового сознания его членов, преимущественно девушек и женщин, был низким. Единственными мероприятиями, вызывавшими у них живой интерес, были танцы. Как-то раз социалистов, приехавших на одну из фабрик выступить с лекциями, девушки закидали снежками.

Проблемой было и то, что основная масса рабочих была верующей. Конноли понимал необходимость считаться с этим. Однажды, во время очередной кампании рабочих против предпринимателей, Конноли с дочерью Норой отправился в церковь на воскресную мессу. Нора была шокирована тем, что священник избрал темой своей проповеди осуждение Конноли и его деятельности. Конноли же, привыкший к таким нападкам, сидел, не обращая на него ни малейшего внимания.

Выступая в принципе за высвобождение сознания ирландского рабочего из-под религиозного дурмана, Конноли, как правило, избегал лобовых атак на католическую церковь, дабы не оскорбить чувств верующих. Отвергая крикливый антиклерикализм, он считал важным вовлечение в классовую борьбу более широких масс отсталых рабочих²⁴.

Энергичная и в то же время кропотливая пропагандистская работа среди текстильщиц в сочетании с борьбой за близкие рабочему классу интересы привела к определенному росту политической активности масс, к усилению революционных тенденций в их настроениях. 1 мая 1913 г. рабочие-текстильщицы вышли на совместную с рабочими-транспортниками демонстрацию, пройдя колоннами по улицам Белфаста. Юнионистские погромщики не посмели встать на их пути.

Конноли уделял значительное место в своих теоретических работах женскому вопросу. Не из книг и статистических бюллетеней черпал он сведения об условиях жизни и труда ирландской женщины-работницы. Живя в гуще народных масс, активно участвуя в стачечной борьбе, будучи свидетелем невероятных страданий и нищеты простого народа, он понимал невозможность решения женского вопроса при капитализме. «Рабочий — раб капиталистического общества, — писал он, — а женщина-работница — рабыня этого раба. В Ирландии женщина-работница до сих пор проявляла в своем мученичестве терпение, почти заслуживающее проклятья»²⁵.

Конноли с большой силой и выразительностью рисует неприглядную картину жизни женщин-тружениц, которых существующая система превратила в рабынь или «необученных эмигранток». Слишком ранняя трудовая

жизнь женщины, на которую ее обрекали нужда и бедность, вела к истощению ее интеллекта, что еще больше усугубляло ее терпимое отношение к окружающему миру. Материальная скудость и моральная обделенность, бесцельность и безысходность ее существования — таковы унылые спутники этой труженицы. Конноли не раз говорил, что в Ирландии женскую душу веками приучали отказываться от своих прав²⁶. И тем не менее женщины не мирились со своим приниженным положением в обществе, «становились активными участницами каждого прогрессивного движения». Большая заслуга Конноли состоит в колоссальной практической работе по сплочению женского движения. Он многое сделал для воспитания их в духе единства с другими слоями рабочего класса, приобщая к решению сложнейших задач, стоящих перед Ирландией. Конноли призывал рабочий класс страны поощрять усилия тех женщин, которые поднялись, чтобы сбросить вековые оковы²⁷.

«Классовая война» в Дублине

В мае 1913 г. в Корке состоялось очередное заседание ИКТ, на котором Конноли представлял отделение ИСТНР Белфаста. Он вновь выступил с инициативой развернуть деятельность по созданию в Ирландии самостоятельной лейбористской партии, которая объединяла бы в своих рядах рабочих католиков и протестантов. По предложению Конноли парламентский комитет ИКТ был преобразован в Комитет парламентского представительства и должен был заседать ежеквартально. По его же инициативе было решено обратиться с призывом к лейбористской партии Великобритании поддержать внесение в законопроект о гомруле поправок, устанавливающих пропорциональное представительство.

Принятие этих предложений вызвало бурное одобрение большинства членов профсоюзов и свидетельствовало о росте политической активности пролетариата. Показательным в этом плане явился и рост забастовочного движения летом 1913 г. Особую активность проявляли члены ИСТНР, которым удалось в целом за период 1908—1913 гг. добиться повышения зарплаты большинства его членов на 25%²⁸.

Подъем рабочего движения в Ирландии с наибольшим размахом проявился в Дублине. Аграрное перена-

селение, отсутствие крупных промышленных предприятий приводили к скоплению в городе большого количества обездоленного населения. Слой же рабочей аристократии был здесь невелик. Заработная плата квалифицированного рабочего на предприятиях крупнейшего дублинского предпринимателя Мэрфи была на 20% ниже, чем в Белфасте.

Коннолли резко критиковал в печати ту «страшную нищету и апатию», в состоянии которой находились рабочие. Он указывал на высокую смертность среди рабочего населения Дублина (32,6 на 1000 человек ежегодно)²⁹, возмущался отвратительными условиями жизни в трущобах. Он приводил данные о нищенской заработной плате в мастерских, где рабочие страдали от чудовищной потогонной системы, называл имена предпринимателей, условия труда у которых были особенно бесчеловечными.

Дублин стал центром деятельности ИСТНР, его отделение здесь насчитывало от 5 до 6 тыс. членов. Успехи профсоюзного движения, рост активности социалистов вызывали беспокойство как ирландской буржуазии, так и властей метрополии. Еще в 1911 г. буржуазия Дублина создала Федерацию дублинских предпринимателей, главой которой стал Мэрфи, один из богатейших людей города, председатель Торговой палаты, владелец двух крупнейших националистических газет «Индепендент» и «Фрименс джорнэл», державший под контролем трамвайную компанию Дублина, а также многие другие акционерные организации. К осени 1913 г. руководство Федерации сочло, что подготовка для решительного наступления на рабочее движение завершена. В августе Мэрфи заявил об увольнении всех рабочих трамвайной компании, которые не откажутся от членства в ИСТНР; то же самое было заявлено служащим газеты «Индепендент». Федерация предварительно заручилась поддержкой властей, части лидеров националистов, гомрулеров и церкви, также обеспокоенной ростом активности трудящихся. Заранее, на случай забастовок, были приведены в боевую готовность силы полиции, подготовлены отряды штрейкбрехеров. Расчет делался на то, что ИСТНР удастся быстро сломить. Однако все обернулось по-другому.

В 10 часов утра 26 августа, в день традиционных конных состязаний, дублинские трамваи остановились — началась стачка солидарности. Трамвайные пути заполнили пустые вагоны, покинутые вагоновожатыми на тех

местах, где они оказались к началу стачки. Возле Нельсоновской колонны неподвижно замерла длинная вереница трамваев, окруженная толпами зевак и рядами полиции. Бойкоту подверглась фирма «Изон энд сан», которой принадлежала газета «Индепендент»: разносчики отказались распространять ее газету, докеры отказались грузить направляемые ей грузы. Предприниматели начали проводить массовые локауты, нанимать штрейкбрехеров. По всему Дублину прокатились стачки солидарности; рабочие установили пикеты у предприятий, останавливали трамваи, управляемые штрейкбрехерами, вступали с ними и с полицией в неравную схватку.

Дж. Конноли высоко оценил движение солидарности рабочих Дублина с членами ИСТНР. Он писал: «Что такое стачка солидарности? Это признание рабочим классом своего нерушимого единства, это демонстрация в наших повседневных промышленных отношениях того факта, что борьба нашего брата по классу является нашей борьбой... что мы все — члены одной семьи... Забастовка солидарности... родилась в Дублине не просто в результате хладнокровных размышлений. Она была порождена... отчаянной необходимостью»³⁰.

27 августа Ларкин объявил о массовом митинге трудящихся, который должен был состояться на Сэквилл-стрит в воскресенье, 31 числа. Но напряженность в городе быстро нарастала. 28 августа уже были применены силы полиции для разгона пикетов. Ларкин, О'Брайен и Дали были арестованы по «подозрению в организации заговора», но отпущены под залог. 29 августа лорд-мэр Дублина подписал рескрипт о запрещении митингов и демонстраций. Эти меры, однако, не запугали лидеров рабочего движения. Руководители ИСТНР — Ларкин и Конноли, прибывший из Белфаста, вечером 29 августа организовали митинг и, несмотря на запрет, выступили перед собравшимися. На глазах присутствующих Ларкин сжег рескрипт, запрещавший митинги, и обратился с призывом вооружаться: «Если для ольстерцев это законное право, то почему оно не может стать законным правом для дублинцев... Вам это нужно. Вы должны противостоять наемным убийцам. Если Карсон может призывать ольстерцев к созданию временного правительства Ольстера, я думаю, тоже могу призвать вас создать временное правительство Дублина»³¹.

Наибольшего накала борьба достигла 31 августа 1913 г., в день, который дублинцы называли своим «кровавым воскресеньем». Несмотря на запрещение назначен-

Разгон демонстрантов
на О'Коннел-стрит, 1913 г.

ного Ларкином митинга на Сэквилл-стрит, у отеля «Империал» с утра стали собираться толпы горожан, рабочие — члены ИСТНР. Всего присутствовало около 50 тыс. человек. Власти держали наготове крупные силы полиции, подкрепления были переброшены и из других городов. Вблизи Дублина сосредоточились войска, приведенные в полную боевую готовность. Властями была дана санкция на арест Ларкина.

В половине второго к отелю подъехала карета, из которой вышли сгорбленный бородатый старик во фраке и шелковом цилиндре и молодая женщина. Это были загримированный Дж. Ларкин и графиня Маркевич. Под ликующие крики и аплодисменты — собравшиеся узнали рабочего вождя — он появился на балконе отеля, где был тут же схвачен прорвавшимися туда полицейскими. Арестовали также Конноли и одного из руководителей ИСТНР, У. Патриджа.

Для разгона митинга полицейские пустили в ход дубинки. Тяжелые увечья получили более 500 человек, пострадал и присутствовавший на митинге член парламента от либеральной партии Х. Бут. Это, однако, не остановило волнений. При поддержке населения рабочие ока-

звали сопротивление полиции, забрасывали камнями патрули, пытаясь освободить арестованных. Штурму подверглось здание газеты «Индепендент». Во многих районах Дублина развернулись настоящие сражения между рабочими, полицией и присланными ей на помощь войсками (срочно были вызваны подкрепления солдат Кентского полка). О том, что творилось в Дублине, не могли умолчать даже буржуазные газеты. Одна из них писала: «Сопровождаемые громкими, возмущенными криками мятежников, объединенные силы полиции направились на Тирон-стрит, но были вынуждены отступить под градом бутылок и камней. Каждый раз, когда полицейские начинали отступать, пронзительные крики усиливались, внося еще большую растерянность в их ряды, и так поредевшие под ударами, обрушивающимися на них со всех сторон.

Маленькие жители трущоб, мальчики и девочки, действующие с еще большим энтузиазмом, чем их родители, выбегали из домов и собирали «боеприпасы» для мятежников... и были еще более упорны, чем мужчины, в борьбе с полицией»³².

Игнорируя законы, полицейские врывались в дома рабочих, избивая членов ИСТНР, их жен и детей. О праве на пикетирование вообще было забыто, вспоминал Д. Ханратти, впоследствии член Гражданской армии. После локаута на фабрике Джекобс он был направлен на ее пикетирование. Однако полиция жестоко расправилась с пикетчиками, используя грубую силу. Ханратти был зверски избит, а двое других — Д. Нолан и Д. Бирн — убиты полицейскими патрулями. Вот как описывает это капитан Монгейт (затем один из руководителей Ирландских волонтеров — вооруженных отрядов националистов): «Я был свидетелем убийства одного из этих несчастных. Он спокойно шел по Эден-Квей, когда ему встретился смешанный патруль дублинской полиции и королевской ирландской жандармерии, около 35 человек, почти все пьяные. Один из жандармов, отойдя от группы, без всяких причин нанес бедняге удар дубинкой. Страшный, раскатистый звук удара был слышен за 50 ярдов. Этот пьяный скот был поддержан двумя полицейскими, которые, когда несчастный попытался встать, стали бить его по голове, пока не проломили череп в нескольких местах. Затем они присоединились к остальным патрульным, оставив убитого в луже крови. За то, что я сказал им: «Вы проклятые убийцы», я был избит двумя полицейскими...»³³

Террором и арестами лидеров рабочего движения власти надеялись сбить накал борьбы. Однако он не ослабевал. Столкновения в Дублине продолжались и в последующие дни. 4 сентября состоялась массовая манифестация по поводу похорон Нолана, в которой приняло участие более 50 тыс. человек. Полиция на сей раз не решилась вмешаться, и даже сам лорд-мэр Дублина вынужден был принять участие в похоронной процессии. К этому времени локаут был объявлен для всех членов ИСТНР угольной, строительной промышленности, мыловаренных предприятий, пароходных компаний и Северо-Западной железной дороги, т. е. для 20 тыс. рабочих, поскольку забастовку поддержали профсоюзы, руководство которых враждебно относилось к Ларкину, например профсоюз строительных рабочих.

Полицейский террор и насилие вызвали волну возмущения как в Ирландии, так и в Англии. С протестом выступило даже руководство «Ордена гиббернийцев». БКТ на своем съезде, открывшемся в Манчестере 2 сентября, потребовала предоставления свободы собраний дублинцам, освобождения заключенных лидеров ИКТ. В Дублин была направлена делегация БКТ. Лидер Независимой рабочей партии К. Гарди посетил в тюрьме Дж. Конноли.

Конноли, приговоренный к трехмесячному тюремному заключению, на суде отказался дать обязательство в «добропорядочном поведении». В ответ на обвинение в нарушении манифеста о запрещении демонстраций и митингов он сказал: «Я не признаю манифеста. Не признаю потому, что я не признаю власти английского правительства над Ирландией. Я даже не признаю короля, хотя иногда мне приходится это делать»³⁴.

Оказавшись за решеткой, Конноли объявил голодовку, требуя немедленного освобождения. Лилли и дочь Инна, повидавшиеся с ним на седьмой день голодовки, нашли его сильно ослабевшим, в лихорадке. Делегация лидеров рабочего движения и националистических кругов, посетив наместника английской королевы в Дублине, потребовала освобождения Конноли. Власти, обеспокоенные таким развитием событий, предпочли уступить, опасаясь, что весть о голодовке одного из популярнейших лидеров рабочего движения еще больше обострит положение в Ирландии.

Освобождение Конноли носило условный характер: согласно недавно принятому закону, власти имели право освободить любого заключенного, нуждающегося в лече-

Дж. Конноли. Белфаст, 1913 г.

нии. Но по выздоровлении вновь могли заточить его за решетку. Ларкин был отпущен под залог еще раньше.

После выхода на свободу и нескольких дней отдыха Конноли поехал в Белфаст, где организовал митинги солидарности с бастующими. Затем вернулся в Дублин и принял на себя фактическое руководство борьбой (Ларкин отправился в Англию с целью поднять массовое движение солидарности).

От позиции английского рабочего движения зависело очень многое. Оно могло оказать прямой нажим на правительство Великобритании, во власти которого было прекратить террор в Дублине, могло бойкотировать товары и грузы дублинских предпринимателей, оказать материальную поддержку бастующим. Что касается анг-

лийских рабочих, то они были солидарны с бастующими — в сентябре по Англии прокатилась мощная волна забастовок, число участников которой исчислялось тысячами человек. Но лидеры БКТ в большинстве своем страшились распространения «классовой войны» на Англию. Они запретили «несанкционированные» забастовки солидарности и попытались подойти к событиям с позиций примиренчества. Однако встреча делегатов БКТ с предпринимателями Дублина ни к чему не привела — последние не желали идти ни на какие уступки, даже чисто символические. Их неуступчивость подкреплялась денежной помощью английских промышленников. Неудивительно, что Ларкин, с большой симпатией встреченный рядовыми членами профсоюзов, довольно холодно был принят лидерами БКТ. Единственный шаг, который они предприняли под давлением масс, — это сбор средств и посылка продовольствия семьям бастующих дублинских рабочих.

Такая помощь — за все время забастовки было послано около 150 тыс. ф. ст.³⁵ — оказалась весьма своевременной. Поскольку ИКТ и ИСТНР не имели средств, участники забастовки (в том числе их семьи) уже в середине сентября оказались под угрозой голода. Заботы по распределению средств и оказанию помощи взяли на себя сестра Ларкина Делия, основавшая профсоюз женщин-работниц, и Констанция Маркевич. В здании Либерти-холл (штаб-квартира ИКТ и ИСТНР) стали раздаваться бесплатные обеды.

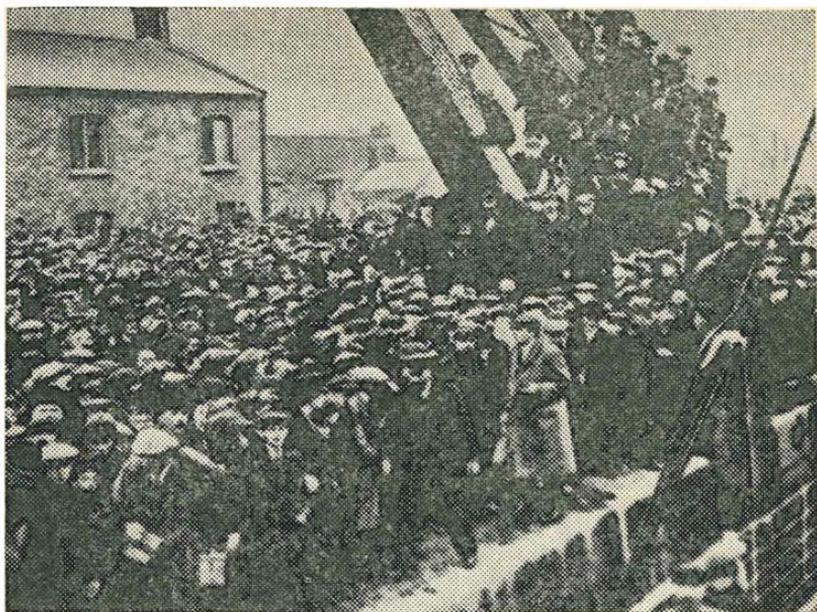
В октябре лорд-мэр Дублина попытался принять меры по урегулированию конфликта, пригласив в качестве посредника известного политического деятеля Великобритании Д. Асквита. Эта попытка, однако, провалилась. Федерация промышленников 14 октября выступила с манифестом, в котором выразила намерение вести борьбу до конца. В свою очередь Конноли на митинге 15 октября заявил, что «позиция рабочих не изменилась». Обе стороны пытались укрепить свои позиции, заполучить новых союзников. Рабочим Дублина сочувствовали многие представители ирландской и английской интеллигенции; создавались специальные комитеты помощи, собиравшие средства для дублинцев. Конноли еженедельно помещал статьи о ходе забастовки в газетах «Дейли геральд» и «Глазго форвард». Движение солидарности набирало силу даже в Белфасте: помощь бастующим оказывали местные отделения Гэльской лиги. Дочери Конноли Нора и Инна собирали пожертвования.

Парламентская партия Редмонда, лидеры Шин фейна, католическая церковь первоначально соблюдали нейтралитет. Но в октябре церковь вступила в борьбу. И вот почему. Группа суфражисток Лондона предложила план оказания временной помощи семьям бастующих: предполагалось перевезти детей из наиболее нуждающихся семей в Англию, прежде всего в такие города, как Лондон, Эдинбург, Плимут и Ливерпуль. Первое судно с детьми благополучно достигло английских берегов. Но тут церковь нарушила свой нейтралитет. Сигналом к наступлению явилось письмо архиепископа Дублина Уэлша, в котором он осудил матерей, осмелившихся послать своих детей в не католическую страну, и потребовал прекратить осуществление этого плана.

В последующие несколько дней Дублин вновь был охвачен волной насилия. Предводительствуемые фанатично настроенными священниками толпы верующих, распевая церковные гимны, заполнили территорию порта и вокзалы. Священнослужители, опасавшиеся, что пребывание детей в семьях «безбожников» пагубно отразится на их «душах», вырывали детей из рук родителей. На дорогах были выставлены патрули «Ордена гибернийцев». Те, кто пытался им препятствовать, подвергались избиениям и арестам. Тем временем промышленники под шумок организовали доставку отрядов штрейкбрехеров из Манчестера. Тогда же был арестован Ларкин и приговорен к семимесячному тюремному заключению. Конноли в это время с большим успехом выступал в Англии на митингах солидарности. На одном из них, проходившем в Лондоне в Альберт-холле, присутствовали видные общественные деятели — Б. Шоу, Д. Лансбери, Д. Рассел, Сильвия Панкхерст. Узнав о событиях в Ирландии, Конноли немедленно прервал свою поездку и вернулся в Дублин, где фактически возглавил борьбу.

Прежде всего Конноли взялся за урегулирование конфликта с церковью, предложив церковным властям взять на себя обеспечение нуждающихся семей продовольствием. Он объявил о прекращении выдачи бесплатных обедов в Либерти-холл. В итоге церковные организации Дублина, в том числе архиепископ, вынуждены были умерить свой пыл и призвали стороны к «сдержанности». Выдача продовольствия в Либерти-холл возобновилась.

Более продолжительной оказалась борьба за освобождение Ларкина, на нее ушло три недели. В конечном счете власти убедились, что арест рабочего лидера принес им больше вреда, чем пользы. На дополнительных

Стачечники встречают корабль
с продовольствием из Англии

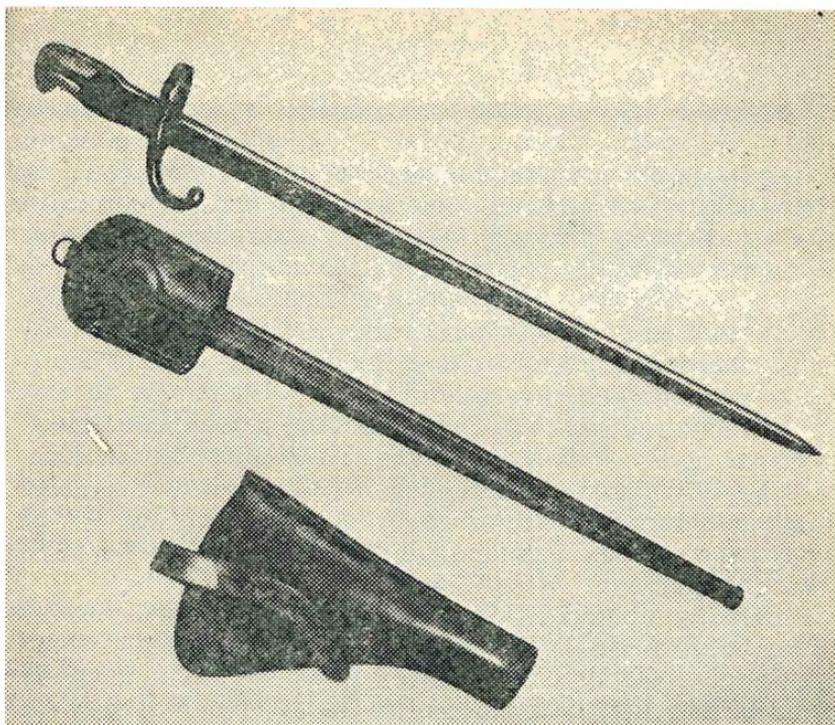
выборах в трех округах избиратели по призыву Конноли проголосовали против кандидатов правящей либеральной партии, которые потерпели сокрушительное поражение, несмотря на поддержку союзников гомрулеров. Конноли пояснял, что он выступает лишь против того правительства, которое держит Ларкина в тюрьме.

Дж. Конноли и Д. Ларкин были двумя общепризнанными лидерами дублинского пролетариата. В зависимости от обстоятельств руководство стачкой переходило от одного к другому. Как отмечал один из очевидцев событий, «предприниматели зажали рот Ларкину, но, к своему ужасу, увидели, что перед ними стоял противник столь же непримиримый, а может быть, еще более опасный, чем Джим...»³⁶. Ларкин имел удивительный дар темпераментного митингового оратора, яростно обличавшего «бездушные подлых и жадных до наживы ирландских капиталистов» и реформистских лидеров — старых тредюнионов. Но в отличие от Конноли, умелого и дальновидного политического деятеля, которого называли «мозгом агитационной кампании», Ларкину, несмотря на его страстную революционность и бунтарский дух, не хватало глубины знаний социалистической теории и четко про-

думанной программы действий. Одна из буржуазных газет того времени, «Дейли кроникл», писала: «Из двух вождей движения, когда оно начало приобретать характер политического бунта, Конноли как человек сильной воли и почти беспримерных организаторских способностей был более опасен»³⁷.

Пролетариат Дублина показывал чудеса мужества и организованности: несмотря на лишения, революционный дух его оставался высоким. В ноябре предприниматели попытались пустить бездействующие предприятия, используя штрейкбрехеров из Ланкастера. В ответ на это по призыву ИСТНР забастовали рабочие порта. Фактически в Дублине началась всеобщая забастовка, столкновения с полицией и с вооруженными предпринимателями штрейкбрехерами. «В ходе развития нынешнего спора, — писал Конноли, — в Дублин были импортированы самые низы преступного мира Великобритании и Ирландии. Это скопище уголовников прибыло сюда под воздействием призывов, обращенных к самым диким инстинктам их натуры... Их настроили предавать своих соотечественников, борющихся против навязывания соглашения, отвергнутого и специальной комиссией, и общественным мнением, как несовместимого с личными свободами. Чтобы заставить их выступать в роли иуд, их низкие страсти подогревали обещанием высокой оплаты и разрешением носить оружие. Значение последнего нельзя преуменьшать. Речь идет о натурах, для которых иметь средства убийства и чувствовать, что от них зависит жизнь других, является высшим наслаждением. Именно это и учитывали предприниматели Дублина. Намеренно, обдумав последствия, они вооружили банду самых закоренелых негодяев и, распалив их алкоголем, послали на улицы столицы, вызывая возмущение и негодование всех тех, на чьи свободы они покушаются... Но ни один шаг не остается без последствий»³⁸.

Рабочие Дублина по призыву Конноли приняли меры самообороны. Вечером 13 ноября над зданием Либертихолл взлетели ракеты, заиграла музыка. Перед собравшимися на этот сигнал дублинцами появился Дж. Конноли, провозгласивший о создании Ирландской гражданской армии (ИГА). Формирование армии и обучение ее бойцов проходило при его непосредственном участии. Занятия по военной подготовке вел капитан Д. Уайт — сын английского фельдмаршала. В большинстве своем бойцами ИГА были члены ИСТНР, боевого отряда рабочего класса Ирландии. В темно-зеленой форме, в широ-

Оружие повстанцев

копюльх шляпах маршировали бойцы Ирландской гражданской армии, вооруженные пока чем попало.

Боевой дух Гражданской армии был настолько высок, что появление ее отрядов на улицах Дублина повергло в панику как блюстителей порядка — полицейских, так и промышленников. Полиция и штрейкбрехеры уже не решались нападать на митинги и манифестации, проходившие под охраной Гражданской армии. Как писал Коннолли, «Ирландская гражданская армия была создана во время великого дублинского локаута 1913—1914 гг. с целью защиты рабочего класса и обеспечения его права на открытые митинги и свободу организации... Поскольку закон вместо того, чтобы защищать рабочих, был поставлен на службу их врагам, а вооруженные силы короны открыто предоставлены в распоряжение врагов рабочего класса, он решил создать собственную армию... для гарантии собственного свободного развития»³⁹.

Итак, классовая война в Дублине достигла своей кульминационной точки — создания вооруженных отря-

дов пролетариата. Конноли придавал этому большое значение. Не случайно в Уставе ИГА, разработанном при его участии, говорилось, что ее целью является «борьба за создание Ирландской республики и освобождение труда»⁴⁰.

Буржуазные националистические круги, опасаясь, что руководство освободительной борьбой перейдет в руки рабочего класса, а также в ответ на усиливающийся террор протестантских экстремистов Ольстера, стремясь создать противовес Гражданской армии, поспешили с созданием собственных вооруженных формирований. Так возникла массовая военизированная организация под названием Национальные волонтеры.

Руководство Национальных волонтеров провозгласило своей целью защиту гомруля. За короткое время под их знамена встало 100 тыс. человек. В отличие от Гражданской армии волонтеры сразу же получили деньги на вооружение, в их распоряжение были отданы лучшие залы города.

Создание вооруженных отрядов пролетариата еще не означало, что «классовая война» в Дублине будет выиграна рабочим классом. Ее исход по-прежнему зависел от позиции английского рабочего движения, которая не была благоприятной для дублинцев. Лидеры БКТ, играя роль посредников между предпринимателями и дублинскими рабочими, стремились заставить последних отступить. Пытаясь сорвать закулисную игру реформистов, Конноли неоднократно обращался через их голову к английским рабочим. Так, в ноябре в ответ на попытки лидеров БКТ сговориться с предпринимателями за спиной ИСТНР Конноли заявил: «Если профсоюзные лидеры с того берега собираются согласиться на мир на любых условиях, угрожая при этом прекратить свою поддержку и продовольственную помощь, то я скажу им: «Отзывайте ваши корабли с продовольствием, рабочие Дублина не сдадут своих позиций за все корабли мира»⁴¹. В конце ноября, когда Ларкин еще сидел в тюрьме, а из Англии доставлялись штрейкбрехеры, Конноли выступил с манифестом к британскому рабочему классу, призывая его к акциям солидарности и «перенесению войны на территорию противника». Этот призыв не остался без ответа: в то время, когда рабочие Дублина блокировали порт, английские рабочие создали «комитеты бдительности», железнодорожники Ливерпуля, Бирмингема, Холихеда, Свансеа, Бристоля, Хейшэма, Манчестера, Лондона, Ноттингема, Крюа, Дерби, Шеффилда, Лидса и Нью-

кастла отказались перевозить товары для дублинских предприятий, использующих штрейкбрехеров.

Конноли высоко оценил движение солидарности в Англии. Он писал 29 ноября 1913 г.: «Нам говорят, что английский народ помогает поработить нас. Это верно так же, как и то, что ирландский народ поставлял солдат, которые подавляли каждое демократическое движение Англии... В то же время, сами являясь рабами, и англичане, и ирландцы помогали поработать других. Но здесь не место для взаимных обвинений. Сегодня нам важен лишь тот факт, что английские рабочие прежде всего морально готовы помогать «мятежникам» из рабочего класса Ирландии, которые со своей стороны всегда помогут рабочим в Англии разорвать цепи и обрести свободу... Основной долг рабочего класса всего мира — свести счеты с господствующими классами в первую очередь своей собственной страны. Именно к этой цели направлена наша борьба...»⁴²

Соглашательское руководство БКТ было крайне озабочено ростом движения солидарности в Англии, опасаясь утраты своего влияния и революционизации масс. Когда Конноли и Ларкин (после освобождения) обратились в Комитет парламентского представительства БКТ с призывом объявить всеобщую забастовку или полностью бойкотировать торговлю дублинских промышленников, они не получили ответа. Тогда при поддержке Д. Лансбери, В. Дасона, Р. Уильямса, Д. Рассела, Б. Шоу, С. Панкхерст они внесли предложение о созыве специальной сессии БКТ. Лишь под давлением снизу реформистское большинство было вынуждено согласиться.

Накануне сессии Конноли и Ларкин объехали крупнейшие центры рабочего движения Англии, надеясь упрочить позиции левого крыла БКТ. Они разоблачали линию делегации БКТ на переговорах с предпринимателями Дублина, подчеркивали, что ИКТ и ИСТНР отказались принять условия «урегулирования», предложенные британскими социал-реформистами, поскольку они, фактически не давая трудящимся Дублина никаких гарантий, предоставляли предпринимателям полную свободу действий.

Конференция БКТ стала настоящим полем битвы между революционными и оппортунистическими элементами профсоюзного движения Великобритании. Хотя формально было принято решение об оказании финансовой поддержки, фактически ряд профсоюзов выступили против действий дублинских рабочих. Выступая на кон-

ференции, Конноли отметил, что он и его товарищи из Дублина «были подвергнуты глубокому унижению»⁴³.

В декабре он вернулся в Дублин. Обстановка в городе по-прежнему была напряженной: продолжались столкновения между штрейкбрехерами, полицией и Гражданской армией, недостаток оружия в которой не позволял ей действовать эффективно. Активность проявляли и силы реакции: отряды «Ордена» разгромили редакцию газеты «Айриш уоркер» — органа ИКТ, которым во время стачки фактически руководил Конноли. Было ясно, что хотя завершение борьбы не за горами, но, к сожалению, крупного успеха не предвидится. Денежная помощь быстро сокращалась, суда с продовольствием не прибывали. Что касается БКТ, то с его стороны по-прежнему делались лишь попытки посредничества.

Ларкин считал, что основная борьба еще впереди, но Конноли более трезво взвешивал шансы: рассчитывать на победу уже не приходилось, важно было выйти из битвы с наименьшими потерями. Не спасала положения и бурная деятельность руководителей ИСТНР. Конноли продолжал выступать на митингах в Дублине, Белфасте, ездил снова в Англию, публиковал призывы и воззвания, пытался изыскать новые формы сбора средств в фонд забастовки. Он настолько переутомился, что под Новый год слег. А это случалось с ним крайне редко.

В феврале — марте 1914 г. рабочие вынуждены были вернуться на свои места. Как позднее писал Конноли, «борьба закончилась вничью. Предприниматели не могли заставить рабочих отказаться от профсоюза, рабочие не смогли заставить предпринимателей даже формально признать профсоюз. В итоге обе стороны получили серьезные раны. Будущее покажет, насколько они были глубоки!»⁴⁴.

В. И. Ленин уделил событиям в Дублине большое внимание, охарактеризовав их как «поворотный пункт в истории рабочего движения и социализма в Ирландии». Действительно, пролетариат Ирландии впервые выступил в качестве самостоятельной силы, причем движение было не изолированным, а массовым: в нем приняло участие около 20 тыс. рабочих. В ходе дублинской стачки было впервые осуществлено широкое боевое единство различных отрядов рабочего класса. «Новый дух пробудился в ирландских рабочих союзах... Дублин обещал сделаться передовым по рабочей организованности городом во всей Великобритании... Задавленная двойным и тройным, национальным, гнетом страна стала превращаться

в страну организованной армии пролетариата»⁴⁵, — писал В. И. Ленин.

Активизация ирландского рабочего движения сопровождалась дальнейшим обострением ольстерского кризиса, который достиг кульминационного пункта к весне 1914 г.

Север Ирландии напоминал военный лагерь. Карсон при поддержке консерваторов создал там довольно внушительную боевую силу. Волонтеры Ольстера имели свой штаб, располагали артиллерией, авиацией и мотомеханизированными частями под командованием ольстерских и британских офицеров, в их распоряжении находились санитарные отряды, полевая почта, телеграф и т. д. Военное обучение проводилось под руководством боевых офицеров открыто, на площадях и в парках. Были проведены даже маневры, изображавшие бой армии Карсона с войсками гомрулеров, наступающих с юга. Все это сопровождалось безразличным отношением к происходящему со стороны либерального правительства Асквита. Либеральная печать долгое время предпочитала отделяться лишь ироническими шутками по поводу движения в Ольстере.

В марте палата общин британского парламента приступила ко второму чтению закона о гомруле, вызвавшему очередной взрыв ярости у ольстерских юнионистов. Небольшая проба сил показала степень их влияния: когда У. Черчилль накануне обсуждения закона прибыл в Белфаст (тогда он был членом кабинета министров от либеральной партии), Совет юнионистов Ольстера выступил против проведения предполагаемого митинга. Вместо того, чтобы «поставить на место» зарвавшихся юнионистских «ультра», Черчилль предпочел отменить митинг. Это послужило сигналом для ужесточения позиции юнионистов, опирающихся на прямую поддержку британской аристократии.

В условиях, когда ольстерские волонтеры, несмотря на запрет ввоза оружия в Ирландию, продолжали вооружаться, когда для получения оружия они захватили порт в Ларне, легко преодолев сопротивление полиции, правительство Великобритании решило подтянуть к Ольстеру дополнительные воинские части. Регулярные английские войска, расположенные в военном лагере Кэрра в Ирландии, получили приказ начать боевые действия для подавления антиправительственного заговора протестантских экстремистов. Но британские офицеры, преимущественно выходцы из аристократических семей,

многие из которых были ольстерскими помещиками, отказались повиноваться приказам. 57 человек последовали примеру бригадного генерала Хьюберта Гоу, заявившего, что в силу своего происхождения и воспитания он не может поднять оружие против ольстерских протестантов, и подали в отставку. Это выступление, являющееся совершенно беспрецедентным (Конноли приравнял его к военному мятежу), осталось без последствий.

Либеральное правительство Асквита фактически капитулировало перед ольстерской реакцией. К закону о гомруле была внесена поправка о том, что он не будет распространяться на шесть графств Северной Ирландии (Ольстер), если за это выскажется большинство избирателей. Последнее представляло собой лишь оговорку, так как было ясно, что в обстановке террора, развязанного юнионистами, ни о каком свободном волеизъявлении не могло быть и речи. Лидеры ирландской партии гомрулеров Девлин и Редмонд приняли поправку Асквита без возражений. Все это создавало новую ситуацию для социалистического и рабочего движения.

В предоставлении Ирландии гомруля Конноли видел средство избежать раздела страны, но в то же время он рассматривал его как промежуточный этап в достижении полной независимости. «Мы заявляем,— писал он,— что как социалисты — мы гомрулеры, но в тот день, когда правительство гомруля придет к власти, социалистическое движение в Ирландии перейдет в оппозицию к нему». Идею раздела Конноли считал опасной с самого начала. «Подобный план разрушит рабочее движение, дезорганизует его,— подчеркивал Джеймс.— Он увековечит во сто крат худшей форме существующее положение... Короче, он сделает расхождения более резкими, а конфликт идей и партий всеобъемлющим»⁴⁶.

История подтвердила верность этих горьких слов. События последних 15 лет в Ольстере, вызванные движением трудящихся за гражданские и демократические права, показали, что правящие круги Великобритании и протестантские «ультра» Ольстера до сих пор используют в своем арсенале борьбы с национально-освободительным движением политику религиозной дискриминации, тем самым стремясь противодействовать объединению трудящихся в их борьбе за осуществление общедемократических преобразований и полное национальное освобождение.

Лидеры гомрулеров, по Конноли, совершили предательство, приняв план раздела страны, которое рабочий

класс никогда не простит им. «Такой план,— говорил Конноли,— это предательство национальных интересов... Он парализует все прогрессивные движения, если будет осуществлен. Рабочее движение должно оказать ему самое сильное сопротивление, против него рабочий класс Ольстера должен сражаться до последнего дыхания, как прежде это делали наши отцы»⁴⁷.

Конноли прозорливо увидел в мрачной перспективе раскола страны стремление англо-ирландской реакции сохранить свои привилегии и задержать развитие классово-и национально-освободительной борьбы. «Вопрос о гомруле,— писал он,— применительно к Ольстеру может быть намеренно затянут и будет поддерживаться как средство раскола и дезорганизации рабочих Великобритании»⁴⁸. Его призывы противодействовать разделу, обращенные ко всем, кому дороги демократия и прогресс, звучат актуально и по сей день.

В свое время Конноли, обращаясь к лейбористам, подчеркивал, что решение ирландской проблемы было бы и в интересах английского рабочего класса, поскольку в результате этого он приобрел бы действенного союзника в лице широких масс ирландских трудящихся в борьбе за их общие интересы.

Особенно страстный призыв Конноли обратил к рабочим Белфаста. В течение трех дней, выступая на митингах, он говорил: «Подумайте, мужчины и женщины! Если вам сейчас трудно живется, то как вы будете существовать под властью банды, раздувающей пламя религиозной нетерпимости с целью расколоть рабочих и сделать достижение прогресса невозможным. Если вам трудно сейчас, когда вас поддерживают прогрессивные силы всей Ирландии, то насколько труднее и сложнее станет тогда, когда вы будете отрезаны от Ирландии, в то же время будучи чужими для Великобритании, когда вы будете зависеть от милости класса, который не знает милости, от людей, отравленных ненавистью, невежеством ко всему национальному и демократическому... Не забывайте, что вся история Ирландии — свидетельство измены политиканов и государственных деятелей, и, помня это, не верьте их лживым обещаниям, встаньте за единую Ирландию, основанную на союзе рабочего класса и всех национальностей»⁴⁹.

Однако как белфастцы, в своем большинстве зараженные юнионистской идеологией, так и лидеры английского рабочего движения остались равнодушными к призывам Конноли. Молчание и бездействие последних вызвало

особое осуждение Конноли. Он отклонил обычное приглашение принять участие в праздновании 1 Мая в Глазго. В газете «Форвард» появилась его статья под названием «Братство или предательство», в которой Конноли настойчиво выступает за развитие самостоятельных организаций рабочего класса Ирландии. В другой статье, «Солидарность трудящихся», он писал: «Я всегда утверждал, что в политическом плане мы далеко позади английских и шотландских рабочих. Много, чего мы требуем, в Великобритании уже достигнуто, и поэтому абсурдно ожидать, что британский рабочий будет вести за нас борьбу в то время, когда его собственные интересы требуют многих усилий и жертв. Именно поэтому я борюсь за создание лейбористской партии Ирландии, за самостоятельную политическую организацию ирландских рабочих, за отдельную экономическую и индустриальную их организацию на более революционной основе, чем в Англии и Шотландии... Борюсь за это, пропагандируя это, я постоянно подвергался нападкам, меня ложно понимали. Мне говорили, что я не интернационалист, что я проповедую ненависть к англичанам, что я вношу дезорганизацию. Бесплезно доказывать, что это обычная ошибка англичанина, полагающего, будто он понимает ирландские проблемы лучше, чем сами ирландцы»⁵⁰.

1 июня 1914 г. в Дублине началось заседание ИКТ, где Конноли был избран членом Национального исполкома. По его предложению ИКТ провозгласил себя Ирландским конгрессом тред-юнионов и Лейбористской партией (ИКТ-ЛП). Комитет парламентского представительства ИКТ, созданный на предыдущей сессии, доложил о попытках переговоров с Лейбористской партией Великобритании относительно совместного выступления против раздела страны. Однако Р. Макдональд и А. Гендерсон не откликнулись на призыв. По предложению Конноли и Дали ИКТ рассмотрел и одобрил резолюцию, осуждавшую раздел.

В. И. Ленин, быстро откликнувшийся на все актуальные проблемы современности, проявил к событиям в Ольстере большой интерес. Он сразу же отверг мнение, будто причиной кризиса является религиозная рознь между католиками и протестантами, поскольку был глубоко убежден, что в основе кризиса лежат вполне определенные классовые интересы англо-ирландских консерваторов. Он писал: «Помещики в Ирландии — англичане, и самоуправление Ирландии, будучи самоуправлением ирландских буржуа и крестьян, грозит чуточку урезать

Национальный исполком ИКТ-ЛП, 1914 г.
(Джеймс Конноли — первый слева)

грабительские аппетиты господ благородных лордов»⁵¹.

Лето 1914 г. в Ирландии было бурным. Наступление реакции после завершения «классовой войны» в Дублине сопровождалось отказом владельцев газетных киосков продавать «Айриш уоркер». Тем не менее наметились симптомы нового подъема рабочего движения.

В Белфасте, Лимерике и Дублине, несмотря на отрицательное отношение властей, прошли массовые демонстрации солидарности с забастовавшими возчиками, на митингах выступили Конноли и Ларкин. Большой остроты достигла и национальная проблема. В Белфасте вооруженные до зубов ольстерские волонтеры продолжали устраивать марши по городу. Когда же в Дублине в конце июля Национальные волонтеры устроили шествие по городу (они шли с винтовками без патронов), власти вызвали войска. Вышедшие на демонстрацию протеста жители Дублина были встречены винтовочными залпами. Три человека при этом были убиты и 32 ранены. В таких условиях парламент Великобритании принял наконец закон о гомруле для Ирландии без Ольстера. Но до того как он успел вступить в силу, разразилась первая мировая война.

НАКАНУНЕ БУРИ

«Трудности для Англии —
шанс для Ирландии»

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. явилась пробным камнем для европейской социал-демократии, большинство лидеров которой, предав интересы своих народов, перешли на сторону господствующих классов империалистических государств. Лишь немногие из деятелей социал-демократии выдержали суровые испытания военных лет и остались верны революционным принципам. Среди них был и самоотверженный революционер, вождь ирландского пролетариата Джеймс Конноли.

В годы первой мировой войны с наибольшей полнотой раскрылись замечательные качества Конноли как истинного интернационалиста, выступавшего за сплочение трудящихся и всех демократических сил страны для отпора британскому империализму и его агрессивной политике. Смелая постановка и разработка в это время ряда сложнейших проблем национально-освободительной и классово-вой борьбы позволяют охарактеризовать его как зрелого теоретика и талантливого пролетарского мыслителя и организатора.

В многочисленных статьях в ирландской и английской печати, в публичных выступлениях Конноли разоблачал грабительский, антинародный характер войны. Он считал, что вся вина за кровь, пролитую на полях сражений, за страдания и гибель миллионов людей ложится на правящие классы воюющих стран. «...Эта война, — писал Конноли, — кажется мне наиболее страшным преступлением всех веков»¹.

Разоблачая измышления английских идеологов о том, будто война ведется во имя спасения цивилизации от германского варварства, Конноли вскрывал ее истинные причины. Он указывал, что война из-за прибылей, во имя обогащения господствующих классов не может быть оправдана. Кроме того, Конноли, опытный политик и рабочий лидер, доказывал, что война выгодна прежде всего английским монополиям, которые, будучи не в состоянии выдержать соперничества с германскими промышленни-

ками, стремятся во имя сохранения и расширения сфер своего влияния сокрушить Германию военным путем, действуя руками Франции и России, с которыми у Германии были давние противоречия.

Конноли понимал, что англо-германские противоречия были главным узлом международных противоречий, приведших к мировой войне.

Позиция Джеймса Конноли перекликается с той оценкой, которую I конгресс Коминтерна дал в 1919 г. политике британского империализма кануна первой мировой войны: «Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось явно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Антанты, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития в течение десятилетней война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании»².

Буржуазная и социал-шовинистическая пропаганда злобно клеветала на Дж. Конноли, обвиняя его в прогерманской ориентации, на что Конноли отвечал: «Мы не хотим, чтобы нами правила какая-либо империя»³. Над зданием Либерти-холл был поднят флаг Ирландии и повешен плакат с лозунгом: «Мы не служим ни королю, ни кайзеру, а служим Ирландии».

Конноли с принципиальных, марксистских позиций подошел к проблеме определения характера войн в эпоху империализма. Он указывал, что эта эпоха порождает не только реакционные, захватнические, грабительские, но и справедливые, прогрессивные, освободительные войны, ведущиеся против национального и социального угнетения трудящихся масс. «Война угнетенной нации за независимость,— писал он,— за право жить... по своему выбору может и должна быть оправдана как священная и справедливая... Но война нации против нации в интересах коронованных грабителей и воров-космополитов — преступное дело»⁴.

Буржуазная парламентская партия Ирландии во главе с ее лидером Джоном Редмондом с самого начала войны выступила в поддержку правящих классов Великобритании. 3 августа 1914 г. Редмонд в палате общин в порыве «патриотических» чувств заявил, что англичане

могут вывести своих солдат из Ирландии и доверить ее защиту волонтерам Севера и Юга. Он проголосовал за военные кредиты. Вместе с другими сторонниками-гомрулерами при содействии английских офицеров и рекрутских сержантов Редмонд объезжал Ирландию, призывая записываться в британскую армию. Под влиянием этой пропаганды часть Национальных волонтеров вступила в ряды британских вооруженных сил. Конноли с возмущением писал, что «Джон Редмонд заработал аплодисменты злейших врагов Ирландии и предателей ирландского народа, заявив от имени Ирландии, что британское правительство может быть спокойно... за свои владения здесь... Это заявление показало миру, что Ирландия навечно приняла статус британской провинции»⁵.

Особенно высоким накал шовинистических страстей был в Белфасте. Хотя это было небезопасно, Конноли успешно выступил там с яркой антивоенной речью.

Дж. Конноли занял последовательную интернационалистскую позицию по отношению к мировой войне. Идеи Базельского манифеста (ноябрь 1912 г.), призывавшего международный пролетариат вести беспощадную борьбу против войны и против ее виновников — господствующих классов империалистических держав, нашли свое развитие в выдвинутом Дж. Конноли лозунге «поражения своего правительства в данной войне» и отказа от оказания империалистическому правительству какой-либо помощи. Дж. Конноли выступил за полный разрыв с политикой гражданского мира, проводимой буржуазными и социалшовинистическими партиями. Лидеры последних были буквально взбешены пораженческой позицией выдающегося ирландца, который писал: «Я полагаю, война могла бы быть предотвращена социалистами; но раз она началась, я желал бы Британии поражения... чтобы торговля на морях навсегда стала свободной для малых и больших наций в равной мере»⁶.

Конноли открыто призывал использовать кризис, вызванный войной, для подготовки и осуществления национально-освободительной революции в Ирландии. Обращаясь к ирландскому рабочему движению, всем демократическим силам страны, он призывал: «...если вы хотите взяться за оружие, если вам хочется сражаться, боритесь за свою собственную страну, а не за грабительскую империю... пусть ваша винтовка будет использована во имя интересов Ирландии»⁷. Таким образом, позиция будущего руководителя национально-освободительного восстания против английских колонизаторов оказалась

близка к великой ленинской идее превращения войны империалистической в войну гражданскую.

В годы империалистической войны особое место в работах и выступлениях Конноли занимает проблема соотношения интернационального и национального, поставленная им еще в период англо-бурской войны.

Следуя принципам пролетарского интернационализма, Конноли всегда подчеркивал общность коренных интересов рабочего класса Великобритании и Ирландии, само положение которого в системе общественного производства создавало предпосылки для объединения в борьбе против классового врага. В начале войны, 15 августа 1914 г., он писал: «...я никогда не был против патриотизма. Но патриотизму капиталиста, который ставит выше всего интерес своего класса, я противопоставляю патриотизм рабочего класса... Для меня социалист из другой страны — товарищ и брат, а капиталист моей страны — естественный враг»⁸.

Последовательно развивая интернационалистическую линию, которая неотделима от революционной борьбы рабочего класса, Конноли призывал разрушить «лживую правительственную систему, сделавшую британский народ орудием порабощения миллионов людей».

Рабочий класс не смог противостоять пропагандистской мощи буржуазной государственной машины и был брошен в братоубийственную бойню за интересы монополий. Этому способствовало предательство лидеров II Интернационала, которых Конноли назвал «трусливыми приспособленцами и соглашателями в мире империалистического и финансового разбоя». Многообещающие декларации, принятые в Штутгарте, Копенгагене и Базеле, были «сожжены» в пожаре первой мировой войны. «Что тогда остается от всех наших резолюций, всех наших протестов и деклараций о братстве... — с возмущением писал Конноли, — неужели это все ничего не значащий пустой звук?»⁹

Конноли оказался неизмеримо выше английских социалистов, которые, будучи отравлены ядом шовинизма, в большинстве своем проявили невнимание к проблемам угнетенной малой нации. Выступая в «защиту» Бельгии, подвергшейся германскому нападению, они продемонстрировали полнейшее безразличие к важнейшей задаче, стоящей перед ирландским рабочим классом и демократическими силами страны, — завоеванию ими национальной независимости. В. И. Ленин расценил их позицию в ирландском вопросе как показатель социал-шовинист-

ского перерождения, поразившего большинство партий II Интернационала. Он писал: «...только на словах является социалистом и интернационалистом, а на деле шовинистом и аннексионистом тот английский социалист, который не борется тотчас за свободу отделения Ирландии...»¹⁰

Лишь немногие английские социалисты остались верны принципам пролетарского интернационализма. Но их голоса были еще слабы на общем фоне лжепатриотического угара, временно охватившего большую часть английского рабочего класса. Будущие лидеры Компартии Великобритании У. Галлахер, Т. Белл и А. Макманус поддержали революционные призывы Джеймса Конноли. Выходившая в Глазго газета «Форвард» публиковала его страстные антивоенные статьи.

В своих работах Конноли подчеркивал значение национально-освободительной борьбы в Ирландии для судеб демократии и развития революционного процесса в метрополии. Он писал: ««Боевой рубеж» Англии слабее всего у ее сердца, поскольку Ирландия имеет тактическое преимущество. Поражения Англии в Индии, Египте, на Балканах, во Фландрии не будут столь опасными для Британской империи, как конфликт в Ирландии... Сильный человек может, нанося удары кулаками, сокрушить целую толпу противников и победить; но он погибнет, если ребенок сделает ему булавочный укол в сердце»¹¹. Интересно отметить, что В. И. Ленин, внимательно следивший за событиями в Ирландии, говорил: «Удар одинаковой силы, нанесенный власти английской империалистской буржуазии восстанием в Ирландии, имеет во сто раз большее политическое значение, чем в Азии или в Африке»¹².

Дж. Конноли фактически пришел к выводу, что Ирландия является одним из слабых звеньев в мировой цепи империализма. Рост национальных и классовых противоречий, подъем антиимпериалистической борьбы привели его к мысли, что революция в Ирландии может вспыхнуть раньше, чем в основных европейских странах, и в этом случае национально-освободительная борьба ирландского народа сыграет роль катализатора мирового революционного движения. Он горячо надеялся, что «Ирландия сможет зажечь большой европейский пожар»¹³.

Выступления Дж. Конноли с призывами превратить войну империалистическую в войну национально-освободительную были одобрительно встречены лидерами революционно-демократического крыла ирландского освобо-

дительного движения, которое объединило в своих рядах представителей прогрессивной интеллигенции, служащих и мелкой буржуазии. Тайная организация — Ирландское республиканское братство (ИРБ), — ставившая целью учреждение независимой Ирландской республики, в начале войны развернула активную антимилиитаристскую пропаганду среди ирландского населения, а ее высший орган — Военный совет — начал подготовку к восстанию. ИРБ путем двойного (а иногда тройного) членства оказывало влияние на деятельность таких массовых организаций, как Шин фейн, Гэльская лига, «Солдаты Эрина» (организация ирландских бойскаутов), Гэльская ассоциация физической культуры (популярная молодежная всеирландская организация) и др.

Призывы к вступлению ирландцев в английскую армию вызвали острую борьбу между редмондистами-гомрулерами и демократическими силами страны. Последние включились в антивоенную кампанию: рассылали и раздавали листовки и брошюры антимилитаристского характера, выступали на митингах и в печати, жгли плакаты, призывавшие к вступлению в армию, срывали митинги и собрания деятелей, агитировавших в пользу «защиты отечества».

Наиболее сильными антивоенные настроения были в Дублине. Дж. Конноли в качестве руководителя ИСТНР активно работал в Национальном исполкоме ИКТ-ЛП. Занимаясь текущей, повседневной деятельностью, связанной с борьбой за непосредственные требования рабочих, он разрабатывал тактическую линию ирландского рабочего движения. Национальный исполком ИКТ-ЛП выпустил манифест, написанный Конноли и получивший широкое распространение в Ирландии. Его антимилитаристская направленность встретила горячий отклик в демократических кругах. В манифесте говорилось: «Империя основана на страданиях трудящихся масс, а ее безопасность — на подчинении неимущего рабочего класса. Ее триумф (в войне.— Х. З.) будет означать установление еще более прочного господства. Ее поражение позволит другим народам занять по справедливости свое место среди наций мира, даст возможность рабочему классу пойти своим путем к процветанию и свободе... Сохраняйте вашу энергию, отстаивайте ваше благосостояние, учитесь и боритесь за интересы вашего класса, вашей нации»¹⁴.

Старый республиканский лозунг «Трудности для Англии — шанс для Ирландии», который так любил повто-

рять Конноли, облетел всю страну. Для его реализации Конноли считал необходимым в первую очередь объединение всех антимилитаристских левых сил, выступающих за освобождение Ирландии от власти метрополии. Он понимал, что численность Гражданской армии и тех передовых рабочих, которые ее поддерживали, недостаточна для организации самостоятельного выступления. Поэтому с осени 1914 г. Конноли всю свою энергию направил на поиск достижения единства боевых революционных сил. В этом ему большую помощь оказал Падрейг Пирс, выдающийся деятель ИРБ, член руководящего комитета Национальных волонтеров, талантливый публицист и поэт, испытавший на себе глубокое влияние революционных идей Конноли. На одном из антивоенных митингов в начале войны произошла их первая встреча, а вскоре между ними завязалась крепкая дружба. Горячие споры и длительные диспуты сплотили и сблизили их. Пирс был полностью согласен с выводом о необходимости вооруженной борьбы за осуществление идеалов Ирландской республики.

Воззрения Конноли оказали также сильное воздействие на молодых фениев, ирландских патриотов, будущих руководителей восстания Томаса Макдонага (преподаватель Дублинского университета, активный деятель волонтерского движения) и Шона Макдермотта (профессиональный революционер, публицист, редактор газеты ИРБ «Айриш фридом»).

Быстро усилившиеся революционные настроения в Ирландии способствовали расколу в движении волонтеров.

Борьба между редмондистами-гомрулерами и демократическими силами особенно обострилась в связи с тем, что 18 сентября законопроект о гомруле стал законом, хотя введение его было отложено до окончания войны. Шесть графств Ольстера не входили в сферу действия нового закона. В сентябре 1914 г. на исполнительном комитете волонтеров республиканские деятели осудили измену Редмонда и изгнали его приспешников из комитета. Сторонники Редмонда (170 тыс. человек) сохранили за собой название Национальные волонтеры. Отделившиеся патриотические элементы создали самостоятельную военную организацию — Ирландские волонтеры, численность которой первоначально составила 11 тыс. человек. Однако лояльное отношение лидера партии гомрулеров к английской короне, отстаивание им чуждых ирландскому народу интересов правящих классов привели к

стремительному падению влияния партии среди населения. К апрелю 1915 г. в рядах Национальных волонтеров оставалось лишь 17 тыс. человек, а через год было всего несколько сот. В то же время радикальная позиция лидеров левых республиканцев содействовала привлечению в их ряды новых бойцов. Максимальная численность Ирландских волонтеров достигла 18 тыс. человек¹⁵.

Конноли приветствовал организационный разрыв с правыми лидерами волонтерского движения. В статье «Передовая политика для волонтеров» он предложил приступить к осуществлению ряда наступательных акций, «которые вызовут больший отклик, чем тысяча речей или 100 печатных прокламаций». В создавшихся условиях Конноли выдвинул программу-минимум для волонтеров. Их руководство может, во-первых, призвать Ирландских волонтеров «оставаться на военной службе в Ирландии и для Ирландии», во-вторых, использовать их вооруженные силы для того, чтобы добиться «отмены всех тех пунктов акта о гомруле, которые лишают Ирландию права на самоуправление по примеру Южной Африки, Австралии и Канады»¹⁶. Подобные предложения свидетельствовали о тактической гибкости Конноли, об умении двигать лозунги, понятные широким массам.

Возникновение патриотической организации Ирландские волонтеры приближало реализацию идеи Конноли о союзе всех революционных, национально-демократических сил страны, нашедшей свое воплощение в союзе Ирландских волонтеров с вооруженными отрядами рабочего класса — ИГА. 9 сентября 1914 г. в библиотеке Гэльской лиги состоялась встреча Дж. Конноли с руководством ИРБ. На ней присутствовали Т. Кларк, Ш. Макдермотт, Д. Планкетт, П. Пирс, С. О'Келли, Д. Макбрайд, А. Гриффитс, Т. Макдонаг, И. Сеант, Дж. Конноли, О'Брайен. Председательствовал Томас Кларк — старый фений, профессиональный революционер, 16 лет проведенный в английских тюрьмах. Конноли выступил за немедленное начало конкретных приготовлений к восстанию, установление связи с Германией для получения оружия и военной поддержки. Такая, в принципе поддержанная, позиция была подкреплена решением о создании двух организаций: одной — тайной, которая должна была непосредственно вести подготовку к восстанию и устанавливать контакты с Германией, другой — легальной, в задачу которой входила бы антивоенная пропаганда, подготовка масс к восстанию. Это было важно в условиях,

когда Редмонд призывал волонтеров вступать в английскую армию.

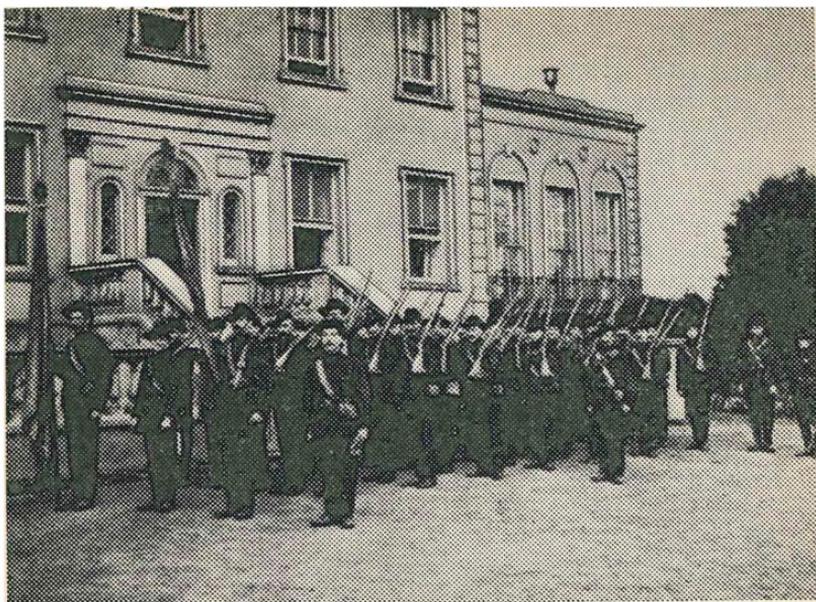
Легальная организация под названием Лига ирландского нейтралитета была сформирована 5 октября. Дж. Конноли стал ее президентом, С. О'Келли — секретарем, Т. Фаррен, руководитель дублинского совета тредюнионов, — казначеем. В Лигу вошли также А. Гриффитс, С. Милрой, Ф. Шехи-Скеффингтон (известный журналист-пацифист), О'Брайен и др. Отказались участвовать в работе Лиги лидеры ИРБ, а также Ларкин, который собирался выехать в США во избежание ареста и высылки в Англию.

В сентябре Редмонд и премьер-министр Великобритании Г. Асквит приехали в Дублин для проведения митинга, посвященного вербовке ирландцев в британскую армию. Однако в результате активных действий Дж. Конноли, Томаса Кларка и Шина Макдермотта акция Редмонда — Асквита была сорвана. Им удалось завербовать всего шесть человек.

С каждым месяцем набор в армию встречал в Ирландии все большее сопротивление. Это был несомненный успех пропагандистской деятельности левых сил. К весне 1916 г. в армию по всей Ирландии записалось 100 тыс. человек, при этом половину дал Ольстер. Редмонд, выступая в палате общин, стремясь приукрасить свои «заслуги», выдавал желаемое за действительное, утверждая, будто в армию записалось от 300 до 400 тыс. ирландцев. Но по оценке майора Прайса, начальника английской военной разведки в Дублине, в результате антивоенной кампании республиканцев армия получила на 50 тыс. человек меньше, чем предполагалось.

Следует отметить, что отношение военного командования Великобритании к ирландским призывникам было неодинаковым. Если полки, сформированные в Ольстере, долгое время находились в Англии, то полки из других районов Ирландии направлялись на самые опасные и трудные участки военных действий (Дарданеллы, Галиполи, Месопотамия), несли тяжелые потери. Известия об этом, а также весьма обоснованные слухи о предстоящем введении обязательной воинской повинности омрачали настроение ирландцев, вызывали среди них всеобщее недовольство.

Лига ирландского нейтралитета во главе с Конноли активно проводила антирекрутскую кампанию, хотя в декабре ее деятельность ослабла из-за репрессий, проводимых властями.

Бойцы Гражданской армии

Свое отношение к планам введения всеобщей воинской повинности Конноли выразил следующими словами: «У нас, у ИСТНР, у Гражданской армии, ответ один: мы будем сопротивляться введению... любой формы воинской повинности, и уже начали к этому готовиться. Мы призываем волонтеров отвечать такими же приготовлениями... Сопротивление... неизбежно должно принять форму повстанческой войны, если сопротивляющиеся преисполнены решимости бороться в Ирландии за Ирландию... Такая повстанческая война будет вестись способами и в условиях, о которых не написано ни в одном учебнике. Короче, это баррикады на улицах, партизанская война в стране»¹⁷.

С отъездом Ларкина 24 октября в США Конноли стал и руководителем ИСТНР, и редактором «Айриш уоркер», вследствие чего газета стала еще более боевитой. Конноли принял меры по улучшению работы ИКТ, привел в порядок денежные дела, расстроенные еще со времени дублинского локаута. В то же время он возглавил Гражданскую армию. Прежний ее руководитель, капитан Уайт, подал в отставку из-за несогласия с позицией Конноли, выступившего с критикой в адрес правого крыла

волонтеров¹⁸. Джеймс и начальник штаба Гражданской армии М. Маллин, также имевший опыт военной службы, сделали ее организованным и дисциплинированным воинским формированием.

25 октября состоялся конвент Ирландских волонтеров, на котором в качестве делегата от Гражданской армии присутствовали Дж. Конноли и С. Милрой. Конноли предложил объединить волонтеров и Гражданскую армию. Хотя решение по этому вопросу не было принято, П. Пирс согласился с тем, что достижение единства является залогом успеха дальнейшей борьбы. Был проведен совместный парад, в котором участвовали 900 волонтеров и 100 бойцов Гражданской армии.

Однако власти тоже не дремали.

4 декабря военные и полицейские ворвались в здание типографии «Айриш уоркер» и вывели из строя типографское оборудование. В знак протеста против этой акции печатники газет «Шин фейн», «Айриш фридом», «Эйре Айленд» отказались печатать в этот день свои издания. Фактически орган ИКТ спасти не удалось, газета перестала существовать.

Кроме того, усилились репрессии против отдельных руководителей волонтерского движения, что способствовало углублению разногласий в его рядах.

После рождества, которое Конноли провел в Белфасте с семьей, он срочно выехал в Глазго к своим друзьям — английским социалистам Беллу и Макманусу с целью договориться о налаживании выпуска газеты. Под названием «Уоркер» она стала печататься нелегально и доставляться в Дублин.

Но после того как полиция выследила место издания газеты (вышло всего 6 номеров), выпуск ее прекратился. Тогда Конноли решил закупить типографское оборудование, установить его в здании Либерти-холл под охраной Гражданской армии, которая к тому времени уже была достаточно хорошо вооружена (оружие тайно вывозилось из Ливерпуля при содействии докеров, сочувствовавших ирландской революции) Новая газета «Уоркерз рипаблик» стала выходить с мая 1915 г.

Между тем война тяжелым бременем ложилась на экономику воюющих стран. Возрастающие расходы на боеприпасы и вооружение создали к концу 1914 г. кризис экономики, для ликвидации которого требовалась срочная перестройка всего народного хозяйства на военный лад. В октябре 1914 г. Англия вслед за Германией и Францией приступила к мобилизации промышленности

для обеспечения нужд войны. Для удовлетворения растущих потребностей фронта государство выступило в роли регулятора производства и потребления, взяло в свои руки контроль над транспортом, внутренней и внешней торговлей.

Дж. Конноли в сложнейшей обстановке военного времени, нарастания классовых противоречий и острейшей политической борьбы сумел, вплотную подойдя к разработке важных теоретических вопросов современности, увидеть новые черты в развитии капитализма, а именно проявление государственно-монополистических тенденций развития. По поводу создания в Англии в конце 1914 г. министерства военного снабжения, органа планирования и регулирования экономики, Конноли писал: «...многие учреждения, возникшие во время войны в силу необходимости, сохранятся и в мирное время... Но надо иметь в виду, что каждое нововведение в индустриальной сфере, если оно эффективно сейчас, станет фактом реальной жизни и после войны, и его нельзя будет устрани́ть»¹⁹.

Попытки правительства Великобритании усилить финансовое ограбление Ирландии путем чрезмерного увеличения «имперских взносов» для нужд английской армии, достигавших ежегодно 10—12 млн. ф. ст., повлекли за собой стремительный рост стоимости жизни. Возросли цены на предметы первой необходимости (муку, сахар, уголь), транспортные тарифы и т. д. Резкий рост экспорта в Англию скота, птицы, молочных продуктов, картофеля и других продовольственных товаров привел к тому, что угроза голода в стране стала реальностью. В связи с этим Конноли выдвинул требование — прекратить поставки продовольствия из Ирландии в Англию, пока не будет гарантий, что Ирландия не окажется на грани голода.

Конноли призвал рабочий класс бороться за повышение заработной платы, выдвинув лозунг «Пусть платят богатые». Ряд выступлений рабочего класса прошел успешно. Так, рост цен в Белфасте, приведший к забастовкам, заставил предпринимателей уступить.

Однако не все в профсоюзном движении шло гладко. Вяло действовало местное отделение ИСТНР в Корке. Когда Конноли приехал туда с целью выступить на митинге, арендованный зал был заперт. В июне на дополнительных выборах в палату общин председатель дублинского совета тред-юнионов Т. Фаррен потерпел полное поражение.

Все лето и осень 1915 г. Конноли вел усиленную подготовку к предстоящей борьбе. Газета «Уоркерз рипаблик» все более откровенно призывала к восстанию. По предложению Конноли в залах Либерти-холл на музыкальных вечерах начали исполнять национальные, «мятежные» песни. На митингах Конноли выступал с резкими протестами против ареста Ш. Макдермотта и Шехи-Скеффингтона за участие в антимилиитаристской кампании.

Английское правительство, опираясь на билль «Об охране государства», принятый в начале войны парламентом страны, пошло на существенные ограничения гражданских свобод. В стране царил обстановка строжайшей цензуры. Английские власти запретили ввоз в Ирландию ряда американских изданий, поддерживающих позицию левых сил. Обыски, аресты, привлечение к суду, административные высылки за ведение антианглийской пропаганды стали повседневным явлением. На основе билля функционировали военные суды.

Конноли с возмущением писал о нарушении демократических свобод, завоеванных трудящимися на протяжении долгих лет упорной классовой борьбы: «Наше право на свободу печати больше не существует, право на свободу собраний — это ловушка, угрожающая тюрьмой, неприкосновенность жилища... постоянно нарушается, права профсоюзов уменьшаются, если вообще не исчезли, а все группировки правящего класса заставляют лидеров своих политических партий поддерживать друг друга против любой критики, раздающейся снизу»²⁰. В своих речах Конноли гневно критиковал политику английских властей. А 18 июля под его руководством был проведен крупнейший антивоенный митинг возле Либерти-холл.

Джеймс, внимательно следивший за судьбой английского рабочего движения, выступил в дублинском совете тред-юнионов с яркой речью, в которой приветствовал героическую борьбу горняков Южного Уэльса, сражавшихся за свои классовые интересы. В то же время Конноли подверг резкой критике враждебную делу английского рабочего движения позицию БКТ. Особенно резко он осудил выступления Бенна Тиллета и Джорджа Бариса на очередном съезде БКТ в сентябре, которые всецело поддержали политику правительства, выступив против профсоюзов, борющихся за повышение заработной платы.

Большое внимание Джеймс уделял укреплению Гражданской армии, формированию ее резерва. Все желающие сражаться в рядах армии получали специальную военную подготовку. Конноли внимательно изучал военное дело:

он опубликовал в «Уоркерз рипаблик» ряд статей, посвященных стратегии и тактике уличных боев, проблемам партизанских войн и народных восстаний. В связи с этим он обратился к революционным событиям во Франции 1830 и 1848 гг.

Джеймс подверг тщательному анализу ход и уроки Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. Он указал на слабые стороны восстания, а именно на «отсутствие помощи со стороны трудящихся других русских городов», на пассивность крестьянства, колебания вождей восстания по поводу его начала и арест его лидеров, что сделало «поражение восстания неизбежным». Дж. Конноли писал: «Оно (восстание.— Х. З.) доказало, что в борьбе против по-настоящему преданных делу революции людей даже профессиональные войска, оснащенные передовой техникой, находятся порой в крайне невыгодном положении». Далее он разъяснял, почему «применение царскими войсками артиллерии, было неграмотно, прежде всего с точки зрения военной науки»: во-первых, повстанцы могут захватить орудия; во-вторых, бомбежка наносит ущерб буржуазной собственности, которую правительственные войска обязаны защищать; в-третьих, применение артиллерии неизбежно поднимает моральный дух повстанцев, может привлечь на их сторону гражданское население²¹. Подобные выводы исходили из ошибочных посылок.

Накануне Дублинского восстания 1916 г. Конноли считал, что правящие круги не осмелятся применить артиллерию, поскольку это привело бы к огромным разрушениям. В этом-то и состояла одна из серьезных ошибок Конноли. Он недооценивал решимость господствующих классов защищать любыми способами существующий строй. Кроме того, опыт народных восстаний показывает также, что террор и насилие в отношении гражданского населения являются неотъемлемым элементом тактики буржуазии при подавлении восстаний, так как цель террора — запугать население, ослабить моральный дух повстанцев, а затем обвинить их в развязывании событий. Подобная тактика во многих случаях оправдывала себя.

ИГА постоянно испытывала недостаток в вооружении. Тем не менее уровень подготовки Гражданской армии был столь высок, что в военных соревнованиях в июне 1915 г., где ИГА участвовала вместе с волонтерами, лучшие места по строевой и огневой подготовке были завоеваны бойцами этой армии. Гражданская армия участвовала и в классовых сражениях. Когда в октябре

Бойцы ИГА возле Либерти-холл

1915 г. в ответ на забастовку докеров Дублинского порта, требующих повышения заработной платы, владельцы угольной компании пригрозили локаутом, ссылаясь на законы военного времени, Джеймс послал на пикетирование отряд Гражданской армии. Полиция не посмела его атаковать, и компания уступила.

В ходе подготовки к восстанию тайно, в здании Либерти-холл, изготовлялись бомбы. Большую помощь в этом оказывали девушки и женщины. Некоторые из членов ИГА, работавшие на заводах и незаконно выносившие взрывчатку, были уличены, арестованы и осуждены.

В конце 1915 г. Гражданская армия уже проводила маневры вокруг Дублинского замка, репетируя нападение на него. Английские власти пока смотрели на это сквозь пальцы. Конечно, они были бы не прочь покончить с Гражданской армией, взяв штурмом ее штаб-квартиру в Либерти-холл (по подсчетам военных специалистов, для этого потребовалось бы менее 1000 солдат)²², но слишком хорошо представляли себе всю рискованность этого мероприятия. Несмотря на небольшую численность ИГА, Лондон ясно понимал, что дело не кончилось бы чисто полицейскими акциями, что военные действия в

центре Дублина вызвали бы нежелательный для Англии международный резонанс.

Конноли продолжал настойчивые поиски средств в достижении единства между ИГА и волонтерами, но на пути к этому лежали значительные трудности. Лидеры умеренного крыла волонтеров во главе с Макнейлом (официальный глава волонтерского движения) настаивали на отсрочке восстания, предлагали подождать до окончания войны. Подобная позиция встретила резкую критику Конноли, который писал: «Английское правительство не будет ждать, пока планы революционеров созреют. Оно не для того в течение 700 лет удерживало в своих руках Ирландию, чтобы потерять ее... Вожди народа... разговорами о преждевременном восстании и намерении правительства спровоцировать нас... тянут время, что чревато опасными последствиями...»²³

Трудность заключения подобного союза состояла прежде всего в различном подходе к путям национального освобождения. Дж. Конноли выступал за «общенародное восстание под руководством рабочего класса», что предусматривало «пропаганду революционных идей и выработку социальной программы, которая привлекла бы народные массы»²⁴. Лидеры же волонтеров избегали принимать на себя конкретные обязательства и отрицательно относились к идее вовлечения широких масс в борьбу.

Конноли видел, что среди рядовых членов Ирландских волонтеров зреет недовольство своим руководством, что они верят в избавление своей страны от колониального ига. В октябре 1915 г. Джеймс обратился с письмом к исполнительному комитету Ирландских волонтеров: «Мы приглашаем Ирландских волонтеров сотрудничать с нами в целях использования обеими организациями всех своих ресурсов для достижения общей цели... Я предлагаю создать подкомитет из представителей организаций для обсуждения средств и путей и, если возможно, разработки плана совместных действий. Это дело очень важное и срочное»²⁵.

Волонтеры откликнулись на это предложение. В ноябре состоялись переговоры, на которых от Ирландских волонтеров присутствовали Макнейл, О'Коннор, Пирс и Макдермотт, а от ИКТ — Конноли, Форан и О'Брайен. К сожалению, они были безрезультатными. Тогда Дж. Конноли снова обратился к рядовым членам волонтеров, пытаясь таким образом оказать давление на их колеблющихся лидеров, но и эта акция ни к чему не привела.

Приближался важный этап в ирландской истории. Джеймс отчетливо понимал, что на повестке дня стоят проблемы осуществления национально-освободительной антиимпериалистической революции. В своих последних работах он выдвинул программу широких демократических преобразований, в которой вырисовывался облик будущей независимой страны²⁶. В программе предусматривалась национализация средств транспорта, промышленных предприятий, принадлежащих врагам республики, земель, «украденных у ирландского народа в прошлом и еще не возвращенных ему», военной промышленности. Дж. Конноли считал, что экспроприация собственности у представителей имущих классов, «бесстыдно продавшихся врагу», необходима и не вызовет возражений у стоящего во главе республики правительства.

Джеймс также указывал, что «первым обязательным условием свободной Ирландии» будет осуществление следующих мер: обеспечение полного контроля над всеми ресурсами, портами и гаванями; право беспрепятственного развития промышленности под эгидой государства; право самостоятельного проведения внешней политики, а также право издавать и совершенствовать законы в интересах нации и ее граждан. «Для свободы нации,— писал Дж. Конноли,— необходимы своя почта, телеграф, таможня и налоговое управление, своя валюта, своя армия... и законодательный суверенитет»²⁷.

В предложенной программе отсутствовало требование о немедленной и полной национализации всех средств производства и обмена, что говорило о тактической гибкости Дж. Конноли. Будучи сторонником привлечения к предстоящей борьбе широких народных масс, он не мог не учитывать интересы ближайших союзников пролетариата, не готовых к борьбе за социализм. Выдвинутая им программа свидетельствовала об умении, как говорил В. И. Ленин, «соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй»²⁸.

Ряд предложенных Дж. Конноли мероприятий выходил за рамки буржуазно-демократических революционных преобразований, поскольку их реализация предусматривала сосредоточение в руках государства командных высот в управлении экономикой. Последовательное осуществление этих мероприятий создало бы благоприятные условия для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и осуществления дальнейших коренных преобразований в стране. «В слу-

чае победы,—призывал Дж. Конноли бойцов ИГА,—не опускайте оружия, потому что те, с кем мы совместно боремся, могут отступить, когда наша цель еще не будет достигнута. Мы боремся за завоевание экономической и политической свободы»²⁹.

Весьма важным для понимания мировоззренческой позиции Джеймса Конноли является то, что выдвижение им этой программы свидетельствовало и об окончательном разрыве его с идеями анархо-синдикализма. В условиях зависимой страны вопрос о сломе старой государственной машины ассоциировался у Дж. Конноли с выводом о необходимости сокрушения всей системы английской колониальной администрации и создания нового национального государства. Преодолев негативное отношение к государству как к органу по управлению обществом, он выработал более правильный взгляд на роль государства в созидательном строительстве. Если раньше Дж. Конноли важнейшую функцию управления экономикой отводил профсоюзам, то теперь он подошел к выводу о необходимости использования народной государственной власти для управления экономикой и проведения демократических преобразований.

В своих последних работах Дж. Конноли еще раз подчеркнул мысль о ведущей роли революционной партии рабочего класса в борьбе за завоевание им политической власти. В январе 1916 г. в «Уоркерз рипаблик» он писал: «Признавая, что полное использование национальных ресурсов требует политической власти, мы предлагаем завоевать эту политическую власть, используя партию рабочего класса»³⁰.

«Разве я не прожил полную жизнь?»

16 января 1916 г. было достигнуто соглашение о совместных действиях Гражданской армии и ИРБ. Конноли стал членом Военного совета ИРБ, наметившего начало национального восстания на пасху, 23 апреля.

Джеймс Конноли страстно ждал всеобщего выступления сил ирландского национального освобождения. Предстоящая борьба за отделение Ирландии, во имя завоевания полной независимости родины занимала все его мысли и думы. «Для нас открылась блестящая возможность»³¹,— заявил он в речи 6 марта

И Конноли, и левые лидеры республиканцев надеялись, что совместное выступление ИГА и волонтеров побудит широкие массы ирландских трудящихся присоединиться к восстанию, которое станет сигналом к началу антиимпериалистической революции.

Подготовка к восстанию шла полным ходом. Основной проблемой было обеспечение повстанцев оружием. Волонтеры рассчитывали на известную помощь Германии, прежде всего боеприпасами, а возможно, и в виде десанта, сформированного из ирландских военнопленных. Стремясь использовать враждебность Германии к Англии, ирландские революционные националисты надеялись с помощью извне освободить страну от английского владычества. С этой целью была организована поездка Роджера Кейзмента — члена ИРБ в Берлин еще в ноябре 1914 г. Кроме того, предусматривалась посылка оружия и денег от ирландских фениев из Соединенных Штатов. Еще в начале войны они переслали волонтерам 20 тыс. ф. ст. Денежная помощь поступала и позднее. Так, в марте 1916 г. по призыву конвента ирландцев в Нью-Йорке начался сбор средств на оружие для повстанцев. Газетой «Галик Америкэн» за несколько месяцев было собрано 46 тыс. долл.³²

Вооружение бойцов было довольно пестрым: в их распоряжении находились охотничьи дробовики, спортивные ружья, финки, а также винтовки, револьверы и автоматические pistols, «добытые» в английских казармах. Не хватало пулеметов. Джеймс Конноли с целью найти выход из этого трудного положения поручил механикам ИГА изготовить упрощенный пулемет Льюиса, чтобы затем наладить его массовое производство в подвалах Либерти-холл. Поскольку подобные опыты были сопряжены с большим риском для изготовителей, производство пришлось прекратить.

Враги национально-освободительного движения видели в усилении антиимпериалистической борьбы «козны Германии», обвиняли его лидеров в антипатриотизме. 25 февраля полиция попыталась совершить налет на штаб-квартиру революционных сил. После этого инцидента здание Либерти-холл стало круглосуточно охраняться вооруженными членами ИГА.

17 марта, в день святого Патрика (ирландский национальный праздник), волонтеры устроили парады по всей стране, в которых участвовало 4500 человек. В Дублине вооруженные волонтеры в количестве 2500 человек прошли строем по площади Колледж-грин. Уличное движе-

ние было остановлено. В течение двух часов они маршировали под музыку своих волынок, проводили маневры, собрав множество сочувственно настроенных зрителей.

Повсюду чувствовалось брожение, революционная агитация поднимала боевой дух. Благодаря активной пропаганде Гэльской лиги и других прогрессивных националистических организа-

ций возрождались старые гэльские традиции, все чаще употреблялся гэльский язык, что раздражало английскую администрацию. Названия улиц Дублина, вывески на магазинах и в витринах, наименования товаров писались по-гэльски. Тон ирландских газет становился все решительнее. «Теперь или никогда!» — так призывала «Уоркерз рипаблик» покончить с врагом.

Пропагандируя идею восстания, Конноли продолжал активно противодействовать вербовке ирландцев в английскую армию. 26 марта на сцене Либерти-холл была поставлена его пьеса «Под чьим флагом?». В ней рассказывалось о молодом человеке, который сделал выбор между службой в британской армии и вступлением в ИРБ в пользу последней. За месяц до восстания в «Уоркерз рипаблик» Конноли писал: «Каждый ирландский мужчина и женщина, откликающиеся на их призывы (вербовщиков.— Х. З.), способствуют поражению... ирландского рабочего класса». На аргументы вербовщиков о том, что «траншеи безопаснее, чем дублинские трущобы», Конноли отвечал: «Мы еще увидим тот день, когда траншеи станут безопаснее любого из кварталов Дублина»³³. Нераспространение на Ирландию закона о воинской повинности явилось колоссальной заслугой левого крыла ирландского освободительного движения, революционно-пропагандистской деятельности Джеймса Конноли.

30 марта в Дублине состоялось многолюдное собрание протеста против арестов и ссылок некоторых организаторов волонтеров. На нем была принята резолюция, призывавшая ирландский народ объединиться для отпора репрессивным действиям английского правительства. По всей стране прокатилась волна бурных митингов

Флаг ИГА

и демонстраций, сопровождавшихся вооруженными столкновениями с полицией.

В ответ на это участились обыски и аресты, а также наказания за отказ говорить в официальных местах на английском языке. В Дублине полиция обнаружила и захватила склады с винтовками, пулеметами, динамитом и другими взрывчатыми веществами. Усилилась охрана английских казарм, так как пропажа ружей из них стала обычным явлением. В начале апреля в Дублине в одном из автомобилей было найдено несколько ящиков оружия с маркой «Сделано в США». Английские власти, предупрежденные агентами тайной полиции о готовящейся посылке большого количества оружия из Германии, усилили охрану побережья.

16 апреля над зданием Либерти-холл взвился зеленый флаг, символ независимой Ирландии, запрещенный английскими колониальными властями. Эта смелая акция вызвала тревогу умеренных деятелей тред-юнионов, в частности Фаррена. Выступая в тот день перед бойцами ИГА, Конноли взволнованно сообщил им о скором восстании. Но, несмотря на душевный подъем и желание сражаться до конца, Джеймс оставался реалистом. Отлично понимая всю масштабность и величие предстоящего события, он отнюдь не питал иллюзий относительно итогов борьбы и правильно подходил к оценке возможностей англичан организовать сопротивление. «Соотношение сил, — говорил Конноли, — тысяча к одному не в нашу пользу. Если мы победим, мы будем величайшими героями; но если мы потерпим поражение, мы заслужим величайшее презрение...»³⁴

Вооруженные отряды ИГА, несмотря на их небольшой удельный вес в общей численности повстанцев (они насчитывали 200 человек), олицетворяли собой ирландский рабочий класс с его чаяниями и стремлениями и вносили пролетарскую струю в общий ход развития антиимпериалистической борьбы. Участие ИГА под руководством испытанного рабочего лидера Джеймса Конноли придавало освободительной борьбе яркое революционное звучание.

В этот период Конноли сочинил одну из последних «Песен свободы». Написанная в духе боевого марша, она вселяла в бойцов ИГА бодрость и уверенность в победе:

Мы создали своими руками
Империю лордов-господ,
Нам казались они богами,
А ведь истинный бог — народ.

Теперь наконец мы прозрели
И, услышав рабочих призыв,
Подняться с колен мы сумели,
Как бури единой порыв.

Смелее в атаку, друзья, вперед!
Наш лозунг понятен и прост:
Пусть властвует миром рабочий народ
И счастье в труде обретет.

Джеймс писал о бойцах ИГА как о бесстрашных и преданных делу революции людях, которые «готовы по призыву сердца, выполняя долг, положить свои жизни за Ирландию, будучи уверенными в том, что их жертвы не напрасны...»³⁵. За этими словами стояли не просто красивые фразы. Конноли в этот ответственный момент сознавал, что отсутствие идейного и организационного единства в рядах волонтеров, а также нерешительность их правых лидеров могут нанести непоправимый вред движению. Ограниченность классовых интересов союзников Гражданской армии находилась в явном противоречии с далеко идущими программными требованиями вождя ИГА, нацеленными в конечном счете на установление Ирландской социалистической республики.

19 апреля, собрав офицеров Гражданской армии, Конноли сообщил им о дате восстания (23 апреля) и о том, что оно должно начаться одновременно во всех городах и графствах Ирландии. Значительное большинство рядового состава бойцов ИГА и волонтеров знали лишь об «очень важных маневрах», запланированных на пасхальный уик-энд. Их также предупредили, что отсутствие на маневрах будет рассматриваться как серьезное нарушение дисциплины. Всем бойцам было приказано иметь при себе трехдневный запас продовольствия.

Дублин в эти дни напоминал потревоженный улей. Слухи о готовящемся серьезном выступлении доходили до рядового состава. В оружейных лавках почти весь товар был распродан. Покупали фляги, патронташи, даже охотничьи ножи; говорили, что штыка не сыскать во всем Дублине. На мостовой перед Либерти-холл кучками собирались люди в темно-зеленых, с опущенными полями шляпах Гражданской армии, оживленно беседуя. Ближе к пасхе настроение всеобщего подъема и торжественности нарастало. По улицам неторопливо двигались по-праздничному одетые толпы людей. Из открытых дверей пивных доносились голоса, распевające «Песню солдата»:

Родной Ирландии солдаты мы,
И наши жизни ей посвящены...
Под рев орудий, под огнем
Мы за свободу в бой идем.

Английские власти по-своему готовились к этим событиям. Еще за неделю до начала восстания в руки волонтеров попал зашифрованный документ, в котором перечислялись меры, необходимые для подавления движения; предусматривались массовые обыски, поголовный арест всех членов руководящих органов Шин фейна, Ирландских волонтеров, Гэльской лиги и других прогрессивных организаций, захват штаб-квартир ведущих националистических и рабочих организаций. 19 апреля на заседании дублинского муниципалитета олдермен Томас Келли огласил этот документ.

Было ясно, что больше нельзя терять времени. Учитывая серьезность создавшегося положения, лидеры левого крыла волонтеров заторопились. За день до выступления члены исполнительного комитета Т. Кларк, П. Пирс и Ш. Макдермотт проинформировали номинального главу волонтеров и Э. Макнейла о начале выступления (лидеры правого крыла волонтеров не были посвящены в план восстания). Макнейла это известие настолько потрясло, что он начал умолять остановить «безумие». Тем не менее 22 апреля орган Ирландских волонтеров, возвестивший о завершении всех приготовлений, опубликовал приказ за подписью Макнейла быть готовыми к «весьма интересным маневрам на пасху».

Однако случилось непредвиденное. В субботу утром стало известно, что немецкое судно «Аут», шедшее под норвежским флагом с оружием для повстанцев, было задержано английским миноносцем. Судно пришлось взорвать. Роджер Кейзмент, высадившийся на побережье юго-западного графства Керри с подводной лодки, был тотчас арестован полицией и доставлен в казармы королевской ирландской полиции в Тролли, а оттуда в лондонскую тюрьму.

Это известие послужило предлогом для колеблющегося Макнейла помешать началу выступления. В субботу вечером он написал контрприказ об отмене маневров, который был разослан организациям волонтеров по всей стране, а утром в пасхальное воскресенье опубликован в газетах. Он также поручил Макдонагу, командующему дублинской бригадой, официально известить всех подчиненных ему людей об отмене мероприятий.

Конноли был в отчаянии. Он говорил, что отступление от намеченной цели — величайший позор для ирландских борцов, смуть который могло лишь разве землетрясение. Между тем по указанию Макнейла О'Рахилли (погиб во время восстания) объехал ряд городов и подтвердил приказ об отмене маневров.

В пять часов утра в воскресенье Дж. Конноли, П. Пирс и их единомышленники из левого крыла волонтеров (Ш. Макдермотт, Т. Макдонаг, И. Сеант, Дж. Планкетт, Т. Кларк) открыли заседание Совета в штаб-квартире ИГА. Лидеры волонтеров были в замешательстве. Тогда Конноли сделал заявление, сыгравшее решающую роль. «Если мы не будем драться сейчас, — заявил он, — то рухнет все, на что мы надеялись и чего ожидали»⁵⁶, добавив, что в случае отказа волонтеров от совместных действий Гражданская армия выступит одна.

В обстановке, когда губительная тактика правых лидеров движения внесла дезорганизацию в ряды волонтеров, откладывать начало выступления было невозможно. Конноли понимал, что рассчитывать на одновременность выступлений в городах и провинциях уже не приходится. Силы, на которые могли опереться повстанцы, уменьшились почти втрое. Нехватка оружия не позволяла вооружить массы. Власти же, зная о подготовке восстания, предпримут неизбежные контрмеры.

Действительно, как стало известно впоследствии, полковник Э. Джонстоун, главный комиссар дублинской полиции, предложил 23 апреля план, который был одобрен английскими властями, в том числе Невилем Чемберленом, тогда шефом генерального инспектора королевской ирландской полиции. Этот план предусматривал запрещение выпуска всех «подрывных изданий», арест 24 апреля в 14.00 республиканских лидеров и одновременно штурм их «крепости» — здания Либерти-холл. Предполагалось, что, обезглавив республиканцев, власти заставят разоружиться волонтеров и ИГА. Затем намечались повальные обыски в домах дублинцев с целью изъятия оружия.

Страстные выступления Конноли заставили лидеров левого крыла волонтеров преодолеть колебания и сомнения в верности избранного пути. После девятичасового заседания, окончившегося к двум часам дня, было принято решение начать восстание в понедельник, 24 апреля, в полдень. В предусмотренном ранее плане восстания пришлось срочно менять множество частных решений. Недостаток сил заставил отказаться от осуществления

важнейших задач: блокады подступов к городу, захвата артиллерийских позиций и орудий, взятия порта и затопления в реке Лиффи части судов (это преграждало путь английским кораблям к Дублину), штурм Дублинского замка, захвата телефонной станции, а также отказаться от попытки установить связь с другими очагами восстания, создать сплошную линию фронта. Таким образом, с самого начала вынужденно избиралась оборонительная тактика.

На заседании была написана Республиканская прокламация и намечен состав временного правительства, президентом которого избрали П. Пирса, а его заместителем и командиром дублинских подразделений Дж. Конноли. ИГА и Ирландские волонтеры объединялись под его руководством в Ирландскую республиканскую армию (ИРА).

Действия Макнейла нанесли огромный вред движению. В самый критический момент правые лидеры волонтеров встали на путь предательства, ослабив силы сопротивления, дав возможность английским властям использовать создавшуюся ситуацию для завершения подготовки контрудара по революционному движению. Замок торопился закончить составление списков лиц, подлежащих аресту; в понедельник из Лондона была получена телеграмма от министра по делам Ирландии Бирреля о немедленном разоружении волонтеров. Но повстанцы опередили врага, первыми начав сражение.

24 апреля был второй день пасхи. Яркое солнце щедро освещало знаменитые зеленые дублинские купола — монументальный купол таможни, узорчатый купол здания суда — Фор-кортс и маленький изящный куполок больницы Ротонда. Празднично одетые люди не спеша прогуливались по центральным улицам города.

В 10 часов утра трубач протрубил сбор, и начался парад волонтеров, не привлекший к себе особого внимания. Ровно в полдень отряд вооруженных людей в военной форме, во главе которого шли Пирс, Конноли, Кларк, Макдермотт и Планкетт, пересек Абби-стрит, свернул на О'Коннел-стрит, направляясь к колонне Нельсона и к Главному почтамту. Вокруг все было спокойно. Поравнявшись с фасадом Главного почтамта, отряд по команде Конноли внезапно окружил здание и занял его. Из окон посыпались разбитые стекла. Служащие почтамта были выведены через заднюю дверь. Над зданием на месте привычного британского флага взвились три знамени: в центре — яркий зеленый флаг с выведенной на нем золо-

POBLACHT NA H EIREANN.
THE PROVISIONAL GOVERNMENT
OF THE
IRISH REPUBLIC
TO THE PEOPLE OF IRELAND

IRISHMEN AND IRISHWOMEN: In the name of God and of the dead generations from which she receives her old tradition of nationhood, Ireland, through us, summons her children to her flag and strikes for her freedom.

Having organised and trained her manhood through her secret, revolutionary organisation, the Irish Republican Brotherhood, and through her open military organisations, the Irish Volunteers and the Irish Citizen Army, having patiently perfected her discipline, having resolutely waited for the right moment to reveal itself, she now seizes that moment, and, supported by her exiled children in America and by gallant allies in Europe, but relying in the first on her own strength, she strikes in full confidence of victory.

We declare the right of the people of Ireland to the ownership of Ireland, and to the unfettered control of Irish destinies to be sovereign and indisputable. The long usurpation of that right by a foreign people and government, has not extinguished the right, nor can it ever be extinguished except by the destruction of the Irish people. In every generation the Irish people have asserted their right to national freedom and sovereignty; six times during the past three hundred years they have asserted it in arms. Standing on that fundamental right and again asserting it in arms in the face of the world, we hereby proclaim the Irish Republic as a sovereign independent State, and we pledge our lives and the lives of our co-workers in arms to the cause of its freedom, of its welfare, and of its realisation among the nations.

The Irish Republic is entitled to, and hereby claims, the allegiance of every Irishman and Irishwoman. The Republic guarantees religious and civil liberty, equal rights and equal opportunities to all its citizens, and declares its resolve to pursue the happiness and prosperity of the whole nation and of all its parts, cherishing all the children of the nation equally, and oblivious of the differences carefully fostered by an alien government, which have divided a minority from the majority in the past.

Until our arms have brought the desperate moment for the establishment of a permanent National Government, representative of the whole people of Ireland and elected by the suffrages of all her men and women, the Provisional Government, hereby constituted, will administer the civil and military affairs of the Republic in trust for the people.

We place the cause of the Irish Republic under the protection of the Most High God, whose blessing we invoke upon our arms, and we pray that no one who serves that cause will dishonour it by cowardice, inhumanity, or treachery. In this desperate hour the Irish nation must, by its valour and discipline and by the readiness of its children to sacrifice themselves for the common good, prove itself worthy of the august destiny to which it is called.

Signed as Deputies of the Provisional Government,

THOMAS J. CLARKE.
SEAN Mac DIARADA. THOMAS MacDONAGH.
P. H. PEARSE. EAMONN CENNITT.
JAMES CONNOLLY. JOSEPH PLUNKETT.

THE PROCLAMATION OF THE IRISH REPUBLIC, 1916. (REVISED PAGES 106).

Прокламация временного правительства
Ирландской республики 1916 г.

тymi буквами надписью: «Ирландская республика», а по бокам — два трехцветных (зелено-бело-оранжевых) республиканских. Из парадного подъезда почтамта показалась группа офицеров. Ее возглавлял Пирс, глава временного правительства, в форме генерала ИРА. В руках он держал лист бумаги.

Падрайг Пирс начал читать: «Ирландцы и ирландки! Именем бога и ушедших поколений, передавших нам древние национальные традиции, Ирландия через наше посредство призывает своих детей под ее знамена на борьбу за свободу...» Притихшая толпа слушала его внимательно. Он продолжал: «Мы заявляем, что народ Ирландии имеет суверенное и неотъемлемое право вла-

деть богатствами страны и свободно распоряжаться ее судьбами»³⁷.

Прокламация обещала всем без исключения ирландцам религиозные и гражданские свободы, равные возможности и равные права во имя счастья и процветания ирландской нации.

После этого, как бы в подтверждение провозглашения свободной Ирландской республики, с противоположного берега реки Лиффи донеслись залпы орудий.

Джеймс был сильно взволнован. Он подошел к Пирсу и, обняв его, воскликнул: «Возблагодарим бога, Пирс, что мы дожили до этого дня!»³⁸

Так началось восстание, которое продолжалось шесть дней. Поскольку оно совпало с пасхальными праздниками, ирландский народ назвал его «красной пасхой». Эти до предела насыщенные, требовавшие колоссального морального и физического напряжения дни стали ярчайшей страницей в жизни Конноли. Он быстро разрешал возникавшие в ходе восстания вопросы, посылал людей в дозоры, на возведение баррикад, постоянно держал связь с другими командирами подразделений ИРА, поднимал моральный дух солдат, вселяя в них бодрость и уверенность в успехе борьбы за молодую республику. Мишель Коллинз, тогда молодой волонтер, позднее ставший героем англо-ирландской войны 1919—1921 гг., сказал о Конноли: «Он был воплощением решимости. Он потряс меня. Я бы пошел за ним в ад»³⁹.

Почтамт, превращенный в штаб-квартиру повстанцев, был специально укреплен. Особый отряд забаррикадировал его окна и двери мебелью и кипами бумаг. Вокруг почтамта срочно воздвигались три ряда укреплений.

Повстанцами почти без выстрела были захвачены три железнодорожные станции, здание городского муниципалитета, бисквитная фабрика Джекобса, мельница Боланда, здание складов, хирургический колледж и ряд других стратегических пунктов. Кроме того, они заняли множество отдельных пунктов и частных зданий, находящихся на перекрестках.

Через несколько часов после начала восстания центральная часть города, за исключением Дублинского замка, оказалась в руках повстанцев. Всего в активных действиях принимало участие около 2000 человек. Подразделения английской полиции и войск, в два раза превышавшие силы повстанцев в тот день, ждали новых подкреплений, чтобы перейти в наступление. Фельдмаршал лорд Френч, командующий войсками метрополии, срочно

отправил в Дублин две пехотные бригады и осадную артиллерию. Уже на следующий день, 25 апреля, во вторник, английское военное командование, захватившее инициативу в свои руки, блокировало город. Дублин и его окрестности были объявлены на военном положении. Военные действия приняли серьезный характер. Повстанцы храбро удерживали свои позиции.

26 апреля английская канонерка «Хельга» навесным огнем начала обстреливать из орудий Либерти-холл, затем порт и другие опорные пункты повстанцев. Правительственные войска сжимали кольцо окружения вокруг занятого повстанцами района, изолируя и подавляя поочередно очаги сопротивления. Восставшие яростно и ожесточенно сопротивлялись. Укрепившись в зданиях или за баррикадами, они давали войскам настоящие сражения.

В ночь с 27 на 28 апреля в результате обстрела города тяжелой артиллерией начался сильный пожар, который продолжался несколько дней. Более 200 домов были охвачены огнем.

27 апреля английское правительство объявило всю Ирландию на военном положении. Командующему войсками генералу Джону Максвеллу были даны неограниченные полномочия. Начавшиеся в провинциях выступления подавлялись с невероятной жестокостью. Тем не менее некоторые из них приобрели довольно широкий размах. Наиболее крупное выступление, возглавляемое революционером-демократом капитаном Меллоузом, произошло на западе Ирландии, в графстве Холлуэй.

Используя непрерывно подходящие подкрепления, английские войска начали захватывать опорные пункты повстанцев. Почтамт оказался фактически отрезанным от остальных очагов сопротивления. В этой, казалось бы, безнадежной ситуации Конноли не терял присутствия духа. Помогая бойцам держать оборону, Джеймс в четверг, 27 апреля, был дважды ранен, в руку и в ногу. Рана на ноге оказалась особенно опасной, требовалась срочная операция. Взятый в плен английский врач был поражен мужеством и колоссальным терпением человека, у которого сильные боли лишь на короткое время заглушались небольшими порциями морфия. Истекая кровью, он продолжал руководить обороной, оставаясь, по меткому выражению Пирса, «руководящим мозгом» повстанческих сил.

Конноли велел перенести себя на носилках к линии огня, чтобы своим личным примером воодушевлять бой-

В. Керни, участница
восстания 1916 г.

цов. Изолированные, засыпаемые градом снарядов и гранат повстанцы стояли на смерть. В эти критические минуты Конноли обратился к солдатам со словами: «...впервые за 700 лет в Дублине торжественно развеивается флаг свободной Ирландии. Британская армия, о подвигах которой нам постоянно твердили... охвачена страхом и, несмотря на артиллерию и пулеметы, боится идти в атаку или штурмовать наши позиции...

Никогда еще мужчины и женщины не имели перед собой более великой цели, никогда еще ни одна задача

не выполнялась с таким энтузиазмом»⁴⁰.

Повстанцы продолжали сопротивление. Среди них храбро сражался 15-летний сын Конноли Родерик. Дни и ночи напролет ухаживали за ранеными, не зная усталости, медицинские сестры Элизабет О'Фаррел и Джулия Греннан*. На их попечении находился и тяжело раненый Конноли. Но смелость и отвага повстанцев не могли компенсировать неравенства сторон. Англичане имели более чем десятикратное превосходство в силах.

В пятницу, 28 апреля, руководителям восстания стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Все близлежащие к почтамту сооружения были превращены в груды развалин. Массивные стены штаб-квартиры пока выдерживали артиллерийский обстрел, но оставаться там было небезопасно. В этих условиях командование сочло необходимым оставить почтамт и отходить на Моор-стриг. Последняя группа повстанцев из 20 человек, покидавшая почтамт, в составе которой были Пирс, Кларк, Планкетт, Макдермотт, Рахилли и Конноли (его несли на носилках), пыталась прорваться сквозь цепь английских войск, но безуспешно.

В субботу решено было сдаться. В 12.45 дня молодая девушка, Элизабет О'Фаррел, размахивая белым флагом, вышла из укрытий на Моор-стриг и направилась к ан-

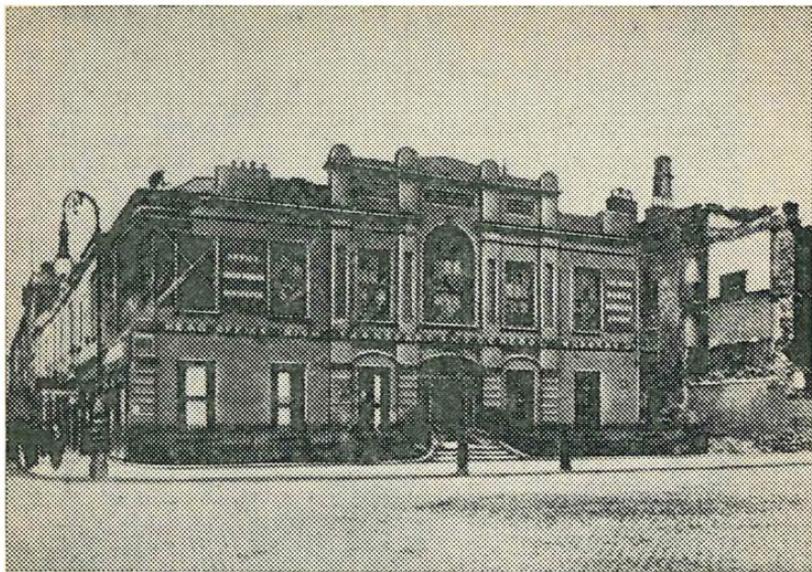
* В восстании участвовало 70 женщин в качестве поваров и сестер милосердия.

К. Маркевич в форме бойца ИГА

глийской баррикаде. С ней Пирс послал генералу Максвеллу запрос, на каких условиях тот примет сдачу. Английское командование ответило: «Сдача без условий».

В последнем приказе, подписанном Пирсом и Коннолли, сдача мотивировалась стремлением «спасти жизнь нашим сторонникам и избежать дальнейшего кровопролития» в условиях неравенства сил⁴¹. По иронии судьбы формальная капитуляция произошла в табачном магазине Тома Кларка на Парнелл-стрит, служившем много лет конспиративной квартирой ирландских революционеров из ИРБ. Самыми последними сложили оружие повстанцы, сражавшиеся в пригороде Дублина под командованием тогда молодого шинфейнера Имона де Валера, будущего президента Ирландской республики.

Либерти-холл после обстрела английской артиллерией, 1916 г.

После поражения восстания началась суровая расправа с его участниками. Тюрьмы были переполнены арестованными, полевые суды завалены работой. Руководителям восстания грозил расстрел.

Тяжело раненный Конноли был помещен в один из корпусов Дублинского замка в небольшую отдельную палату под усиленной охраной английских офицеров. Через неделю он перенес сложнейшую операцию.

Семья Конноли еще накануне восстания приехала из Белфаста и поселилась в окрестностях Дублина у друзей. Жена и дочери ничего не знали ни о ходе восстания, ни о судьбе Джеймса. Первые сведения о повстанцах появились в газетах только в четверг, на следующей неделе после подавления восстания. Газета «Дейли скетч» сообщила о подавлении мятежа, взятии штурмом Либерти-холл и казни Джеймса Конноли. Анна и Нора Конноли, съездившие в Дублин, привезли весть, которая показалась радостной: отец ранен и находится в Дублинском замке. Вся семья немедленно переехала в Дублин в дом Уильяма О'Брайена. Близкие неоднократно пытались навестить Джеймса, но им отказывали в свиданиях. Газеты были единственным источником, откуда они черпали сведения о состоянии здоровья отца, которые были весьма

неутешительными. Болезнь прогрессировала, шансов на выздоровление почти не оставалось.

Каждый день поступали сообщения о новых расправах с участниками восстания. По приговору военного трибунала были расстреляны П. Пирс, Т. Кларк, Т. Макдонаг, потом Э. Дали, М. О'Ханрахан, Вилли Пирс (скульптор, брат президента Ирландской республики), Дж. Планкетт, Д. Макбрайд, Имон Сеант, М. Маллин, Т. Кент и др.

Ирландская буржуазия увидела в восстании «акт неояльности», расценив его как «разбой и безумие». Газета Мэрфи «Индепендент» с такой яростью и злобой обрушилась на повстанцев, требуя казни Конноли, что Мэрфи даже обвиняли в стремлении, используя ситуацию, отомстить Конноли как руководителю ИСТНР.

Дублин стоял мрачный и траурный. В городе был введен комендантский час. С наступлением темноты запрещено было выходить на улицы, наружные двери и окна должны были быть закрыты, в домах запрещалось зажигать свет. Улицы патрулировались английскими солдатами, которые без предупреждения открывали огонь по запоздавшим прохожим, а также по освещенным окнам домов.

Только 8 мая жене Конноли Лилиан было разрешено навестить мужа, но при условии, что их встреча будет носить сугубо личный характер. Всякий намек на обсуждение политических вопросов был категорически запрещен. Свидание проходило в присутствии английского офицера.

На следующий день, 9 мая, Конноли предстал перед военно-полевым судом. Поскольку он был очень слаб, английские солдаты доставили его туда на кровати. Постыдное судилище над тяжело раненым ирландским патриотом вылилось в обвинительный акт против британского империализма и его жестокой колониальной политики.

В своем последнем слове на суде Конноли сказал, больше обращаясь к молодым борцам за свободу, нежели к английским палачам: «Мы выступили, чтобы разорвать связь между Ирландией и Британской империей и создать Ирландскую республику. Мы полагаем, что наш призыв, обращенный к ирландскому народу, был более благородным, чем все другие, с которыми к нему обращались во время этой войны и в связи с ней. Считаю, что британское правительство никогда не имело никаких прав на Ирландию, не имеет их теперь и не будет иметь впредь. Мы убеждены, что наличие в каждом поколении

ирландцев хотя бы маленькой горстки людей, готовых умереть за утверждение этой истины, раз и навсегда подтверждает, что управление Ирландии Англией — это узурпация, преступление»⁴².

В день суда жене Лилиан и дочери Норе было разрешено еще раз навестить Джеймса в Дублинском замке. Он, безусловно, не питал иллюзий относительно своего будущего, не рассчитывал на великодушие английских властей. Даже более — был уверен в том, что его казнят. Тем не менее выглядел бодрым, интересовался происходящими событиями, расспрашивал у родных про их дела и заботы. Узнав, что сын Родерик за участие в восстании восемь дней провел в тюрьме, сказал: «Он боролся за свою страну и, сражаясь за нее, попал в тюрьму, а ведь ему нет и шестнадцати. Он неплохо начал свою жизнь, не правда ли?»⁴³

Ночью 12 мая к дому О'Брайенов подъехал армейский грузовик. Английский офицер сказал разбуженным и взволнованным жене и детям: «Заключенный желает видеть свою жену и старшую дочь». В своих мемуарах Нора пишет, что мать не сразу поняла, в чем дело. Она надеялась, что англичане не станут расстреливать раненого. Но Норе стало ясно: пришел черед отца — все остальные руководители восстания были уже казнены. «Я понимала, — пишет Нора, — что если они (английские власти. — Х. З.) подвергли беззащитного пленного военному трибуналу, то не остановятся и перед убийством его».

Конноли встретил жену и дочь словами: «Впервые мне стало легче... впервые я крепко заснул сегодня вечером, а они разбудили меня в одиннадцать часов и сказали, что я должен умереть с восходом солнца»⁴⁴. Во время их короткой встречи Конноли был спокоен и мужествен. Прощаясь с дочерью, он передал ей клочок бумаги с текстом своего выступления на суде, надеясь, что его живое слово прорвется сквозь пелену лжи и донесет правду об истинных целях восставших.

На место казни во двор Килменгеймской военной тюрьмы Конноли принесли на носилках. Поскольку он не мог стоять — был очень слаб, его привязали к стулу. Он делал над собой последние усилия, чтобы не потерять сознание. Сопровождавший Конноли священник спросил, не хочет ли он помолиться за тех солдат, которые расстреляют его, на что Конноли ответил: «Я помолюсь за всех бесстрашных людей, честно выполняющих свой долг»⁴⁵. Это были его последние слова. Раздался залп.

Родственникам было отказано в выдаче тела. Оно было брошено в общую могилу и засыпано известью.

Кровавый террор, развязанный британскими властями, суровая расправа с лидерами восстания вызвали возмущение не только в Ирландии, но и в Англии, и в США. В письме, опубликованном в лондонской «Дейли ньюс» за два дня до расправы с Конноли, Бернард Шоу одним из первых выступил в защиту повстанцев. Вопреки официальной версии о связи восстания с «германской интригой» он назвал борьбу ирландских патриотов за независимость страны «честной во всем». «Расправа с восставшими,— писал современник событий, английский историк-коммунист Т. А. Джексон,—оскорбила совесть страны»⁴⁶. Им были организованы митинги протеста в Лидсе и Бирмингеме.

Казнь Джеймса Конноли произвела потрясающее впечатление на общественное мнение страны. Она еще раз показала истинное лицо английских колонизаторов, надеявшихся жестокой расправой с ирландским революционером подавить дальнейший рост национально-освободительного движения.

Казнь Дж. Конноли послужила толчком для решительного протеста прогрессивных сил против непрекращающегося террора в Ирландии. Член палаты общин британского парламента Лоуренс Джиннел послал запрос правительству относительно правомерности расстрела тяжело раненного военнопленного, гневно осудив этот акт и назвав его убийством.

Представители различных рабочих организаций Америки в своих резолюциях призвали президента Вильсона и госдепартамент потребовать от британского правительства остановить «милитаристское судилище в Дублине». Детройтская «Лейбор ньюс» обратилась к профсоюзам США с предложением послать протест английским властям по поводу «гносного кровопролития, учиненного юнионистами». Кроме того, газета писала: «Ирландия и ирландские рабочие вселили надежду и вдохновение в рабочих всех стран, вовлеченных в гибельное самоуничтожение в Европе»⁴⁷.

Либеральные общественные круги в США начали активно выступать против жесткой политики Великобритании в Ирландии. Это встревожило английские правящие круги, давно уже добивавшиеся военного союза с США и вступления Америки в войну с Германией. Премьер-министр Великобритании Асквит в связи с ростом протеста против массовых репрессий в Ирландии отдал распо-

ряжение генералу Максвеллу, командующему войсками в Дублине, прекратить расстрелы захваченных в плен участников восстания. 11 мая он выступил в парламенте с заявлением, по сути признавая, что «существовавшая до сих пор система правления в Ирландии полностью провалилась»⁴⁸.

Министр по делам Ирландии Бирелл и многие другие должностные лица вынуждены были подать в отставку. Уступая общественному мнению, правительство 18 мая назначило специальную королевскую комиссию по расследованию действий английских властей в Ирландии во время восстания. Несмотря на пристрастный характер деятельности этой комиссии и на ее стремление оправдать суровые репрессии, было все же отмечено, что английские войска допускали «варварские действия» во время подавления восстания, вызвавшие большие жертвы среди мирного населения (более 3000 человек были убиты или ранены). Дополнительные расследования проводились с участием Асквита и главнокомандующего английской армией лорда Китченера.

Докладывая в палате общин о результатах расследования, Асквит признал, что «в ходе боевых действий были убиты люди, не принимавшие участия в восстании». Однако, добавил он, «невозможно привлечь к ответственности за это» английских солдат, ибо комиссия не смогла установить имена виновных⁴⁹.

Общественная реакция на чинимые властями кровавые расправы содействовала тому, что из 3 тыс. арестованных к 1 июля мужчин и женщин около 1200 были освобождены без суда. Но 1800 человек продолжали томиться в английских тюрьмах. Среди них находились соратники Дж. Конноли — Констанция Маркевич, В. Керни, У. О'Брайен, Мишель Коллинз, И. де Валера и др. Ирландская общественность негодовала, так как далеко не все из арестованных принимали активное участие в восстании, а были просто убежденными пацифистами. Однако пребывание в английских тюрьмах стало своеобразной школой идейного воспитания и способствовало дальнейшему формированию их революционных убеждений. Многие из них стали впоследствии видными деятелями ирландской республиканской армии, заняли руководящие посты в ирландском свободном государстве.

Восстание, хотя и закончившееся поражением ирландских патриотов, способствовало росту национального самосознания, вовлечению в борьбу широких народных масс. «После крушения восстания,— пишет очевидец со-

бытий,— нельзя было найти и одного ирландца на две тысячи, который имел бы те же самые убеждения, что до роковой пасхальной недели; всем стало ясно, что отныне ирландская политика... не может быть больше тем, чем она была до сих пор»⁵⁰. «Красная пасха» явилась необходимой предпосылкой, подготовившей сотни тысяч ирландцев к решению насущных национальных задач. Имена лидеров восстания стали приобретать большую популярность. «Люди, которые никогда не слышали о Пирсе и Конноли при их жизни, теперь были полны желания узнать побольше о них самих, об их принципах...»⁵¹

Английская социал-демократия проявила потрясающее равнодушие к событиям в Дублине и их трагическому исходу: ведь по решению английского коалиционного кабинета, куда входил и лидер лейбористской партии А. Гендерсон, Дж. Конноли был отдан под суд и приговорен к смертной казни. Деятели лейбористской партии, являясь шовинистами, расценили восстание как «удар в спину». Конференция НРП в Ньюкастле тенденциозно констатировала, что восстание было «таким же милитаристским, как и его лидер Джеймс Конноли»⁵². Английские социалисты бездоказательно обвинили Дж. Конноли в отказе от социалистического учения и переходе его на буржуазно-националистические позиции. Их негативное отношение к восстанию и участию в нем лидера рабочего класса стало логическим завершением отмеченного еще К. Марксом и Ф. Энгельсом отхода английских социалистов от интернационалистской политики в отношении Ирландии, показателем их перехода на позиции социал-шовинизма. Недалеко от них ушли и некоторые деятели из Циммервальдской левой, в своем печатном органе охарактеризовавшие восстание лишь как «путч» и продукт «заговора», не имеющего массовых корней.

Показательно, что за несколько дней до казни Джеймс Конноли, прикованный к постели, с трудом преодолевая боль и уже зная о смертном приговоре, попросил дать ему «любые социалистические газеты». Прочитав их, он сказал своей жене Лилиан: «Социалисты никогда не поймут, почему я нахожусь здесь...»⁵³

Но Дж. Конноли ошибся. Он был понят. Его современник гениальный теоретик и практик социалистической революции, вождь мирового пролетариата В. И. Ленин решительно выступил на стороне ирландских патриотов, назвав восстание 1916 г. героическим, подготовленным всем ходом ирландской истории. В. И. Ленин подверг критике тех, кто попытался изобразить дублинские собы-

тия лишь как «путч», расценив подобную трактовку восстания «чудовищной по своему доктринерству и педантизму»⁵⁴. Трагедией для освободительных сил Ирландии явилось то, что кризис в этой стране в силу особенностей ее положения как «белой колонии» вызрел раньше, чем начался революционный подъем в большинстве воюющих стран, что и обрекло восстание на поражение. «Несчастье ирландцев в том, что они восстали несвоевременно,— когда европейское восстание пролетариата *еще* не созрело»⁵⁵,— писал В. И. Ленин. На встрече с ирландскими республиканцами в Лондоне в 1919 г. М. М. Литвинов сказал, что работы Дж. Конноли хорошо известны Ленину и другим деятелям партии большевиков. Принимая представителей ирландских тред-юнионов. Ленин тепло отозвался о Конноли, охарактеризовав его как выдающегося человека⁵⁶.

Ирландское восстание 1916 г. явилось мощным детонатором для развертывания всенародной национально-освободительной революции, в основном уничтожившей более чем 700-летнее господство английских колонизаторов. Выдающийся пролетарский лидер, руководитель восстания Джеймс Конноли, отдавший жизнь за свободу и счастье своего народа, как бы подводя итог своей деятельности, вправе был сказать: «Разве я не прожил полную жизнь и разве это не достойное для нее завершение?»⁵⁷

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Джеймс Конноли героически погиб в 48 лет. Жизнь его оборвалась, когда он был полон сил и энергии. Память ирландского народа навеки сохранила образ нестигаемого борца за дело рабочего класса, мужественного патриота-революционера.

Джеймс Конноли внес значительный вклад в развитие рабочего движения Шотландии. Бурная деятельность его в рабочих организациях Соединенных Штатов Америки оставила яркий след в истории рабочего и социалистического движения и этой страны. Но наибольшую историческую значимость имеет дело Конноли для Ирландии.

Активный пропагандист марксизма, он много сделал для воспитания ирландских рабочих в духе классовой борьбы и подготовки их в союзе с другими демократическими силами к свершению национально-освободительной революции в стране. Джеймс Конноли стал первым ирландским социалистом, выступавшим за соединение борьбы за национальную независимость с борьбой за социалистическое будущее своего народа.

Колоссальная практическая и организаторская работа Дж. Конноли сочеталась с напряженной теоретической деятельностью и неустанным творческим поиском. Ему принадлежит большая заслуга в разработке важнейших вопросов стратегии и тактики ирландского рабочего класса в национально-освободительной борьбе, например о союзниках пролетариата, о необходимости создания широкого фронта демократических сил в антиимпериалистической борьбе, о соотношении национальных и интернациональных задач рабочего класса, о сочетании мирных и немирных форм борьбы, об отношении к участию социалистов в буржуазном парламенте и т. д.

В годы первой мировой войны Конноли выдвинул идеи, созвучные ленинским, о превращении войны империалистической в национально-освободительную и о роли национально-освободительных движений в революционном преобразовании мира.

Джеймс Конноли прошел сложный путь идейного развития и самосовершенствования. Здесь было и увлечение анархо-синдикализмом, и сектантские заблуждения. Но все это было отброшено им в ходе практической революционной деятельности. Умение Конноли не только отстаивать свои позиции, но и соразмерять их с велением времени, отказываясь от несостоятельных, ошибочных

положений, характеризует его как незаурядного пролетарского лидера, стремящегося вникнуть в суть событий.

Конноли творчески подходил к проблемам общественного развития прежде всего своей страны. При этом надо учитывать, что он был оторван от эпицентра революционных идей. Самостоятельно, в процессе суровой классовой борьбы Конноли сумел поставить на повестку дня вопросы, волновавшие его современников, и попытаться решить их в революционном духе. Ряд положений, высказанных Конноли, представляли собой гениальные догадки, не получившие полного развития в его трудах, не сформулированные в виде целостной теории. Так, например, Конноли уловил основную тенденцию развития государственно-монополистического капитализма, рельефно проявившуюся в годы первой мировой войны. Он вплотную подошел к проблеме неокOLONIALИЗМА, связанной с возникновением новых форм эксплуатации колоний и зависимых стран в эпоху империализма.

Но наиболее ярко незаурядные способности Конноли проявились во время Дублинского восстания 1916 г., явившегося первым ударом по империализму в ходе мировой войны. Оно стало отправной точкой освободительного движения ирландского народа. Конноли стал символом непреклонной воли и мужества для всех последующих борцов за независимость.

Национально-освободительная революция 1919—1923 гг. в Ирландии покончила с всевластием метрополии, однако шесть северных графств Ольстера с населением 1,5 млн. человек остались в составе Соединенного Королевства в качестве «автономной провинции». Предвидение Конноли того, что раздел Ольстера будет использован реакцией Севера и Юга в своих интересах, а также «расколет рабочее движение и парализует все прогрессивные движения», сбылось¹. Впоследствии в материалах КПИ в связи с этим отмечалось: «В результате погромов на Севере и гражданской войны на Юге юнионистам и национальной буржуазии удалось упрочить свои позиции в обоих государствах. Навязанное Британией в 20-х гг. решение проблем не принесло мира стране, и экономическое развитие обоих районов поддерживалось на уровне, отвечавшем требованиям британского монополистического капитализма»².

Созданная в 1933 г. Компартия Ирландии сохранила верность революционным идеям Конноли. Еще в первом программном документе КПИ «Путь Ирландии к свободе» говорилось о необходимости для ирландского рабоче-

го класса следовать заветам Джеймса Конноли и завершить дело борьбы за национальное и социальное освобождение страны, начатое им³.

В 1939 г. в Лондоне была создана Ассоциация Конноли — «организация ирландских иммигрантов и их друзей в Великобритании», ставившая своей целью достижение воссоединения Ирландии и установление единой независимой республики. Печатный орган Ассоциации Конноли «Айриш демократ» и по сей день ведет большую пропагандистскую работу, призывая привлечь демократические силы страны «на сторону национального дела ирландцев»⁴.

Рабочий класс страны, сохраняя верность заветам Конноли, продолжает его традиции пролетарской солидарности. В ответ на фашистский путч в Испании в 1936 г. левыми силами был создан комитет «Ирландские друзья Испанской республике», который вел большую работу по оказанию помощи продовольствием и медикаментами испанским патриотам. В декабре 1936 г. первая группа ирландских интернационалистов выехала в Испанию. Большинство добровольцев, вошедших затем в «Колонну Конноли», были коммунистами и активными участниками ирландского республиканского движения. В ее составе находился молодой коммунист, ныне Председатель КПИ Майкл О'Риордан. Из 146 ирландцев, сражавшихся за республику, 61 отдали ей свою жизнь⁵.

В 60—70-х годах в связи с обострением североирландской проблемы имена и идеи вождей Дублинского восстания получили очередной «заряд энергии». Борьба угнетенного населения Северной Ирландии за гражданские права, против репрессивных законов, политической, религиозной и расовой дискриминации, приведшая к массовым жертвам, вскрыла неспособность правящих кругов к преодолению кризиса. Празднование 50-летнего юбилея восстания 1916 г., пишет прогрессивный общественный деятель Ирландии, левый лейборист Лиэм де Пеа, «...вновь привлекло внимание к выдержавшим испытание временем идеям 1916 года, а именно идеям Конноли, и вызвало живой интерес к ним среди молодежи и на Севере и на Юге Ирландии»⁶.

В документах КПИ особо отмечается значение идей и теоретических положений, высказанных Дж. Конноли, для развития рабочего и коммунистического движения Ирландии. Основной акцент был сделан на его вкладе в разработку концепции о роли и исторической миссии ирландского рабочего класса в борьбе за национальное и

социальное освобождение страны. Подчеркивалось, что «ирландские коммунисты никогда не отступали от верности идеям социализма и рабочего класса» и всегда руководствовались в своей борьбе заветами Дж. Конноли⁷. Продолжая следовать революционным традициям Дж. Конноли, ирландские коммунисты видят свою задачу в том, чтобы связать борьбу за национальное воссоединение Ирландии с борьбой за социальное освобождение ее народа. «Объединение страны должно сопровождаться ликвидацией британского засилья во всех сферах жизни»⁸. Успех антиимпериалистической борьбы во многом зависит от эффективности работы коммунистов в рабочих массах, профсоюзном движении, а также их борьбы за интересы молодежи, женщин и других групп населения.

Как отмечалось на XVIII съезде КПИ, проходившем в мае 1982 г. в здании крупнейшего профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих Либерти-холл, «долг партии — возглавить массовое движение трудящихся против безработицы, дороговизны, налогового гнета, наступления имущих классов на социальные завоевания народа. Чтобы успешно решить эту задачу, необходимо заботиться о росте рядов партии, повышать уровень идеологической и организационной работы, расширять партийную печать»⁹.

Ирландский комсомол, носящий имя Дж. Конноли, поддерживает все инициативы КПИ и вносит свою лепту в общее дело сплочения всех патриотических сил страны, создания единого демократического фронта в антиимпериалистической борьбе. На XVIII съезде КПИ в связи с этим подчеркивалось, что молодежное движение Конноли — молодежная организация Коммунистической партии Ирландии. Ее задача — привлечь молодежь к борьбе за социализм в Ирландии, приобщить ее к марксистско-ленинской идеологии.

И в наши дни, спустя более шести десятилетий после трагической гибели Дж. Конноли, его идеи о путях преодоления религиозной розни среди ирландского рабочего класса, о необходимости завоевания единства в его рядах и заключения прочного интернационального союза между ирландским и английским рабочим движением звучат свежо и актуально. Они сохраняют свою притягательность для тех, кому дороги интересы ирландского народа, для тех, кто борется за мир, демократию и социальный прогресс.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

¹ *Керженцев П.* Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936; *Зубок Л. И.* Дж. Конноли и ирландское восстание 1916 г.— В кн.: Труды Московского института истории, философии и литературы, т. II. М., 1938; *Черняк Е. Б.* Дублинская стачка 1913 г.— В кн.: Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 3. М., 1957; *Колпаков А. Д.* Общественно-политические взгляды Конноли.— В кн.: Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1957; *его же.* Ирландия на пути к революции. 1900—1918 гг. М., 1976; *Орлова М. Е.* Из истории распространения марксизма в Ирландии.— В кн.: Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1963; *ее же.* Рабочее движение Ирландии и Великобритании: проблемы сотрудничества и взаимодействия (конец XIX—70-е годы XX в.).— В кн.: Рабочее движение Великобритании: национальная и расовая проблемы. М., 1982; *Туполева Л. Ф.* Джеймс Конноли и образование Ирландской социалистической республиканской партии.— В кн.: Проблемы британской истории. М., 1980; *ее же.* Дж. Конноли и газета «Workers' Republic» (1898—1903).— В кн.: Проблемы британской истории. М., 1982; *Полякова Е. Ю.* Ольстер: истоки трагедии. М., 1982.

² *Мэрдок А.* Алое и зеленое. М., 1968.

³ *Планкетт Дж.* Взбаламученный город. М., 1974.

⁴ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly. London, 1971; *Reeve C., Reeve A. B.* James Connolly and the United States. The Road to the 1916 Irish Rebellion. New Jersey, 1978.

⁵ *MacLysaght E.* Larkin, Connolly and the Labour Movement.— In: Leaders and Men of the Easter Rising: Dublin 1916. New York, 1967; *Kee R.* The Green Flag. A History of Irish Nationalism. London, 1972; *Rumpf E., Hepburn A. C.* Nationalism and Socialism in Twentieth Century Ireland. Liverpool, 1977; *Edwards R. D.* James Connolly. Dublin, 1981.

Глава I

¹ См.: *Конноли Дж.* Рабочий класс в истории Ирландии. Отвоение Ирландии. М., 1969, с. 202.

² *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 19.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 440.

⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 64.

⁵ *Connolly J.* Labour and Easter Week. Dublin, 1949, p. 37.

⁶ Цит. по: Рабочее движение Великобритании XIX—XX вв. М., 1979, с. 106.

⁷ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 32.

⁸ *Connolly J.* Socialism and Nationalism. Dublin, 1948, p. 33.

⁹ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 63.

¹⁰ *Ibid.*, p. 62.

¹¹ *Ibid.*, p. 69—70.

¹² Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1958, с. 144.

¹³ Karl Marx and Frederic Engels: Ireland and the Irish Question. New York, 1972, p. 13 (Foreword.).

¹⁴ См.: Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 3, 1957, с. 226.

¹⁵ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 28.

¹⁶ *Конноли Дж.* Указ. соч., с. 239, 241, 245, 260.

¹⁷ *Macardle D.* The Irish Republic. London, 1968, p. 69.

¹⁸ См.: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции, с. 139.

¹⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 400—404.

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 76.

²¹ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 7.

²² *Ibid.*, p. 11.

²³ *Ibid.*, p. 25.

²⁴ *Ibid.*, p. 185.

²⁵ *Ibid.*, p. 6.

²⁶ *Ibid.*, p. 29—30.

²⁷ *Ibid.*, p. 56.

²⁸ *Ibid.*, p. 65.

²⁹ *Ibid.*, p. 22.

³⁰ *Ibid.*, p. 193.

³¹ *Ryan D.* James Connolly. His Life, Work and Writings. Dublin, 1924, p. 24.

³² *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 59.

³³ *Levenson L.* A Biography of James Connolly. Socialist, Patriot and Martyr. New York, 1977, p. 53.

³⁴ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 30.

³⁵ *Ibid.*, p. 26.

³⁶ *Ibid.*, p. 31.

³⁷ *Ibid.*, p. 53.

³⁸ *Connolly J.* Labour and Easter Week, p. 28.

³⁹ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 185—186.

⁴⁰ *Edwards R. D.* Op. cit.

⁴¹ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 24, 26—27.

⁴² *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 104.

⁴³ *Ibid.*, p. 109.

⁴⁴ *Boyle J. W.* (ed.). Leaders and Workers. Cork, [s.a.], p. 71.

⁴⁵ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 16.

⁴⁶ *Connolly J.* Labour and Easter Week, p. 30.

⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 400.

⁴⁸ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 35.

⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 379—380.

⁵⁰ *Reeve C., Reeve A. B.* Op. cit., p. 45—46.

⁵¹ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 137.

⁵² *Reeve C., Reeve A. B.* Op. cit., p. 35.

⁵³ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 152.

⁵⁴ *Reeve C., Reeve A. B.* Op. cit., p. 43.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 35.

⁵⁶ *Levenson S.* Op. cit., p. 75.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 100—101.

⁵⁸ *Ryan D.* Op. cit., p. 21.

Глава II

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 365.

² *Wittke C.* The Irish in America. Baton Rouge, 1956, p. 216.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 463.

- ⁴ Керженцев П. Указ. соч., с. 70.
- ⁵ Wittke С. Ор. cit., p. 216.
- ⁶ Цит. по: Богина Ш. А. Иммигрантское население США. 1865—1900 гг. Л., 1976, с. 197.
- ⁷ Флинн Э. Г. Своими словами. Жизнь бунтарки. М., 1962, с. 15—16.
- ⁸ Connolly J. Socialism and Nationalism, p. 5.
- ⁹ Де-Леон Д. Избранные произведения. М.—Л., 1932, с. 18.
- ¹⁰ Цит. по: Зубок Л. И. Очерки истории рабочего движения в США. М., 1962, с. 243.
- ¹¹ Greaves D. The Life and Times of James Connolly, p. 175.
- ¹² Фостер У. Банкротство классового сотрудничества в Америке. Ростов-на-Дону — Москва, 1923, с. 30.
- ¹³ Edwards R. D. Ор. cit., p. 50.
- ¹⁴ См.: Шлепаков А. Н. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966, с. 117.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 200.
- ¹⁶ Флинн Э. Г. Указ. соч., с. 75—76.
- ¹⁷ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 82.
- ¹⁸ Флинн Э. Г. Указ. соч., с. 76.
- ¹⁹ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 132.
- ²⁰ Ibid., p. 109.
- ²¹ Зубок Л. И. Указ. соч., с. 389.
- ²² См.: Фонер Ф. С. История рабочего движения в США, т. IV. М., 1969, с. 51.
- ²³ Там же, с. 56.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 45.
- ²⁵ Connolly J. Socialism Made Easy. Chicago, 1909, p. 45.
- ²⁶ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 152.
- ²⁷ Connolly J. The Axe to the Root and Old Wine in New Bottles. Dublin, 1934, p. 27.
- ²⁸ Ibid., p. 26.
- ²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 87—88.
- ³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 120, 122.
- ³¹ Цит. по: Фонер Ф. С. Указ. соч., с. 89.
- ³² См. там же, с. 92.
- ³³ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 139.
- ³⁴ Edwards R. D. Ор. cit., p. 67.
- ³⁵ См.: Зубок Л. И. Указ. соч., с. 486.
- ³⁶ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 203.
- ³⁷ Greaves D. The Life and Times of James Connolly, p. 184—185.
- ³⁸ Коннолли Дж. Указ. соч., с. 32—33.
- ³⁹ Там же, с. 33.
- ⁴⁰ Там же, с. 39.
- ⁴¹ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 168.
- ⁴² Там же, с. 40.
- ⁴³ Там же, с. 59.
- ⁴⁴ Там же, с. 124, 126.
- ⁴⁵ Там же, с. 207.
- ⁴⁶ Там же, с. 38, 208.
- ⁴⁷ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 176.
- ⁴⁸ Флинн Э. Г. Указ. соч., с. 77.
- ⁴⁹ Там же, с. 78.
- ⁵⁰ Connolly J. Socialism and Nationalism, p. 187.
- ⁵¹ Greaves D. The Life and Times of James Connolly, p. 225.
- ⁵² Connolly J. Socialism and Nationalism, p. 45.
- ⁵³ Reeve С., Reeve A. B. Ор. cit., p. 144.

- ⁵⁴ Ibid., p. 89—90.
⁵⁵ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 87—90.
⁵⁶ *Флинн Э. Г.* Указ. соч., с. 128—129.
⁵⁷ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 251.
⁵⁸ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 79.
⁵⁹ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 259.
⁶⁰ *Van Voris J.* Constance de Markievicz in the Cause of Ireland. Amberst, 1967, p. 82.

Глава III

- ¹ *Edwards R. D.* Op. cit., p. 88.
² См.: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции, с. 154.
³ *Конноли Дж.* Указ. соч., с. 219.
⁴ Там же, с. 277.
⁵ Там же, с. 219.
⁶ Там же.
⁷ Там же, с. 104.
⁸ Там же, с. 103.
⁹ Там же, с. 264.
¹⁰ Там же.
¹¹ Там же, с. 263.
¹² Там же, с. 261.
¹³ См.: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции, с. 88, 89.
¹⁴ *Конноли Дж.* Указ. соч., с. 256.
¹⁵ *Boyle J. W.* Op. cit., p. 64—65.
¹⁶ *Ryan D.* Op. cit., p. 48.
¹⁷ Ibid., p. 50—51.
¹⁸ Ibid., p. 54—55.
¹⁹ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 73.
²⁰ *Edwards R. D.* Op. cit., p. 94—95.
²¹ *Levenson S.* Op. cit., p. 210.
²² *Barritt D. P., Booth A.* Orange and Green Westmorland, 1972,
 p. 12.
²³ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 296.
²⁴ *Connolly J.* Labour, Nationalism and Religion. Dublin, 1962.
²⁵ *Конноли Дж.* Указ. соч., с. 270.
²⁶ См. там же, с. 273, 274, 272.
²⁷ См. там же, с. 275.
²⁸ См.: Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 3, с. 237.
²⁹ *Конноли Дж.* Указ. соч., с. 241.
³⁰ Там же, с. 252—254.
³¹ *Fox R. M.* Jim Larkin. The Rise of the Underman. London, 1957,
 p. 82.
³² *Fox R. M.* The History of the Irish Citizen Army. Dublin, 1944,
 p. 54.
³³ Ibid., p. 6—7.
³⁴ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 309.
³⁵ *Edwards R. D.* Op. cit., p. 105.
³⁶ *Ryan D.* Op. cit., p. 68.
³⁷ Цит. по: Ученые записки по новой и новейшей истории Института истории АН СССР, вып. 3, с. 239.
³⁸ *Connolly J.* Socialism and Nationalism, p. 92—93.
³⁹ *Connolly J.* Labour and Easter Week, p. 91.
⁴⁰ Ibidem.
⁴¹ *Greaves D.* The Life and Times of James Connolly, p. 322.

- ⁴² *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 37.
⁴³ *Greaves D. The Life and Times of James Connolly*, p. 333.
⁴⁴ *Ryan D. Op. cit.*, p. 70.
⁴⁵ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 23, с. 403, 401—402.
⁴⁶ *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 107—108, 109.
⁴⁷ *Ibid.*, p. 111.
⁴⁸ *Ibid.*, p. 112, 114.
⁴⁹ *Ibid.*, p. 117—118.
⁵⁰ *Ibid.*, p. 121—122.
⁵¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 74.

Глава IV

- ¹ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 42.
² В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 140—141.
³ *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 144.
⁴ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 46.
⁵ *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 130.
⁶ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 57—58.
⁷ *Ibid.*, p. 49.
⁸ *Ibid.*, p. 41—42.
⁹ *Ibid.*, p. 39.
¹⁰ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 464.
¹¹ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 139.
¹² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 30, с. 55.
¹³ *Connolly J. Socialism and War*. London, 1941, p. 36.
¹⁴ *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 210—211.
¹⁵ *Jackson M. A. Ireland her Own. An Outline History of the Irish Struggle*. London, 1971, p. 388.
¹⁶ *Connolly J. Socialism and Nationalism*, p. 162—166.
¹⁷ *Ibid.*, p. 169.
¹⁸ *Reminiscences of William O'Brien as Told to Edward MacLysaght. Forth the Banners Go*. Dublin, 1969, p. 123.
¹⁹ *Connolly J. Socialism and War*, p. 96.
²⁰ *Ibid.*, p. 88.
²¹ *Connolly J. Moscow Insurrection of 1905*. — In: *Revolutionary Warfare*. Dublin, 1968, p. 6—7.
²² *Fox R. M. The History of the Irish Citizen Army*, p. 103.
²³ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 103.
²⁴ *Greaves D. The Life and Times of James Connolly*, p. 307.
²⁵ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 134, 8.
²⁶ См. работы: *Connolly J. Economic Conspiration*. Pt I, II. What is a Free Nation? What is our Programme. — In: *Labour and Easter Week; Connolly J. Programme of Labour*. — In: *Workers' Republic*.
²⁷ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 145.
²⁸ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 49, с. 347.
²⁹ *Edwards R. D. Op. cit.*, p. 145.
³⁰ *Connolly J. Workers' Republic*, p. 190.
³¹ *Edwards R. D. Op. cit.*, p. 135.
³² *Керженцев П. Указ. соч.*, с. 186.
³³ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 151.
³⁴ *Greaves D. The Life and Times of James Connolly*, p. 403.
³⁵ *Connolly J. Labour and Easter Week*, p. 70.
³⁶ *Greaves D. Op. cit.*, p. 407.
³⁷ *Macardle D. Op. cit.*, p. 155.

³⁸ Last Words, Letters and Statements of the Leaders Executed after the Rising at Easter 1916. Dublin, 1971, p. 178.

³⁹ *Edwards R. D.* Op. cit., p. 139.

⁴⁰ Last Words..., p. 180—182.

⁴¹ *Coffey F. M.* Agony at Easter. The 1916 Irish Uprising. New York, 1969, p. 252.

⁴² *Connolly J.* Labour and Easter Week, p. 177—178.

⁴³ *O'Brien, Nora Connolly.* James Connolly. Portrait of a Rebel Father. Dublin, 1975, p. 319.

⁴⁴ Ibid., p. 321.

⁴⁵ Ibid., p. 327.

⁴⁶ *Jackson T. A.* Op. cit., p. 400.

⁴⁷ *Reeve C., Reeve A. B.* Op. cit., p. 291.

⁴⁸ *Де Пеа Л.* Расколотый Ольстер. М., 1974, с. 107.

⁴⁹ *Canfield M.* The Easter Rebellion. London, 1965, p. 370.

⁵⁰ *Гоблет И. М.* (Луи Трегиз). Борьба Ирландии за независимость. Пг., 1923, с. 93.

⁵¹ Цит. по: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции, с. 225.

⁵² *Murray S.* The Irish Revolt and After. Publ. by the Communist Party of Great Britain. London, [s.a.], p. 7.

⁵³ Last Words..., p. 193.

⁵⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 56, 53.

⁵⁵ Там же, с. 56.

⁵⁶ *Berresford P. E.* A History of the Irish Working Class. London, 1972, p. 247; *Ryan D.* Op. cit., p. 5.

⁵⁷ *O'Brien, Nora Connolly.* Op. cit., p. 321.

Вместо заключения

¹ *Connolly J.* Labour and the Proposed Partition of Ireland.— In: Labour and Easter Week, p. 111.

² О национальном вопросе в капиталистических странах. Прага, 1981, с. 99.

³ Ireland's Path to Freedom. Manifesto of the Communist Party of Ireland. Adopted at the Inaugural Congress, June 3—4, 1933, p. 7, 5.

⁴ *Гривз Д.* Ирландский кризис. М., 1974, с. 180.

⁵ *O'Riordan M.* Connolly Column. Dublin, 1979.

⁶ *Де Пеа Л.* Указ. соч., с. 173.

⁷ For Unity and Socialism. Manifesto of the Communist Party of Ireland. Dublin, 1970, p. 7, 11.

⁸ Правда, 1982, 17 мая.

⁹ Правда, 1982, 18 мая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I	
От рядового армии ее величества до организатора марксистской партии в Ирландии	5
Первые шаги Дж. Конноли как активиста рабочего движения в Шотландии	—
Дж. Конноли и создание Ирландской социалистической республиканской партии	16
Победы и поражения	33
Глава II	
Вдали от родины	49
«Индустриальные рабочие мира»	—
«Мои чувства принадлежат Ирландии»	69
Глава III	
В авангарде классовых битв	84
В цитадели оранжизма	—
«Классовая война» в Дублине	100
Глава IV	
Накануне бури	120
«Трудности для Англии — шанс для Ирландии»	—
«Разве я не прожил полную жизнь?»	137
Вместо заключения	157
Примечания	161

Хмайра Тимофеевна Загладина

ДЖЕЙМС КОННОЛИ

Заведующий редакцией *А. Л. Ларионов*

Редактор *А. П. Тарасова*

Младший редактор *А. П. Овсепян*

Оформление художника *В. И. Смирнова*

Художественный редактор *А. М. Павлов*

Технический редактор *Е. А. Молодова*

Корректор *Г. В. Борисова*

ИБ № 2609

Сдано в набор 24.01.85. Подписано в печать 24.04.85. А03976.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Литературная гарн.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82. Усл. кр.-отг. 9.04.
Учетно-издат. листов 9,69. Тираж 20 000 экз. Заказ № 322.
Цена 65 к.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.

103051, Москва, Цветной бульвар, 26

49932

65 к.